Анатолий Орлов

На ручье Тигровом

2016

ЛЕС СУЕТЫ НЕ ЛЮБИТ…

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

1. ПЕРВЫЙ ПРОТОКОЛ

Вчера – студент с койкой в общежитии и
стипендией в тридцать пять рублей.
Сегодня – лесничий.
Свой кабинет, свой дом…
Пусть еще без мебели, без шторок на окнах.
Но это дом, собственный дом.
А самое главное – достойная зарплата.
С ума можно сойти от таких перемен!
На работу хожу с жёлтым кожаным
портфелем.
Для солидности.

Как-никак человек при должности.
Всё хорошо…
Ну, почти всё…
Только Сахалин не Крым.
А на дворе зима…
Печку надо топить.
И топить каждый день.
А чтобы топить, дрова нужны.
А дров нет.
Конечно, лесничий без дров – нонсенс.
Но я начинающий лесничий, не волшебник.
Директор сказал: хватит протирать штаны в конторе.
Пора и лесозаготовителей проверить – посмотреть, что там в лесу.
Ну, и дров себе привезти заодно…
А пока выручает портфель.
Контора лесничества тоже отапливается дровами.
Сарай ими под завязку набит.
Прежний лесничий постарался.
Вот и набираю в портфель по ношке в конце рабочего дня.
А сегодня у меня первый выезд в лес.
В портфеле вместо дров – Правила заготовки древесины и протоколы.
На случай, если обнаружу лесонарушение.

Сахалинская тайга – это не рязанские березки.
Это не голубые ситцевые просторы…
Сахалинская тайга величава, угрюма, молчалива…
Даже рев бульдозеров и рокот пил не нарушают ее векового спокойствия.
И на ковыряние людишек в своем чреве она смотрит снисходительно и свысока.
Как тут не растеряться!
Растерялся…
Но виду не показываю.
Что-то мастер мне объясняет.
Бригадир чего-то оправдывается…
Я молча киваю, соглашаюсь, прижимая к груди свой желтый портфель…
На погрузочной площадке две горы пиленых дров.
Подавляю робость в себе, обращаюсь к мастеру:
– Нельзя ли, – и показываю на кучу дров, – мне на отопление немножко?..
Любезность сползает с лица мастера.
– Это раскряжевщик себе приготовил.
– А это, – показываю на вторую гору…
– А это вальщика, – поясняет мастер.
Расстраиваюсь.

Забыл и про проверку, и про Протоколы, –
про все, зачем приехал.
Молча засовываю в портфель чурку,
лежащую в стороне от куч.
– Эта ничья…
Подъехавший начальник лесопункта с
удивлением смотрит на меня.
– Печку растопить, – отвечаю на его немой
вопрос.
– Печку? – переспрашивает он… – Да мы
же с тобой соседи. А у меня этих дров перед
домом… Бери, не стесняйся, сколько нужно.
А почему бы и не взять, если предлагают?
Перекатить десяток-другой чурок много
времени не потребуется…
За этим занятием и застал меня директор.
Приехал посмотреть, как молодой
специалист живет.
И сразу позеленел от злости.
– Завтра чтобы был в лесу.
И без Протокола не возвращайся…
Дрова тебе сами привезут…
Ночь, как студент, штудирую Правила.
Завтра ответственный экзамен…
Я должен составить свой первый Протокол.
…Экзамен сдаю на «ять»
От моих вопросов и у мастера, и у

начальника участка настоящий шок.
От вчерашнего студента не ожидали такого.
А листок Протокола добивает их – под
угрозой и премия, и другие блага…
С лесхозом лучше не ссориться.
Сами вспоминают о дровах.
К вечеру дровяная куча у меня во дворе.
Теперь поленьями портфель рвать не надо.
Дров хватит на год.

2. МНОГОМУ ЕЩЕ НАДО УЧИТЬСЯ

У лесничего забот полон рот.
В лесничестве за все отвечает он.
А больше всего досаждают простые
житейские проблемы.
В лесничестве есть конь – основная
транспортная единица.
И фураж для него.
Пять бочек овса в тамбуре конторы.
И этот овес стал катастрофически убывать.
А виной всему крысы.
Их развелось – ужас.
В контору заходить страшно.
Переступишь порог – а они из-под ног, как
воробьи, врассыпную.

Нужно что- то делать с этим.
На глаза попался кот.
Мне его подарили на новоселье.
Здоровый такой котяра, настоящий крысолов.
Крысолова прямо с порога бросаю в бочку с овсом.
Главное эффект неожиданности…
Чтобы крысы не успели разбежаться…
Через секунду в овсяной муке крысолов выскакивает из бочки.
Вместо «мяу» из раскрытой пасти вырывается отрывистое «мя»
Такого полчища грызунов мой крысолов никогда не видел.
От страха и шока он начал заикаться.
Биологическая защита не сработала.
Что же – применим другую…
Привез из «сэски» отраву – на отравленное зерно крысы ноль внимания.
Что им отрава, когда первосортного зерна бочки…
Теперь вся надежда на помощника.
Он в отпуске.
Соболюет в тайге.
Но сегодня должен появиться в конторе.
На такие мероприятия обычно не опаздывают.

Сегодня – зарплата.
Помощник появился перед обедом.
Прямо из тайги.
Домой даже не заходил.
Небритый, с замороженным рюкзаком.
В рюкзаке добытые тушки соболей.
Знакомимся.
– Анатолий…
– Борис…
Я работаю два месяца, а своего помощника вижу в первый раз.
Он еще официально в отпуске.
Но, несмотря на это, решил помочь мне.
Принес из сарая две плахи.
Выстругал из ивовых прутьев сторожок.
Настроил…
Для тяжести на верхнюю плаху поставил гирю…
А на приманку – кусочек замусоленного сала, что нашел в рюкзаке.
И, чтобы не терять времени, стал свежевать своих соболей.
Но плашка так часто срабатывала, что это занятие пришлось отложить.
К концу рабочего дня очередь из любителей сала и овса иссякла.
А тушки выловленных крыс помощник

забрал с собой.
– Лучшей привады на соболя и не надо, – пояснил он.
Я только завистливо вздохнул.
Многому еще надо учиться…
А с Борисом мы сразу стали друзьями…

3. ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Зима пролетела быстро.
На дворе – апрель.
Капель, первые лужи.
Но снега еще предостаточно.
В соседнем лесничестве работает однокашница – Тоня Синяева.
Но я ее после распределения ни разу не видел.
А тут – случай.
У нее закончились корма для коней.
И директор предложил ее лошадок до лета забрать к себе.
Ибо места в конюшне предостаточно.
Можно было в командировку послать и конюха, но я решил поехать сам.
Интересно посмотреть, как там Тоня поживает.

Да и поговорить сокурсникам есть о чем.
Решил остаться с ночевкой.
Решить-то решил.
Но все пошло наперекосяк.
Тоня успела влюбиться…
А сегодня ее бойфренда забирают в армию… –
Не до меня!
Она даже чаю не предложила.
Сразу же запрягли мне в сани битюга, к саням за узду еще лошадку привязали – и в обратный путь…
Без отдыха, без обеда…
Что бы в Лесогорск успел засветло вернуться…
Опыта общения с лошадьми у меня никакого.
Зато самоуверенности не занимать.
Дорога была уже в проталинах.
Сани шли тяжело.
Но шли.
Пока на обгон в узком месте дороги не пошел лесовоз.
Мой битюг испугался, дернулся и встал на дыбы…
Оглобля выпала из гужа.
Как засунуть ее обратно, я не знал.
Все – приехали.
Двигаться вперед лошадка не могла – оглобля упиралась в дорожное полотно.

А задней скорости у моего транспорта, естественно, не было.
Пришлось впрягаться в сани самому, чтобы поддерживать выпавшую оглоблю.
Лошадь от такой неожиданности чуть на дыбы опять не встала…
Но намерения мои поняла быстро.
Только скосила миндалевый глаз оценивающе: не стану ли ей обузой в нелегком тягловом деле.
Не стал.
Дорога шла уже под гору.
Да и силенки не растраченной у меня было предостаточно…
Но иногда встречались спуски-подъемы, после которых я, как рыба, выброшенная на берег, тяжело дышал.
Но лошадка, привязанная сзади, подталкивала меня в спину, и я продолжал тащить свой воз.
На небе успели загореться звезды.
Потом поблекнуть…
А мы все шли и шли.
И, казалось, пути этому не будет конца.
С восходом солнца наш караван спустился в лесогорскую долину.
Я заметно повеселел.

Считай, уже дома.
Не надо бросать лошадей.
Это все же материальный подотчет.
А за его потерю по головке не погладят.
Почувствовав жилье, повеселели и лошадки.
Решил сделать привал.
Нашлось и ведерко овса, и охапка душистого сена…
Ровно в девять изрядно потрепанный обоз вошел в раскрытые ворота лесхоза.
Мои хождения по мукам закончились.
На меня никто не обратил внимания.
Все тщетно пытались вытолкать из апрельской жижи грузовик.
Я на секунду отвлекся и не заметил, как подошел директор.
– Молодец, – глядя на оглоблю в моих руках, сказал он. –
А я только хотел попросить тебя, чтобы ты распряг лошадку и дернул наш транспорт.
А ты сам догадался, – добавил директор, высвобождая вторую оглоблю.
Моего конфуза он не заметил…
Битюг легко вытащил грузовик из грязи и встал на пригорке под одобрительные аплодисменты.
Мне аплодисменты не требовались.

У меня было одно единственное желание:
скорее бы добраться до кровати.

4. ПОЛЕТ НАД МОРЕМ

Курс о болезнях сеянцев и саженцев в институте я прослушал поверхностно.
Думал, что мне это не пригодится.
Думал, что это что-то экзотическое.
Пришло время посадками заниматься.
А у меня питомник весь полег.
По грядкам фузариоз разгулялся – грибок такой поганый.
И все сеянцы погибли.
Пришлось обращаться за посадочным материалом в область.
В южно-Сахалинске хороший базисный питомник.
Решили за сутки обернуться.
Выехали чуть свет.
Добрались до Южного в обед.
К вечеру машина была загружена под завязку саженцами ели.
А над кабиной горкой еще возвышались саженцы акации – это для биоразнообразия.
Пока перекусывали, пошел снег с дождем.

Заводим машину – стеклоочистители
вращаются, но дождевая крошка со стекол не
счищается.
Ничего понять не можем.
Рядом с нами в стареньком «Москвиче»
парни со смеху покатываются, глядя на наши
манипуляции.
Пока мы поняли, что к чему, парней и след
простыл.
Сняли, паршивцы, щетки с нашей машины –
и только видели их...
Пришлось ехать домой с открытым окном,
стирая со стекла мокрый снег рукой.
Поэтому и скорость была уже не та, и
приустали, естественно.
Под утро дождь перестал, но потянуло в сон.
Стали друг другу анекдоты рассказывать,
чтобы не уснуть.
И все равно уснули.
Причем все сразу.
Проснулся от звенящего полета.
Открыл глаза – машина над морем летит.
Считанные секунды, и резкий удар.
За шиворот песок посыпался.
«Вот и все» – только и успел подумать. –
Сейчас будут позвонки трещать.
Но треска не было.

Установилась ледяная тишина.
А машина, сделав плавный кульбит, вновь встала на колеса.
Роль амортизаторов сыграл посадочный материал в кузове.
У ног плескалось море.
Пробитый радиатор парил…
Лопасти вентилятора загнулись в лепесток.
Приехали…
А бригады ждут посадочный материал.
Гаишник оказался замечательным человеком.
Даже протокола о ДТП не составил.
Мы ему подарили пучок акации – решил эту красоту в палисаднике своего дома посадить.
Он даже попутку для нас нашел, которая за два часа дотащила нашу покалеченную машину до дома.
Посадка леса началась вовремя…

5. ПО РЕКЕ ТОПОР ПЛЫВЕТ…

Отводы – самая большая головная боль таежного лесничего.
Обеспечить лесфондом три лесоучастка с объемом вырубки под сотню тысяч

кубометров каждый – ой, как непросто.
Вот и кормим все лето комаров.
У Бориса своя метода.
Без нее пропали бы.
Деляну берем от ручья до ручья.
Деляночный столб в устье, второй – в верховье.
Два ручья – четыре столба.
Квадрат.
Третья сторона – река, куда впадают ручьи.
Ну, а четвертая подвесная.
Ее затесками не отбиваем.
Она по хребту.
Где дорога пройдет.
Быстро и сердито.
За неделю десяток делян.
По тридцать-сорок гектар.
Одному лесопункту на сезон хватит.
Пора и домой.
В баньку.
Ночуем в лесозаготовительном балке на берегу Черноморки.
Пошел дождь.
Тайфун накрыл юг острова.
Остаемся еще на одну ночевку.
Непогоду переждать.
Под утро просыпаемся от непонятного рева.
Вагончик расшатывает как лодку.

Кругом вода, до берега метров пятнадцать.
До него можно добраться по выкорчеванной лесине, дугой изогнувшейся между вагончиком и комлем срубленного дерева.
Беру топор, чтобы расчистить проход от сучьев.
Топор выскакивает из рук и, приветливо покачивая топорищем, скрывается в водной пучине, в окружении смытых с площадок хлыстов.
Ну и силища!
Мы хватаем рюкзаки и спешно выскакиваем на берег.
Под теплый тропический дождь.
Дождь хоть и теплый, но через минуту от сырости зуб на зуб не попадает.
Ближайшее укрытие – бывший пионерлагерь.
Но до него еще надо добраться.
Вода поднялась так, что реку вброд не перейти.
Но у молодых лесников Саши и Николая на этот случай есть заначка.
В такие передряги попадают не раз.
У них собственная тросовая переправа.
Трос, натянутый через речку.
С концами, закрепленными за стволы деревьев.
На тросу – ролик с удавкой.

Все до гениальности просто.
Правда, этот ролик на противоположном берегу, и до него еще надо добраться.
На берегу встречаем с десяток замерзших и голодных детишек.
И с полдесятка лошадей.
Детвора угнала табун за речку, чтобы покататься.
И докатались…
Эвакуацию начинаем с них.
Коля на руках перебирается через кипящую реку за роликом и удавкой.
Смотреть жутко, а как ему?
Не прошло и часа, как все – на другом берегу.
До города около десятка километров.
Два часа ходьбы.
Пока шли, перестал дождь.
Выглянуло солнце, а в небе появился вертолет – спасать детей.
До окраин городка оставался какой-то километр.
Мы от помощи отказались.
А вот дети прокатились с удовольствием.
Провожая взглядом вертолет, Борис сказал:
– Ну, без приключений никак нельзя. –
Что ни поход – то обязательно с приключением.

6.ЖАРКОЕ ИЗ БИЛЬДЮГИ

Чем питается холостяк?
А тем, что Бог пошлет.
Всухомятку в основном.
На такую банальную процедуру, как приготовление пищи, вечно не хватает времени.
Как-то в конце недели мы с Борисом забежали в гастроном.
Купить банку-другую на вечер.
Вдруг видим в рыбном отделе на витрине незнакомую рыбу.
Рыба без чешуи.
Гладкая-гладкая.
И вся от жира светится.
Глаз от нее не оторвать.
Где-то у берегов Африки поймали.
Ее и мыть, и чистить не надо.
Выпустил потроха – и сразу на сковородку.
Переглянулись.
Была не была!
Сковородка в доме у Бориса есть.
А бутылку растительного масла купим…
Сказано – сделано.
И рыбу купили, и бутылочку с маслом.
Ну, и просто бутылочку.

Ужин получился почти что надо!
Ну, может быть, сервировка стола чуть-чуть подкачала.
Но кто смотрит на такие мелочи.
Для голодных холостых мужчин какое значение это имеет?
Тут главное – кайф не испортить.
А ведь испортили, торопыги!
Какой бы чистой и гладкой рыба не казалась, мыть и скоблить бока ей перед приготовлением надо.
Хотя бы для того, чтобы очистить от слизи.
А африканской слизи на купленной в гастрономе бильдюге было предостаточно.
Естественно, незадачливых кулинаров сразу же прохватил жесточайший понос.
Я раньше как-то стеснялся ходить в уличный туалет Бориса.
Задней стенки у него не было.
А дверь была прикладная.
– Срамота какая-то, а не туалет, – сказал я как-то Борису. –
Навел бы порядок в своем заведении.
Заднюю стенку, для начала, приколотил бы…
Но Борис с присущим ему оптимизмом ответил:
– А зачем? По ж… все равно не узнают, кто в

туалете сидит…
А лицо я газетой прикрываю.
Но в экстренной ситуации стеснение пришлось забыть.
Бегали наперегонки по маршруту «дом-туалет» не только пятницу, но и выходные.
Забыв и про газеты для прикрытия лица, и про отсутствие задней стенки…
А в понедельник, как изможденные бычки, приползли на работу.
– Ну и видок у вас, – сказал директор. – Меньше по бабам надо бегать…
Переубеждать его не стали – засмеет…
Посмешищем на весь коллектив станешь.

7. ЗНАКОМСТВО С БУДУЩИМ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРОМ

В лесу я уже чувствовал себя как рыба в воде.
На мякине как воробья меня уже не проведешь.
Побывал во всех уголках своего лесничества.
Кроме одного: не был еще на Горячих ключах.
С источниками, аналогичными водам Монте Карло.
Там и лечебницу построили.

Правда, запустить не успели.
Августовское наводнение после тайфуна все смыло подчистую.
Лесозаготовки как раз и шли недалеко от источников.
В бассейне реки Сейм.
Участок леспромхоза знаменитый.
Первые Герои соцтруда появились именно на этих лесосеках.
Поэтому проверять именитых заготовителей готовился основательно.
В поселке лесозаготовителей встретил меня сам начальник участка.
Такой же молодой специалист, как я.
Дежурные вопросы: как доехал, не устал ли?
И решительное предложение: с проверкой еще успеем.
А сейчас на Горячие ключи…
Был ли хоть раз на них?
Нет?
Тем более надо посмотреть…
Ванны только что очистили от грязи и ила.
Отдыхающих еще не было.
Вода в ваннах была маслянистая и слегка парила.
И температура в каждой разная…
– Вот и начнем с самой холодной, –

предложил начальник… –
А для этого по рюмочке…
Хитрец, он даже не предупредил, что спиртное и ванны не совместимы.
Четыре ванны.
Четыре рюмочки.
Я разомлел, расслабился и отрубился.
Как меня вытаскивали из источника, одевали, – не помню…
Не проснулся даже после двадцатикилометровой тряской дороги.
Так, спящего, и занесли на второй этаж гостиницы.
Проснулся поздно утром.
На столе графин с холодным квасом.
Какой позор!
Молодой начальник участка успокоил: с кем не бывает.
Уж очень сильные источники.
И хотя больших нарушений на участке не было, при проверке чувствовал себя не в своей тарелке.
Надо же так оконфузиться.
Кстати, хлебосольный начальник участка в девяностые годы дорос до генерального директора «Сахлеспрома» и вице-губернатора, курировавшего эту отрасль.

Руководящая жилка проснулась в нем еще тогда.
Ну, а я…
Я – это я.
Каждому свое.
Наверное, так на роду написано…

8. ЗУБ ДАЮ…

В наш городок приехал зубной врач.
Молодая девица, сразу после института.
И сразу почти у всех молодых парней Лесогорска заболели зубы.
Трудно найти лучший повод для знакомства.
А у меня разболелся зуб по-настоящему.
Да так, что терпеть невозможно.
Ну, Борис и проводил меня до больницы…
Молодая девчонка явно устала от внимания.
Да и опыта никакого.
Но зуб вырвать взялась.
От вида инквизиторского инструмента у меня сразу пропало красноречие.
Чего не скажешь о Борисе.
Он, прежде чем удалиться, от имени нас сумел юную врачиху пригласить в кафе.
Корни зуба ломались с трудом.

Приходилось добавлять наркоз.
Врач постоянно нуждалась в отдыхе.
Пока она отдыхала в соседней комнате от трудов праведных, я, прислонившись щекой к батарее, тихо поскуливал.
От тепла батареи боль немножко утихала.
После трехчасового противостояния зуб пал…
И тут только выяснилось – вырвали зуб не тот.
У рядом стоящего зуба после удаления «соседа» явно просматривалось боковое дупло.
Доктор побледнела.
– Придется рвать другой, – проговорила она упавшим голосом.
К продолжению экзекуции она явно была не готова.
Ну, а я тем более.
Подождем, может само пройдет, – успокоил ее я.
И что вы думали?
Прошло…
Зуб с боковым дуплом стоит во рту до сих пор.
И не болит.
Видно, не хочет больше таких потрясений.
Ну, а я до вечера сумел отлежаться.
А вечером втроем в кафе.

Рассчитывал на вознаграждение за такую практику.
Но, увы.
Провожали вдвоем.
Врачиха потеряла ключ от квартиры.
Дверь можно было открыть изнутри.
А для этого нужно влезть в форточку.
У меня не получилось.
Открыл Борис.
Но только для врачихи…
Мне пришлось не солоно хлебавши уходить домой.
Обида на Бориса быстро прошла.
С юмором у нас все в порядке.
Посмеялись друг над другом слегка и всё быстро забыли…
Не становиться же врагами из-за такого пустяка?

9. МАТРАСЫ В ОБМЕН ЗА ДЮМА

Курсы повышения проходят все.
И старые кадры, и молодые.
Пришел и мне черед ехать в Дивногорск.
В институт повышения квалификации.
Опыта поднабраться.

Город Дивногорск поразил своей планировкой.
Это надо же так ювелирно вписать многоэтажки в сосновый бор!
При этом не срубив и не повредив ни одного деревца!
Красота неописуемая.
Я шел по пешеходной дорожке с раскрытым от изумления ртом и восхищался:
– Какая-то нереальность!
К реальности вернул мягкий удар по голове.
Что-то липкое растеклось по голове.
Кровь?
НЕТ!
Рука нащупывает на носу яичную скорлупу.
С балкона многоэтажки свешиваются два карапуза.
Смеются, довольные удачным выстрелом.
Скучно им в закрытой квартире.
А может, зеваки, как я, надоели.
Вот и развлекаются.
Израсходовав яичный боекомплект, детишки покидают балкон.
А я спешно ищу источник с водой, чтобы привести себя в порядок.
Пожилой мужчина предложил помощь:
– Склад у меня рядом, там и умоешься.

Склад оказался пунктом приема вторсырья.
Всюду горы бумаги и книг.
Причем среди книг много редких.
Тут и сочинения Грабаря, и прижизненные издания Мамина-Сибиряка.
И все это сдано за томик-другой Дюма или Дрюона.
Такие акции, как книжный дефицит в обмен за макулатуру, в те времена проводились регулярно.
Зарывшись в книги, я и про умывание забыл.
А мужичок, видя мою тягу к книгам, сказал:
– Приходи, будешь помогать.
Ну, и себе что-нибудь подберешь по интересу…
Как тут не согласиться?
Я писал реферат на тему «Современное экономическое мышление в лесном хозяйстве».
И моя новая работа явно была продолжением темы.
Более того, я творчески развил ее.
Сдав полтора десятка матрацев из общежития, где проживал, за стопку только что вышедших книг Дюма, Сименона, Дрюона.
Матрацев, которые мне любезно

предоставили за небольшое вознаграждение соседи по комнате.
Матрацев на каждой кровати было по стопке.
А ликвидировать пылесборник – святое дело.
Если моя «экономическая» работа в Дивногорске принесла мне какие-то дивиденды, то в родном лесном управлении ее просто не заметили.
Какое еще экономическое мышление в лесу?
Да еще современное?
Сиди на своем месте и не выпендривайся.

10. ЧИТАЕМ СОЛЖЕНИЦИНА

Директору от матери с Приморья пришла посылка с вишневым вареньем.
Директор человек не жадный.
Угостил вареньем всех конторских.
Ну, и меня, естественно.
А директриса угостила нас упаковкой от варенья.
Не всех, а кому доверяла.
И то, чтобы с возвратом.
Дело в том, что баночки варенья были обернуты в страницы старой «Роман-газеты».
А «Роман-газета» называлась «Один день

Ивана Денисовича».
Автор – Солженицын.
Баночки от такой упаковки не разбились.
А помятые страницы не перепачкались вареньем и опять легко стали повестью.
Издавалась «Роман-газета» во времена хрущевской оттепели.
С тех пор много времени прошло. И многое изменилось.
Солженицын был выслан из страны.
Книги его попали под запрет.
Но русский народ – любопытный народ.
Что под запретом – то и подавай ему.
Мы – не исключение.
О Солженицыне кое-что слышали.
Тайком, по «Голосу Америки».
А вот читать – ничего не читали.
И вдруг такой ликбез.
Директрису можно понять, – за такое по головке не погладят.
Статья сразу найдется – антисоветчина.
И мужа на работе не оставят.
Но баба – она и есть баба.
Видно, новость так распирала ее, что этой новостью она не могла не поделиться.
Так я впервые прочитал Солженицына.
К тому же он оказался моим земляком.

И теперь, представляясь новым знакомым,
я всегда говорил о себе: земляк Сергея
Есенина и Александра Солженицына.
Так творчество его запало в мою душу.
Ну а роман, после коллективного чтения,
вновь расчленен на страницы и сожжен
тайком в печке.
Хранить такое чтиво дома мало кто решался.

11. ЖУКОВ ПЛОХОГО НЕ ПОСОВЕТУЕТ

Чем меньше коллектив, тем больше в нем
разных дрязг.
От обилия свободного времени люди
начинают мучиться дурью.
Высасывают из пальца проблемы.
Перекладывают их на сослуживцев.
Конфликтуют с ними.
Убивая в искусственно созданном поле боя и
свободное время, и нервы.
Втягивая в склоки и партком, и местком.
Работы хватает всем.
Новичку в такой обстановке ой как нелегко.
Прошел эту школу выживания и я.
Работал у меня техником одутловатый, с
нездоровой полнотой мужичонка.

Специалист никудышний, а гонора!..
Как же, – секретарь парторганизации.
Ко мне обращался не по имени-отчеству, а коротко и снисходительно: «паря».
– Ты бы, паря, больше к коллективу прислушивался, – то и дело поучал он меня. – Я плохого не посоветую…
Себя он всегда олицетворял с коллективом.
В конце концов он так допек меня, что я решил объявить ему выговор.
И подал докладную на имя директора.
А тот ответил коротко: нельзя.
Для этого решение партсобрания требуется.
А партсобрание собирает он.
Не знаю, чем бы закончилась эта история, но директор слег в больницу.
Слег надолго.
А за себя оставил не главного лесничего, не лесничих.
А секретаря парторганизации.
То есть моего техника.
И уже не я его вызываю в свой кабинет, а он меня в директорский.
– Ну, вот и встретились вновь, «паря», – начал он. – Надо бы тебе выговор объявить, но я не злопамятный.
Ты помни это, «паря», всегда.

Вышел из кабинета как оплеванный.
Но быстро успокоился.
Я только что закончил читать
«Воспоминания» Жукова.
Слова о субординации есть там хорошие:
«Ты начальник – я дурак.
Я начальник – ты дурак».
Просто и понятно.
Не я создавал руководящую и
направляющую, не мне с нею бороться.
Уживаться надо со всеми.
С тех пор работать стало легко и просто.

12. ПРАЗДНИК ЖИВОТА

Мне всего чуть-чуть за двадцать, а уже
бессонница.
Не могу заснуть, хоть убей.
До моря двести метров.
Тяжелые волны, как жернова, перемалывают
прибрежный песок без остановки на отдых
день и ночь.
В ушах глухой шум.
А когда на море шторм, становится страшно.
Кажется, волны плещутся за окном.
– Привыкнешь, – говорят старожилы. – Мы

ничего такого не замечаем.
Может, и правда, привыкну, но все равно страшно.
А сегодня к шуму моря добавился еще запах, сопровождаемый оголтелым криком чаек.
Было еще очень рано, но решил прогуляться.
Наверное, что-то случилось неординарное.
Несмотря на утреннюю рань, на море многолюдно.
На берегу суетятся жители городка с ведрами, рюкзаками, мешками.
На нерест пошла мойва.
Самая любимая весенняя рыбка горожан.
Волны моря тяжело выбрасывают ее на берег.
А она все идет и идет.
И, кажется, этому нашествию не будет конца.
Прибрежный песок густо испещрен следами лесных обитателей: лис, енотов, ворон…
Но самих обитателей не видно.
Пресытились.
Лишь кружат в воздухе ненасытные чайки.
Да из ближайшего леска раздается ленивое карканье ворон…
Кто же добровольно откажется от такого угощения?
Но я никакой тары не захватил с собой.

И набрать сладкую рыбешку некуда.
Снимаю майку.
Лямки завязываю узлом – чем не мешок?
И из серебристого шевелящего вала на кромке волны наполняю его.
Теперь можно и домой.
Теперь можно устроить праздник живота.
Остальное – посолить и высушить.
Чтобы организовать посылочку друзьям.
Не пошлешь – обидятся.
Все же живу на рыбном острове.

13. ПОСИДЕЛКИ

Соседями у меня были дядя Федя и тетя Катя – очень милые люди.
Дядя Федя работал водителем лесовоза в леспромхозе.
Бывший разведчик, прошедший войну от звонка до звонка.
Тетя Катя работала у меня лесником.
На работе ее я называл, естественно, только по имени-отчеству: Екатерина Кузьминична.
На ней держались все лесокультурные работы.
И проблем с посадкой леса, уходом за лесными культурами, их качеством у меня

никогда не было.
Соседи были очень хлебосольными людьми, и я любил бывать у них.
По утрам они всегда приглашали меня на чашечку кофе.
И я не отказывался, чтобы не обидеть их.
А в выходные, по вечерам явка была обязательна.
В доме гостей было немного, но все хорошо знали друг друга.
Поэтому и не стеснялись в общении.
Поэтому всегда было весело.
Ровно в десять гости расходились.
– Веселье весельем, но забывать о работе не надо, – провожая гостей, всегда говорил дядя Федя.
Он был очень большой выдумщик.
Похожий на цыгана, слегка захмелев от выпитого, он часто переодевался в наряд цыганки.
И предлагал мужчинам погадать.
Его гадания были так искрометны, так непредсказуемы, в них было столько интриги, что все присутствующие покатывались от смеха.
А тетя Катя, облачившись в костюм мужа, превращалась в разбитного

мужичонку, приставшего к женщинам с неприличными предложениями.
Так что всегда было очень весело.
И всегда были карты.
За степенной игрой обменивались новостями, советовались друг с другом.
Не обходили стороной и работу…
Но дядя Федя всегда обрывал такие разговоры.
О работе наговоритесь на работе, – говорил он.
А сейчас мы отдыхаем.
Однажды на огонек заглянул новый главный лесничий с женой.
Заглянул на минутку, а засиделся до вечера.
Да еще, когда все уже собрались расходиться, попросил продолжения…
Хлеба и зрелищ не хватило.
Тетя Катя, переглянувшись с мужем и поняв друг друга без слов, вышли на кухню.
Через минуту оттуда раздался ложечный барабанный бой.
В дверном пролете показалась тетя Катя.
В руках – серебряный поднос.
Как-то неестественно, боком, в притирку к ней шел дядя Федя.
На подносе, украшенные веточками петрушки, лежали его причиндалы.
– Встречайте, – весело крикнула тетя Катя и

пропела:

«Вот вам, люди,
Хрен на блюде –
Ничего больше не будет».

И, сделав круг почета вокруг стола с гостями, оба скрылись на кухне под оглушительный гогот присутствующих.

– Смело и непривычно, – оценивая увиденое, сказал главный лесничий.

Больше на посиделки он не забегал…

14. А ВЕДЬ МОГ КРУТО ИЗМЕНИТЬ СВОЮ СУДЬБУ

Сотрудничать с газетой я стал по долгу службы. Работа с населением – прямая обязанность лесничего.

И эту работу проще всего вести через газету. Вот я и стал писать противопожарные статейки, заметки по правилам поведения в лесу.

А потом директор попросил написать о работе коллектива.

Ну, и пошло-поехало.

В редакции я стал своим.

Район был лесным, знания мои оказались

востребованными, и меня приняли внештатным корреспондентом.
Тут надо держать марку…
Я проштудировал статьи всех районных асов пера, чтобы писать на высоте.
И понял одну особенность: во всех статьях обязательно встречалась одна ключевая фраза: «во исполнение решения такого-то Съезда, вдохновленные решением такого-то Пленума и т.д.»
Нашпигованную такими страшилками статью я и положил на стол редактору.
Он внимательно прочитал, грустно улыбнулся и сказал: – Статья очень хорошая, но вот это, – редактор показал на мои вставки: «во исполнение, воодушевленные» – надо убрать.
Но я понял слова редактора по-своему.
Решил, что я не дорос до профессиональной печати.
Оперировать такими словами мне просто не разрешают.
Из тщеславия я ничего убирать не стал.
Так ее и напечатали.
И потом все мои статьи были нашпигованы подобными перлами.
Этого не мог не заметить секретарь парторганизации.

Когда освободилось штатное место, он рекомендовал на него меня.
– Я же не член партии, – завилял хвостом я.
– Ну и что? Это формальность. Примем быстро и без квоты.
(Тогда при приеме в партию соблюдалась жесткая пропорция: на три рабочих места выделялось одно для служащих и интеллигенции.
Это чтобы не размывались партийные ряды.)
В газете я очень хотел работать.
Очень-очень.
Но в партию даже под угрозой расстрела не вступил бы.
Пример брата стоял перед глазами.
Он закончил сельхозинститут.
По профессии – агроном.
По иронии судьбы стал работать инструктором в райкоме.
Но очень уж тянуло обратно на производство.
Подал заявление.
В ответ: – Положишь партбилет, и можешь идти.
Положил.
И ушел.
Ушел вольным каменщиком: перекладывал печи, обмуровывал котлы.

Работал на вольных хлебах.
К другой работе его просто не подпускали.
И зачем только высшее образование получал, зачем партийного опыта набирался?
Я боялся повторить его опыт.
Сидячая работа не по мне.
Знал, что долго не выдержу.
Поэтому на предложение миролюбиво ответил: не дорос я еще до партии, ветер у меня в голове.
Я уж лучше буду сотрудничать с вами, как и раньше.
– Ну, это твое дело, – ответили мне. – Свою судьбу каждый выбирает сам.
И все осталось по-прежнему.
Только такие перлы, как «во исполнение, вдохновленные решением», из моих статей исчезли.
Год назад я просматривал альбомы с вырезками.
И мне стало грустно и стыдно за написанное.
Я сначала попытался вырезать ножницами партийную белиберду из них.
А когда ничего толкового от таких манипуляций не получилось, я просто уничтожил ненужный архив.

15. НА ГОЛЬЦА

Молодым хочется посмотреть все.
Договор закончился – переехал в Первомайск.
Природа на восточном Сахалине уникальная.
А какая рыбалка!
Пригласили на гольца.
На Хузи его можно голыми руками ловить.
А вообще-то лучше на гитарную струну.
Сделал из нее петельку и вытаскивай из отстойной ямы на выбор.
Его там как в садке.
Не поверил.
Но гитарная струна нашлась.
Накануне порвал на гитаре.
Когда под нее пели песню «Порвали парус».
Вот с большими рюкзаками и струнами в кармане компанией поехали на лесосеку.
От лесосеки до речки бездорожьем десяток километров.
Но для молодого человека это разве расстояние?
Главное – вовремя вернуться назад.
Вахтовка ждать не будет.
До речки добрались за два часа.
Тропка, едва намятая, в основном шла на спуск.

Увиденное превзошло ожидания.
Голец на выбор.
Любого размера и в любом количестве.
Закормленный, непуганый, ленивый…
Наш проводник вытащил полтора десятка и сказал: «Хватит».
А мы так в раж вошли, что остановиться не можем.
Но рюкзаки не безразмерные…
Пришлось азарт остужать.
В обратный путь двинулись бодро.
С шутками-прибаутками.
А иначе и не могло быть после царской рыбалки.
Прошел час.
Второй.
Сели на валежину отдохнуть.
Хоть и говорят, что своя ноша не тянет, – это не правда.
Тянет, еще и как!
Из-под валежины высунул нос соболек.
Зверь и тот в этих местах непуганый.
Поднимаюсь, чтобы идти дальше, а рюкзак неподъемный.
Решил схитрить, чтобы слабость свою не выдавать..
Отсыплю-ка рыбки собольку.

А вдруг у него рядом детки малые… – глядя на ребят сказал я, и отсыпал добрую треть.
Ребята тоже оказались нежадными и смышлеными.
И их рюкзаки заметно похудели…
Еще три остановки на перекур, и мы у вахтовки.
Что ни остановка – то кормление зверюшек.
В конце концов в рюкзаке осталось не более двух десятков рыбок.
Глядя на наши измочаленные лица, проводник сказал:
– Будете знать, как жадничать. Поймали два десятка – и хватит.
Практикой проверено.
В следующий раз умнее будете.

16. ПРОВЕРКУ НЕ ПРОШЕЛ

Новый человек всегда привлекает внимание. Особенно, когда он «в соку».
У местных кумушек сотни вопросов возникают.
– Почему один?
– Почему без семьи.
– А может, ущербный на это?..
Естественно, и желание пристроить его возникает.

Я тоже не избежал процедуры дознания.
Наша инженерша решила за свою подругу сосватать.
Ну и проверить перед этим, все ли у меня в порядке.
Не кота же в мешке предлагать любимой подруге.
А для этого такую операцию разработала!
На приемку лесосек с ней поехали.
На дальние деляны.
Более полусотни километров от поселка.
Пошли в лес на проверку – а мастер «случайно» забыл про нас.
Вернулись с делян – рабочих и вахтовки нет.
Уехали.
Надо ночевать.
Я человек бывалый.
Сразу печку в обогревательном вагончике затопил.
Запас дров на ночь приготовил.
В сентябре ночи уже прохладные.
Воды принес.
Чайник вскипятил.
Нашел коробку с сахаром.
Несколько корочек.
Одним словом, жить можно.
До утра продержимся.

Моя спутница не сколько помогала, сколько мешала, стараясь привлечь внимание к себе.
То она колено расцарапала, чтобы я посмотрел.
То клещ за пазуху заполз, и надо его снять.
Я и колено посмотрел, и какую-то букашку из-за пазухи вытащил…
И никаких эмоций.
Опять за будничные дела – ночь же скоро…
Спать легли на лавки напротив.
Но не спится мне, то и дело встаю, чтобы дров в печку подкинуть или дров поднести.
Чувствую, и она не спит.
Хочет что-то сказать, а с чего начать – не знает..
А ночью вернулась вахтовка…
Раздраженная инженерша накинулась на мастера.
Я отошел в сторону, чтобы не видеть финала комедии.
Наконец-то дошло до меня, ради чего спектакль ставился.
Проверку я не прошел.
И из центра внимания кумушек сразу выбыл.
Наверное, сочли за ущербного.
А они, ущербные, женский пол не интересуют.
Объектов охоты и без них много.
Поселок-то лесозаготовительный.
Кругом мужики…

17. ТЕЛЕМАСТЕР

Это сейчас захотел выпить – хоть запейся…
А в восьмидесятые…
Магазин закрылся, и переходи на воду…
А моему трактористу воды в этот день и без этого хватило.
Переезжал на тракторе речку вброд, да глубину не рассчитал…
А солнышко уже за сопкой приветливо последним лучиком покачивало.
И вспомнил тракторист про огромную бутыль с настойкой чемерицы в кладовке совхозной фермы, мимо которой проезжал.
Настойки на спирту.
Вот что значит хорошая память.
Договориться со сторожем фермы было не сложно.
У того тоже трубы горели.
Здесь же, рядом с фермой, и раскупорили бутыль.
Знали конечно, что настойка эта не только спирт, но и яд.
Сколько коров на лугах чемерицей отравилось, но надеялись – пронесет.
Спирт нейтрализует отраву.
Не пронесло.

Сторож был щупленький, болезненный –
сразу после первого стакана преставился…
А тракторист мой выжил – только глотку и
пищевод спалил.
Ну, ничего, подлечили, откачали…
Снова работает и не пьет.
Теперь ему любое дело можно доверять.
А тут день рождения у меня…
И в этот день технику с лесосеки надо
выгонять…
Уехал с вахтовкой пораньше.
Не ждать же, когда трактор с перевала
допиликает.
Тем более, тракторист уже не пьющий.
Под вечер первая пурга разыгралась.
Стемнело – а трактора нет и нет.
Пришлось прерывать застолье – и на поиски…
А дорогу уже хорошо подзамело.
Никаких следов…
День рождения был безнадежно испорчен.
Утром поиски возобновили.
Нет трактора нигде – будто сквозь землю
провалился…
Собрались возвращаться назад, чтобы
доложить о ЧП.
Да дымок в стороне увидели – там зимовье
охотника стоит.

У зимовья – заметенный снегом трактор…
В зимовье – пьянющий тракторист.
Оказывается, после нашего отъезда он подкалымил.
Вытащил из лужи какую-то крутую машину.
А те ему пару бутылок коньяка.
И выпить хочется – и нельзя.
Пищевод сожжен дотла.
А ведь нашел выход.
В аптечке был трубчатый жгут.
Заглотить его большого труда не составило.
Из листа бумаги сделал воронку – и содержимое бутылки, минуя пищевод, сразу в желудок.
Не зря у него кличка «телемастер» была.
Любил в механизмах ковыряться и изобретать всякую всячину.
И здесь оказался на высоте.
Русский мужик на выдумку горазд.
Наказывать его не стали.
На радостях, что сам живой и техника в порядке, спустили это дело на тормозах.

18. ЧТОБЫ ТАКИХ ГЛАЗ БОЛЬШЕ НЕ ВИДЕТЬ…

В лесу случилось ЧП.
Ремонтировал машинист трелевщика трактор.
Поднятый щит закрепил трухлявым колышком.
Надо было всего лишь сальник заменить.
Понадеялся на авось.
Но гнилой кол не выдержал веса – тяжелая травма.
Увезли беднягу в больницу без сознания.
Тут и выяснилось, что за технику безопасности он не расписан.
То есть инструктаж с ним по безопасности труда никто не проводил.
Вот и результат.
Отвечай, лесничий!
Тут не то что с работы могут снять, а и к «уголовке» за халатность привлечь.
Помощник посоветовал, пока не приехал инспектор с Обкома профсоюза, в больницу съездить.
Узнать, что да чё, ну, и журнал по технике безопасности с собой прихватить.
Собраться много времени не надо.
В магазин забежали.
Как раз мандаринчики-апельсинчики

привезли.
Дело к Новому году шло…
Больной наш только что пришел в сознание.
Голова, как у куклы – сплошной бинт.
Только щелочки глаз из-под марли
проглядывают.
Но по глазам видно, что рад нашему приходу.
Как-никак начальство навестило…
Улыбается сквозь боль.
Поговорили о том, о сем.
Здоровья пожелали…
А, уходя, журнал по технике безопасности
протянули.
Чтоб расписался, что инструктаж с ним
провели.
Расписался, конечно…
Но провожал нас такими глазами…
Лучше этого больше не видеть.
Столько боли, столько презрения в них!..
С тех пор к технике безопасности на рабочем
месте отношусь очень серьезно.
Знаешь ты или не знаешь, как себя в данной
ситуации вести, – но инструктаж прослушай.
И, конечно, распишись.
Во всем порядок должен быть…

19. СПИРТ С КРЕСТИКОМ

Приехал в гости именитый родственник.
Начальник ОРСа.
В эпоху всеобщего дефицита шишка большая.
Привык, что он пуп земли.
Он даже с собой бутылочку не прихватил, чтобы ее на стол поставить...
Считал, наверное, что эти бутылочки у нас в огороде растут…
А они не растут.
И в импровизированном баре у меня всего лишь граммов двести водки…
А в магазине винные полки давно паутиной затянуло.
А сосед у меня китайским спиртом приторговывал.
Техническим, с предупредительным крестиком на этикетке.
У местных пьянчуг эта отрава шла на ура.
Сколько их потом под такой же крестик слегло!
Но русский человек хлебосолен.
Гостя надо встречать.
Взял и я этот «крестик», правда, обезопасился, как мог.
Марганцовочки добавил.

По щепотке зверобоя и боярышника.
Развел до кондиции и долил початую бутылку.
Такой коньяк получился!
А жена мой напиток в графинчик перелила…
Так что дорогого гостя было чем встретить.
Гостю прием понравился.
Попросил добавки…
С добавкой я рисковать не стал…
А вдруг…
Рассказал правду.
Гость страшно побледнел.
И в туалет…
Оттуда вышел растерянный и
побледневший.
Но выводы правильные сделал.
Прощаясь, записочку оставил.
Для завмага магазина «Радуга»
Ну, я, естественно, с утра сразу в областной
центр.
В «Радугу».
Так спешил, что сумки не взял.
Думал, дадут бутылочку-другую.
Так я их в карманах размещу.
А там бери не хочу!
Вот я в полиэтиленовый пакет и затоварил
их, родненьких, десяток.
Выходил из подсобки мимо экзотической

очереди.
До открытия отдела со спиртным еще полчаса, а в очереди уже человек пятьдесят.
И все, все хотят…
Да что тут говорить!
Помните сами, наверное…
Но, когда спешишь, всегда неприятность случается…
Так и на этот раз.
Зацепился пакетом за трость какого-то пенсионера, и пакет пополз…
И десяток моих бутылочек, как по команде, на пол.
Немая сцена.
Если бы вы видели ее!
Не знаю, что бы со мной сделала очередь, если бы не находчивость кассира.
А она и сказала всего три слова: «Это на похороны».
И толпа сразу притихла.
Ну, а родственничек мой теперь уже всегда приезжал с бутылочкой коньяка.
Чтобы опять не попасть впросак.
Чтобы опять не напоили чем-то, что угрожало его бесценной жизни.

20. АФЕРИСТ

В конце месяца обязательно чищу свой
подотчет.
Списываю все, что израсходовал.
Малоценку, топливо…
Основные средства, если срок подошел…
Иначе столько всего наберется!
Забудешь – и все на тебе висеть будет.
Потом не спишешь!
После пожара у меня двух спальников не
хватало.
То ли сгорели, то ли забыли в лесу при тушении.
А стоимость каждого – больше, чем мой оклад.
Накладно за них из своего кармана платить.
Вот и решил схитрить.
Я дважды пытался списать их.
Но – облом.
Директор дважды вычеркивал их из ведомости.
На этот раз злополучные спальники я внес
в ведомость с подлежавшими списанию
топорами, лопатами.
Записал, как просто мешки…
В них овес получал, спецодежду…
Директор, пробежав глазами список,
поставил свою визу.
А я на заверенном документе, перед тем,

как сдать в бухгалтерию, к слову «мешки» добавил: «спальные».
Не мытьем, так катаньем своего добился…
Откуда мне было знать, что мешки и спальные мешки на разных счетах.
Что спальные мешки – основные средства, и у них особый механизм списания.
Главбух с моей ведомостью – к директору.
Меня туда же…
Афера с мешками выплыла наружу.
А за мной надолго закрепилась кличка «аферист».
И документы, сдаваемые мной, порой рассматривались чуть ли не под лупой.
А что касается злополучных спальников…
Нашлись они.
В конюшне.
Конюх на просушку брал.
После того пожара.
Под дождь они попали.
Просушил – и забыл вернуть на место.
Вот и валялись они на сеновале.
Пока лошадкам сено не потребовалось.

21. ЗАРАБОТАЛИ

За хорошую работу производство поощряло путевками выходного дня.
Поездками в Киев, Ленинград, Москву.
Мне достался Комсомольск-на-Амуре.
Компания подобралась своя, веселая.
Четверо мужчин и две женщины.
Быстро долетели.
Быстро завезли нас в гостиницу.
Правда, при заселении произошел небольшой инцидент.
Женщины наши приглянулись джигитам.
И они стали приглашать наших дам в гости, гортанными голосами предлагая посмотреть косметички – огромные перламутровые коробки с крышками, инкрустированными бабочками.
Их и в столице не всегда отыщешь.
Мечта каждой женщины.
У наших провинциалочек сразу глаза загорелись.
Всего то – пойти и посмотреть…
И косметичка твоя.
Загорелись и потухли – они же не одни…
Хихикнули коротко, повертели заморские штуковины в руках и снова к нам.

В свою непритязательную компанию.
Два дня пролетели быстро.
Экскурсии, шопинг.
Скучать было некогда.
Даже в ресторан сходили.
И вот отъезд.
Хвастаемся, кто что купил.
Наш мастер цеха, разбитная девица,
отзывает меня в сторону.
Друзья мы с ней.
Смотри, что у меня.
Из сумки с заговорческим видом
вытаскивает… косметичку.
Ту самую, с бабочкой.
И у Наташки такая же? – спрашиваю я.
– Такая же, – подтверждает она.
И когда только успели встретиться с
джигитами?
Кажется, все время были на глазах.
Ловко их джигиты на перламутровый
крючок подцепили…
А ведь и мы мечтали об интрижке…
Но, видно, не джигиты…
Мы даже по простой безделушке не подарили.
А туда же!
Но жене подарок привез.
Сапоги.

Купил на барахолке.
При всеобщем дефиците большая удача.
Не сапоги – восторг!
Так они мне понравились.
Царский подарок жене.
На них всю свою заначку потратил.
А ради нехватающей тридцатки здесь, на барахолке, даже банку икры продал.
А с этой банкой думал в ресторан сходить.
Чтобы все путем – шампанское, ананас, икра…
Но от моего «восторга» жена в восторг не пришла.
Сапог кособочил на левую ногу.
А ходить нога колесом – удовольствие не из приятных.
Но подвиг мой и финансовое самопожертвование оценила.
У мужиков такое бывает нечасто.
Да я и сам не знаю, что на меня тогда наехало.

22. ДАЧУ В ОБМЕН НА КОЖАНЫЙ ПЛАЩ…

Дачное поветрие сродни болезни.
Стоит одному завести дачу – захочется и другим.

Дачные товарищества росли как грибы.
Вот и у нас в лесхозе открылось свое.
Со значимым названием «Лесник»
Ну ладно, участки брали городские жители.
А мне зачем?
Полгектара земли у дома.
Нет, туда же…
Правда, взял уже последним.
Когда свободных участков не было.
Кроме котлована, куда со всего товарищества корчи и древесные отходы свезли.
Столько денег потратил.
Десяток КАМазов щебенки и камня завез.
С полдесятка перегноя.
Бульдозер пришлось пригонять.
Шабашников на строительство нанимать.
Мужик я в те времена был рукастый.
Дача получилась не хуже, чем у других – это главный параметр оценки строения.
Раза два даже ночевал на ней.
Красиво было осенью.
Огромная стая лебедей пролетала, чуть ли не цепляя балкон.
Но как быстро начался дачный бум, так скоро и закончился.
Пошли всякие дефолты и подорожания.
Цены на бензин до небес выросли.

Не наездишься…
Люд с Сахалина побежал.
Квартиры бросали, не то что дачи.
Как спешно построил ее, так спешно продал.
Морячку, которого жена из дома выгнала.
За тысячу баксов.
Ровно столько, за сколько сторговали жене
плащ из какой-то жеваной кожи.
И опять жизнь вошла в привычный ритм.
Лес, он суеты не любит.

МАМА – арМИЯ !
(повесть)

1. ИЗВЕСТНОСТИ ЗАХОТЕЛОСЬ

Как- то в студенчестве я написал песню.
Вернее, не песню – песенку.
Она так и называлась – «Песенка о ректоре».
Друзья пели с удовольствием.
А вскоре знал ее и весь институт.
Я и сейчас помню бесхитростные слова:

«Дорогие мои,
Я студент БТИ,
Всем известного брянского вуза.
За его только счет
Братство леса растет
Во всех точках родного Союза.

Ректор наш знаменит,
Его имя гремит,
Делегат конференций и съездов.
А его лесники,
Как один штрафники,
Распивают вино по подъездам.

Он мужик пробивной,
Он своей головой
Может, место в ЦК и заслужит.
Мы ж не гордый народ
И не рвемся вперед,
Нам достаточно северной стужи.

Пусть он будет в ЦК,
Пусть осядет в верхах,
Пусть он первого даже заменит.
Нам на это плевать,
Нам жила б дольше мать
И светил из светил
Только Ленин».

И так далее…
Написано это было в годы восходящей звезды Брежнева, когда на дворе гасли уже краски хрущевской оттепели.
Но молодежь еще жила и дышала песнями Галича.

Да это и было неумелое подражание Галичу. Был я тогда молод, задирист, ничего не боялся. Да и чего бояться, если опус нравился всем, если каждого второго с факультета и так распределяли в леса Мордовии, где отбывали срок те, кто ничего не боялся.

Нежданно-негаданно песня принесла дивиденды.

Я стал узнаваем и – чудо, – стал получать индульгенции за пропущенные лекции, за не сданные вовремя зачеты…

И даже защита диплома превратилась в «вечер вопросов-ответов».

Писал я его по Сахалину, где проходил практику.

О Сахалине тогда знали только то, что много рыбы на нем, и что когда-то отбывала там каторгу Сонька Золотая Ручка.

Вот и всё…

Честно скажу, полученное «отлично» трудовым не было, хотя работа и стоила высокой оценки. Ведь темой дипломной работы был Сахалин, когда у всех остальных привычное Нечерноземье.

За Урал практикантов не посылали, я был исключением.

Профессор Обозов, мой дипломный

руководитель, по душевной щедрости сумел пробить практику на далекий остров.
– Езжай к Жене, Женя тебе поможет.
И по работе, и сборник стихов издать.
Женя, тоже его дипломник, был в то время на Сахалине известным поэтом Евгением Лебковым, директором крупного лесхоза, а для института – его гордостью.
Эту историю вспомнил я, будучи призванным в армию рядовым после отсрочки на учебу.
1970 год. Я – курсант радиотехнического полка особого назначения.
Мой взвод – взвод радистов в учебной роте.
Каждое подразделение имеет свою песню, песня – визитная карточка подразделения.
Вот и нам замполит доверил самостоятельно изготовить свою «визитку».
Правда, предварительно вручив проспект с набором геройских песен.
Почти у всех ребят среднее техническое образование, немало и с высшим, а нам песни о Василии Чапаеве и о коннице Буденного, героях бесчисленных анекдотов!
– Песни о ряженых – тоска!
А что, если создать свою?
Ребята поддержали идею сразу.

2. ПЕСНЯ ПЕСНЕ РАЗНИЦА

В армии вольнодумству места нет – мало ли кому чего хочется!
А хочется ли это взводному?.. А комбату?..
Пошел за величайшим дозволением к командиру батальона.
Комбат не против – дерзайте.
Вспомнили пушкинского Вещего Олега – музыка, слова, – мурашки по телу бегут.
Ну, и что из того, что песня в гражданскую была гимном добровольческой армии?
Слова-то мы свои напишем, тут никакой подрывной идеологии…
Слова с помощью товарищей «на гора» я выдал быстро.
В памяти остались обрывки.
Помню, начинался сей опус так:

«Мы русские парни,
Мы служим в ОСНАЗ,
И редко кто слышал
Чего-то о нас,
О части за кладбищем старым».

Заканчивалось творение совсем геройски:

«И вновь на посту
Наш простой паренек
(врачи потрудились немало)
О том, что он мир
От войны уберег,
Не мы – только Родина знала!»

Ребята в восторге, доволен и я.
Ох, уж это тщеславие, опять известности захотелось!
Опять расчет на синекуру, на поблажки, увольнения.
Первую спевку сделали в укромном уголке части, недалеко от КПП.
Откуда-то из-под земли появился старшина Филонов, сверхсрочник.
Несмотря на скромные лычки, должность он занимал офицерскую, притом в отделе, о котором громко не говорят.
– Прекратить! Секретный полк, о котором никто и слыхать не слыхивал, где стоит, что делает – никто не знает, а они о нем песни петь вздумали!
Я вас не петь – плясать заставлю.
И действительно, следующий день для нас начался с пляски, вернее, с шагистики на плацу, длительной, изнурительной.

А потом нам, уставшим и присмиревшим, как овечки, посеревший комроты читал проповедь о бдительности.
Старшина сидел рядом и слушал.
А после проповеди мы под его присмотром, рассыпавшись цепью, обследовали все уголки части, где нерадивые курсанты могли бы бросить обрывки писем или конвертов от них…
Вдруг на каком-то обрывке фамилия или адрес имеются, враг-то не дремлет.
После истории с неудавшейся песней старшина Филонов взял меня под свою опеку.
Если взвод шел в баню – мне выпадала честь приводить ее в порядок и собирать грязное белье.
Если шли в наряд – моя была кухня.
Всякая работа, приносившая неудобство, была моя.
Вот тогда-то я понял – песня песне разница.

3. ЖАРЕНЫЙ ГУСЬ

Для солдата весточка из дома – радость.
А посылочка, даже скромная, – вдвойне.
Поэтому приход почтальона в часть – событие, каждый раз волнительное.

Получал посылочки и я.
Вскрывали их всегда под присмотром сержанта.
А вдруг там внутри что-то недозволенное окажется?
На этот раз выдача посылочки из дома была неординарной.
Почтальон сам разыскал меня, когда мы в очередной раз прочесывали плац в поисках окурков.
И сам вручил мне уведомление – надо же, какая честь!
И до отделения связи сопроводил.
Чудак! – какой солдат увиливает от приятной процедуры.
А в отделении связи по прибытии сразу какая-то нервная суета возникла.
Посылочку почему-то вынесли не из кладовки, как всегда, а из холодного коридора.
Причем несли на вытянутых руках, как бомбу, которая в каждую секунду может шарахнуть.
А если бы ее оттуда украли? – мелькнула мысль в голове.
Мелькнула, и сразу исчезла.
От большого фанерного ящика, перетянутого шпагатом, потянуло таким

трупным запахом, что я чуть не задохнулся. Когда же ящик взял в руки, чуть не упал в обморок – так закружилась голова.
– Да выкиньте вы ее, – сказал я оператору. – Наверное, испортилась в дороге.
– Нет уж, заберите свое сокровище, да побыстрее, нам чужого не надо.
Решил выбросить посылку в кусты. Прямо у почты.
Сержант даже не сопровождал меня. Старался держаться подальше.
Видно, и у него от такого амбрэ проблемы с головой возникли.
Но в последний момент какая-то искорка пробежала.
У меня же завтра день рождения!
Неужели родители ничего…
Преодолевая брезгливость, взломал ящик. Все пространство его занимал огромный жареный гусь.
Долго же шла посылка из Подмосковья!
Из вспоротого живота гуся торчали мятые газеты.
Наткнулся на твердое, выдергивая их.
В газетах лежала запотевшая бутылочка.
– Ай да родители!
День рождения отметили под символические

двадцать грамм.
Тайком, у кладбища, рядом с которым стояла наша часть.
И так повеяло домом в эти мгновения!

4. ПРИСЯГА

Принятие присяги.
Этого события ждет с нетерпением каждый призывник.
С принятием присяги ее солдат становится настоящим солдатом.
Ему доверяют оружие, он ходит в караул, выезжает на учения.
Жизнь становится разнообразнее и интересней.
Через месяц службы этот торжественный момент наступил и для нас,
курсантов учебки.
С утра накормили праздничным завтраком.
Мы отутюжили форму, начистили до блеска сапоги и бляхи.
Подшили свежие подворотнички на парадную форму.
На плацу играл духовой оркестр.
Посередине плаца стояла трибуна, на

которой разместились именитые гости, в том числе и командир полка.
Над ними развевалось кроваво-красное полковое знамя.
Парадным строем нам предстояло пройти мимо трибуны, а потом, перед знаменем, принять присягу.
Десять шеренг по четыре человека.
Одиннадцатая – неполная, а точнее – я один, как самый маленький и щуплый.
Под воздействием торжественной музыки вхожу в какой-то транс.
Так же, как все, тяну носок и высоко держу голову с равнением на знамя.
Торжество заполняет меня, я чувствую свою причастность к великому действу…
Минута, другая, третья – и, вдруг какой-то смешок.
– В такой-то момент!
Из мира торжественного возвращаюсь в реальный.
– Какой ужас!
Я отстал от строя метра на три и марширую прямо на трибуну.
Еще немного, и торжественное событие переросло бы в трагикомедию.
Сбиваюсь с такта, разворачиваюсь вслед

уходящим товарищам и чуть ли не бегом догоняю строй.
От испуга краснею как рак и втягиваю шею в ожидании неминуемого наказания.
Но стоило взглянуть на бравый вид товарищей, успокаиваюсь.
Слова присяги произношу четко, как все:
– Торжественно клянусь…
Самообладание возвращается ко мне.
За конфуз на плаце даже замечания не получил.
Это, мол, от волнения.
Такое бывает…
Главное, солдат присягу принял, а наказать всегда повод найдется.
Даже старшина Филонов в этот день был благодушен ко мне.
Вот что значит солдатский праздник.
Жаль, что служба состоит не из них, а из бесконечных серых буден…

5. А ВЕДЬ Я ТАК СТАРАЛСЯ…

Сделать из салаги настоящего солдата задача номер один для отцов-командиров.
Из кого-то это делается через серию наказаний, как из меня.

Из кого-то серией поощрений:
благодарственное письмо на Родину,
внеочередной отпуск.
Одним словом, кому что помогает и кому как повезет.
И отношение к таким солдатам разное.
Но есть моменты, когда все грани исчезают.
Когда на кон ставится честь части.
И все стараются действовать как единый механизм, забыв про обиды и прочее…
Это случается во время проверок сверху, например, при сдаче зачетов по стрельбам.
Тут каждый старается отстреляться как можно лучше, чтобы не подвести товарищей и родную часть, заменившую на время службы дом.
И я поддался общему порыву.
Но вот беда.
У меня не закрывались глаза по отдельности.
С рождения.
Или оба открыты, или оба закрыты, а чтобы по очереди правый-левый – ни- ни..
Без этого прорезь и мушку не совместишь.
И результативной стрельбы не будет, как ни старайся.
А так не хотелось подводить товарищей!
И я нашел выход.

Из мягкой проволоки связал оправу очков.
Вырезал из голенища кирзового сапога латку и закрыл ею левое очко оправы.
Получились вполне приличные очки для циклопа.
Теперь при стрельбе можно не прищуриваться.
Прорезь и мушка легко совмещались.
А значит, успех будет гарантирован.
За бруствером, на который двигались мишени (силуэты солдат противника), я занял место одним из последних.
Удобно расположился, поджав под себя ноги.
Для верности надвинул пилотку на левый глаз, прикрыв половину импровизированных очков головным убором.
Двигающиеся на меня мишени заметил сразу.
И только хотел нажать на курок, как услышал фразу возмущенного проверяющего:
– А это что за чучело лежит? Ты зад отклячил специально, чтобы его противник прострелил? – бьет ногой по заду.
– А это что? – проверяющий сбивает у меня с головы пилотку вместе с модельными очками.
Мишени сразу исчезают куда-то.
И как я ни крутил автоматом, сдвигая угол ствола все ближе и ближе к брустверу, их так

и не увидел.
Решил дать очередь наугад.
– А вдруг?
Чуда не случилось
Пули зацокали прямо по брустверу.
Проверяющий резко потянул меня за ногу.
– Хватит. Заканчивай!
– Но я еще не отстрелялся.
– Ты что, нас хочешь перестрелять?..
Показатели взвода по стрельбам были безнадежно испорчены.
А ведь я так старался!

6. ИСПЫТАНИЕ МАРАФОНОМ

Сразу же после завтрака нас по тревоге построили на плацу.
Речь командира была краткой.
В окрестных лесах скрывается вооруженный дезертир.
Ваша задача прочесать склоны сопок и задержать преступника.
Получайте оружие – и вперед.
Оружие получили, правда, без патронов.
Мелькнула мысль: а если он начнет стрелять?
И как мы его задержим?

Но в армии приказы не обсуждают, и младший сержант начал бег рысцой по направлению к КПП.
А за ним и мы – легко, задорно.
С чувством высокой ответственности.
Как же – первое боевое задание.
Час бега, другой – стали уставать.
Пот глаза застилает.
А у младшего даже намека на усталость нет.
Время к обеду.
Объявили привал.
Привал на сухую.
Ни чая, ни пайка.
(Не трудно догадаться, куда пайки исчезли – у прапорщиков, питаньем заведовавших, морды так и лоснятся.)
Отдышались немножко и снова в бега…
На этот раз цепью по склону сопки.
К концу дня с ног валиться начали.
И жутко хотелось есть.
Начало темнеть, снова привал.
Командир объявляет, что тревога учебная.
С заданием взвод справился успешно, и сейчас, самое главное, не опоздать на ужин.
Отсутствие обеда пережили, но остаться без ужина…
Подтянулись и самые доходяги.

Дружно спустились на дорогу и узкой зеленой лентой растянулись по сельской улице, на которую вышли любопытные бабы.
Кто-то из первых бегущих не выдержал испытания голодом и попросил хлеба.
Сердобольные женщины вынесли несколько булок.
Возникла стихийная свалка.
Тогда все женщины стали выносить хлеб.
И он мгновенно исчезал в зеленом солдатском калейдоскопе.
Было стыдно смотреть на это.
Красный от стыда сержант пытался усовестить товарищей, но увы…
Я какое-то время крепился, но по цепочке передали кусок и мне…
Только не полез он в рот.
На ужин успели.
Сели за стол, даже руки помыть забыли.
И какое-то время над столом висела звенящая тишина.
Всем стало стыдно за свое поведение: защитники…
Молча, уткнувшись глазами в тарелки, не чувствуя вкуса, жевали остывшее варево.
Прошел еще один день нелегкой службы.

7. «ГУБА»

Увольнение в первое полугодие получить невозможно.
А на волю так хочется!
А тут наряд на кухню.
– Кто может работать на бензопиле?
– Я, Я, Я!
– На заготовку льда. Машина ждет.
Воля! Какое счастье!
Речка в трех верстах от части.
Едем в кузове грузовика.
Легкий морозец… Хорошо!..
Машина возвращается в часть – я остаюсь за старшего.
В армии везде должен быть старший.
Работа подходила к финалу, когда на огонек завернул подвыпивший шахтер.
Держимся настороже…А вдруг ему секреты наши нужны?
Уже научены горьким опытом.
Поняв ход наших мыслей, шахтер рассмеялся.
– Тоже мне секретчики! Я сам только что оттрубил два года в этой части.
Нате-ка вот бутылочку, хоть согреетесь.
Водка развязывает языки, захорошело.
Шахтер ушел, а мы посылаем гонца…
Гулять, так гулять.

Расхрабрились зайцы…
Лед загрузили сами.
Это помню.
Кто загружал нас – сплошной туман.
Ребята еще смеялись потом – вас как дорогую рыбу привезли, вперемешку со льдом, чтобы не протухли. А потом нас ждала еще одна машина – воронок.
Прямым ходом на губу.
Своей губы полк не имел, наказание отбывали на базе морских авиаторов.
Авиаторов кормили как на убой.
У нас же постоянно животы от голода подводило.
Поэтому наказание превращалось в своего рода поощрение – за десять суток губы можно было хоть немного отъесться.
Но отъесться на харчах военно-морского флота так и не удалось.
Третий день пребывания на губе оказался роковым.
Утром, после ночевки в просторной камере, повели нас на работу.
Конвоировал бравый морячок-боровичок.
Он вручил нам двуручную пилу, которая, наверное, в ранней молодости переболела цингой.

Половина зубов у пилы просто выпала.
Щербатый топор на ее фоне выглядел красавцем.
Мне с напарником предстояло распилить и поколоть машину березовых чурок.
Чего-чего, а фантазии по перевоспитанию штрафников в армии хватало.
И любую будничную работу здесь могли превратить в лютую битву по перевоспитанию сбившихся с пути праведного.
Что поделаешь – штрафнику работа удовольствие приносить не должна.
Наказание – оно и есть наказание.
Пила не пилила, щербатый топор не лез в древесину.
Тогда я решил доколоть чурку резким ударом о другую
Поднял над головой и резко бросил, не успев разжать пальцы.
Острая боль пронзила тело.
Смотрю на руки – два пальца неестественно вывернуты.
Морячок-боровичок бледнеет больше, чем я.
Он отвечает за жизнь и безопасность подопечных.
И он бежит в часть быстрее, чем я.

Вывих с ушибом.
Врач вставляет пальцы на место.
– У нас исправительное заведение, а не лазарет, – роняет он.
Меня, к ужасному сожалению, досрочно отправляют к месту службы.
Но наказание не отменяется.
Мое прибытие в часть кстати.
Строители только что сдали под ключ новую казарму.
Перед ней установили решетки для очистки грязи, перед каждой коечкой новые тапочки поставили, не дай бог паркет поцарапаем.
А вот подвал под казармой обустроить забыли, оставили забитым мусором.
Вот этот мусор, не куроча пол, предстояло вычистить.
Кому? Ежу понятно – штрафникам.
Тут без тоннеля не обойтись.
После такой процедуры к братьям нашим меньшим – лисам, барсукам, енотам – стал относиться с уважением.
Понял, как нелегок труд землекопа.
Хоть в метростроевцы записывай после такой практики!
С тех пор я, как крот, щурюсь на солнце.
Это память о незабываемых днях…

8. А МОГ БЫ ПОЛУЧИТЬ ОТПУСК

В конце сентября полк облетела новость – ожидаются крупномасштабные учения.
Когда конкретно – тайна.
А это значит, нас могут поднять по тревоге в любое время дня и ночи.
Проверить готовность части в близких к боевым условиях.
Мы, естественно, разволновались.
Но старички успокоили нас – проверяющие еще больше волнуются.
Упряжка-то одна.
Так что час икс сами по секрету назовут
И точно, назвали – ночью, ровно в двенадцать, прозвучит тревога.
Полк заранее рассредоточил технику в боевую колонну на узкой улочке у ККП.
Улочке, зажатой двумя аллейками берез.
Чтобы при звуках тревоги не возникло давки у ворот.
Во главе колонны штабная машина.
В ней мы – кодировщики, связисты.
Водитель наш, веснушчатый паренек тоже с Сахалина, ужасно волнуется.
Постоянно, что-то снимает с двигателя, чистит…

Дошла очередь и до карбюратора – а вдруг засорилась игла?
Снимает карбюратор, разбирает его, моет иглу под струей в умывальнике.
Толстые пальцы от волнения дрожат.
Игла выскальзывает из пальцев и падает в слив.
Водитель бежит к машине и приносит магнит, которым крепил безделушки в кабине.
Привязав его к нитке, как наживу на удочку, начинает удить…
В это время завывает сирена…
Все бросаются к машинам.
Наш водитель тоже.
Жутко сигналит колонна, все требуют трогаться.
Но как тронуться без карбюратора? Тут с ума тронешься.
Мы как пробка в бутылке – пока не раскупоришь, с места не сдвинешься.
Командир части кроет матом водителя, а заодно и нас.
Грозится под трибунал отдать.
Ребята предлагают толкнуть машину до развилки и освободить дорогу для техники,
Толкаем, командир с нами…

В гору, да еще с кунгом, набитым под завязку радиотехникой, – сизифов труд.
– Да проще снять карбюратор с последней машины и поставить на нашу, – ворчу я.
Товарищ бежит к командиру, бежит с моей идеей.
– Молодец! Внеочередной отпуск после учений за сообразительность.
– Служу Советскому Союзу! – лихо чеканит тот.
Переставить деталь – считанные минуты.
Колонна трогается.
Я кусаю локотки…
Внеочередной отпуск мог бы быть мой.

9. НА УЧЕНЬЯХ

Радиотехнический полк – это не полк мотопехоты.
Тут нет изнуряющих марш-бросков.
Ни окапываний-закапываний.
Ни бега по пересеченной местности со стрельбами.
У нас задача другая – следовать за войсками и держать связь…
Вышли из части вовремя.
В регламент уложились.

Прибыли на место тоже вовремя – чего же больше?
Замаскировались: над каждой машиной, над каждым объектом маскировочные сети натянули, наладили связь между подразделениями.
И приступили к привычной работе – к радиоперехвату…
Не зря говорят, что за воротами полка служба не такой казарменной кажется.
Даже каша из походной кухни, и та стала вкуснее…
Все хорошо, если бы не условный противник!
Без его внимания мы не остаемся.
Все же связь – кровеносная система армейского механизма.
Разрушил ее – и победа не за горами.
После обеда над нами пролетает самолет морской авиации.
Разведчик.
Часа через три самолет вернулся и отутюжил на бреющем полете нашу поляну основательно.
Произвел фотосъемку.
Тут никакая маскировка уже не поможет.
Прокатился слух – ночью ожидается десант, будут брать «языков».

Тревога передалась командирам.
Усилили караулы.
Даже у нашей штабной машины выставили.
А вот оружие у караульных забрали.
– Хватит вам и холодного.
И с холодным боевое задание можно выполнить.
Только не переусердствуйте в защите.
Десантники, они народ горячий, обученный всему, – могут и помять основательно.
Слава богу, мне в караул нужно заступать у штабной машины, а не на периферии.
Правда, время неудобное – перед восходом, когда и происходят все темные делишки.
В мозгу пульсирующей искоркой все время бьется мысль – нет, нет, не как отстоять вахту, в хороший финал я не верил, – а как достойно сдаться. Чтобы в случае нападения на караульного не помяли меня основательно.
Ночь была на редкость промозглой.
Роса, туман, а я в одной гимнастерочке.
И надо же, в сон все равно тянет.
За день так устал!
Присел на груду маскировочных сетей у машины.
Натянул крыло вместо плащ-палатки на

плечи.
Посижу минуточку и встану.
Стало теплее.
Накинул второе крыло.
Тепло разлилось по всему телу.
Потянуло в сон…
Машинально прилег…
И провалился как сквозь землю.
Разбудил меня солнечный лучик, первым пробившийся сквозь туман.
Быстро вскакиваю – не получается.
Пуговицы запутались в ячейках сети.
Минут пять бьюсь в сетях, как пойманная рыба.
На помощь не зову – засмеют.
Выбрался вовремя.
Тютелька в тютельку к смене караула.
– Тебя что, собаки драли, – присматривается разводящий.
Да, с вырванными пуговицами смотрюсь я не по-боевому.
– Привести себя в порядок, рядовой Орлов, и отдыхать.
Следую приказу.
Разводящий слегка не в себе….
В эту ночь бесследно исчезло трое караульных.
Хорошо хоть без оружия были.

Их-то по окончания учения вернут…
А оружие…
Это первый и единственный случай, когда за неопрятный, неряшливый вид не сделали замечания.
Наверное, награда за то, что сумел ночь продержаться без потерь.
Кстати, «языком» стал и расторопный связист, чуть было не получивший отпуск на Родину за мою идею с перестановкой карбюратора.
Справедливость восторжествовала.
Я никогда не слышал, чтобы «пленным» командование давало внеочередной отпуск.

10. ПИСЬМА НА ВОЛЮ

Армейскую жизнь я с добродушным зубоскальством заталкивал в бесчисленное количество опусов.
И они в форме писем, как эпидемия, распространялись по части, скрашивая солдатские будни.
Каких только писем не было: к отцу, матери, другу, деду…
О службе, отдыхе, питании…

Фантазии в армии всегда есть где разыграться.
Вот отрывок из «Письма к деду»:
«Ты пишешь мне, как я служу,
Здоров, по дому ли тужу.
Что нужно мне, чего прислать,
Когда с побывкой можно ждать», – такими словами начиналось стихотворение,
А заканчивалось:
«Хоть тот паек одно названье,
Но он заслуживает вниманья.
Ты, милый дед, на том паю
Давно бы был уже в раю.
А нам нельзя пока что в рай.
Нам охранять Приморский край.
Стихи ребятам понравились и сразу рассыпались по записным книжкам.
А хлеборез под стихами и фамилию мою поставил – чтобы автора после дембеля не забыть.
Но он забыл, что нас не забывает и наше начальство.
В тумбочках шмон – еженедельно.
За клевету на родную армию я был строго предупрежден.
– Питание ему не нравится!
А старшина из энного отдела шипел – змею на груди пригрели…

Опус, с одной стороны, осложнил мою жизнь… с другой…
Хлеборез подсовывал лишний кусочек масла или сахара… Пострадал-то из-за него…
Но по сравнению с вниманием старичков-дембелей внимание хлебореза – ничто.
После отбоя они ежедневно собирались в каптерке поговорить про жизнь до и после.
Я для них стал настоящим артистом.
Своим артистом, а значит, еще более важным.
И они правдами-неправдами отбивали меня от наказаний.
И я старался честно отработать это народное звание.
Служба в армии стала моей «болдинской осенью».
Никогда я столько не писал, как там.
Не надо высасывать темы из пальца. Не надо искать героев.
Нужно было только оглянуться.
Присмотреться, и все…
Писалось так легко и просто, что слова прилипали к ушам слушателей навечно.
Один из бывших вице-мэров города Углегорска, сослуживец мой, старшина, признался:
– А все же с твоими стихами служить было

легче, – и процитировал полностью мое стихотворение «Письмо к матери»:

« Я тебе из Артема
Пятый месяц пишу.
Стала мне вместо дома
Часть, в которой служу.
А тебя, дорогая,
Рад ли я, иль не рад,
Заменил мне на время
Здесь товарищ сержант.
С материнскою лаской
Тоже рад ли, не рад,
Мне вручает сержант
За нарядом наряд.
Я уже научился
Убирать туалет.
А в копанье траншей
Даже равных мне нет.

Драю пол я штыками,
Честь столбам отдаю.
Если б знала, родная,
Как его я люблю.
За него, дорогая,
Жизнь готов я отдать.
Я его, дорогая… –
Лучше это не знать!

11.ПИСАТЕЛЬ

Стихи мои нравились однополчанам, а вот дружба со старичками – нет.
В этом видели подрыв устоев, за десятилетия сложившихся в армии.
Салаги, молодые, деды, дембеля, – армейское сообщество, поделенное на касты.
А тут я, вносящий путаницу в привычную иерархию.
(А что поделаешь, если мне служить всего год, а им – два, – тут сдвиг «по фазам» неизбежен.)
Прыщавый младший сержант из Кемерова, командир моего отделения, буквально не дает покоя.
Цепляется за все, к чему можно прицепиться.
Нужно бы смириться, армия есть армия, ее не переделаешь.
Но как-то неуютно по возрасту пригибаться.
А он в силу своего юного тщеславия и веры в свои полководческие таланты не мог простить мне «фору», что дало государство: призвался на службу позже его, а уволят со службы раньше.
Так пусть этот год на всю жизнь запомнится!
Наказания стали сыпаться за наказанием.

Вот и в этот вечер я не остался без высочайшего внимания.
Выпал наряд на уборку гальюна.
Прыщавый доставил на объект меня, тут же на моих глазах облегчился.
И, конечно, мимо очка,
– Кучей больше, кучей меньше, – ухмыльнулся он.
А адъютанты его величества тут же вручили мне инструмент: ведро и что-то среднее между зубной и одежной щеткой.
Не знаю, чем бы закончилась эта история, если бы я не поскользнулся перед входом в заведение и осколком стекла глубоко не порезал руку.
– Членовредительство, саботаж, – закричал прыщавый. – Под трибунал пойдешь.
– И ты со мной, – злость пропала, появилось хладнокровие. – Вряд ли трибуналу понравятся шутки с зубной щеткой.
А будешь наседать, – вены перережу!
– Псих, – опять завизжал прыщавый, но издевательства прекратил.
И он, и его свита в этот вечер так и не вышли из каптерки.
А у меня в голове опять родились вирши – «Письмо к матери».

Забегая, скажу, что стихотворение о прыщавом сержанте стало поворотным в моих взаимоотношениях с ним.
Именно это стихотворение вместе с другими «Письмами» после очередного начальственного шмона по тумбочкам попало в руки моих инквизиторов.
И сержант был ознакомлен со стихами… и потрясен…
Он думал, что стихи пишут боги, а тут солдат-неумеха.
После этой истории он зауважал меня.
И иначе как писатель ко мне не обращался.

12. В УВОЛЬНЕНИИ

Закончил учебку – перешел на более высокую ступеньку солдатской иерархии.
Выше положение – больше привилегий.
Больше привилегий – больше увольнений.
Сегодня как раз такой день.
К нему начали готовиться загодя.
Вчера весь день отказывались от жидких блюд в столовой – от киселя, компота, чая.
Утром – тоже.
Недостаток жидкости в организме

компенсировали газировкой из солдатского буфета.
В солдатской среде из года в год гуляла молва – в эти блюда постоянно добавляют порошок, чтобы солдатский «дружок» постоянно находился «в висячем» положении.
Взбунтуется плоть у солдата, солдат такого натворит – всем полком не разгребешь.
Правда это или нет, но плоть почему-то постоянно находилась в таком положении.
Это в двадцать-то лет!
Может быть, от порошка.
Может быть, от питания.
Поэтому, отправляясь в увольнение, лучше перестраховаться.
А вдруг встретишь свою единственную и неповторимую?
Любовь – она и в армии любовь.
И нужно быть ко всему готовым.
И даже к самому-самому…
Хотя пайки мне постоянно не хватало, перед увольнением попостился и я.
– А вдруг?
Но этого «вдруг», увы, не случилось.
Как всегда, в увольнение поехали в город Артем.

Весь день гуляли по его улочкам в надежде встретить свою ненаглядную.
Но, наверное, наши неуклюжие мундиры и дурно пахнущие ваксой сапоги не располагали к знакомствам.
Зато знакомый запах буквально притягивал бесчисленные патрули.
Устали честь отдавать и показывать увольнительные.
Бродячие собаки тоже были неравнодушны к нам.
И чего так собаки не любят солдат?
Мы же им ничего плохого не сделали, а они все норовили в сапоги вцепиться…
Вернулись к отбою без опозданий.
Попробуй опоздай, – потом увольнительной как своих ушей не видать.
Вернулись усталые, разбитые, разочарованные.
На ужин к кирзе дали добавку – стакан компота.
С порошком или без? – мелькнула мысль?
А, впрочем, какая теперь разница?
До увольнения целая неделя.

13. ВНЕОЧЕРЕДНАЯ ПОМЫВКА

Чтобы не скучали без дела, а в голову
не лезли дурные мысли, нас постоянно
занимали работой.
И часто наша повседневная форма блестела
от грязи, как начищенные сапоги.
И тогда замкомвзвода устраивал нам
внеочередные помывочные.
Для этого выводил на берег небольшой
речушки, что рядом с частью.
Вооружившись крошечными кусочками
мыла и галечными камнями, мы
освобождали ткань нашей униформы
от грязи, до следующих изощренных
испытаний…
Пока наше обмундирование сохло, купались,
загорали на солнце.
На дне речушки с кристально чистой водой
обнаружили колонию раковин-жемчужниц.
Для призывников с Сибири – это диковинка.
Нас же, сахалинцев, этим не удивишь.
Спросили, что за штука – ответил:
– Одна из разновидностей жемчужницы.
Съедобна в сыром виде.
А если повезет, то и жемчужину в ней можно
найти.

Створки раковины открываются легко, полежала пять минут на солнце – и готова к употреблению.
Лучше не говорил бы.
Через несколько минут на берегу выросла горка раковин.
Бесплатный обед – сплошные белки…
А жемчуга в раковинах так и не обнаружили.
Наверное, потому, что вода в речке кристально чистая.
А жемчуг образуется на песчинках, что в раковину попадают.
Бесплатным сыр бывает только в мышеловке – на следующий день многие мучились животами.
В сортир возникла очередь, что в армии редко бывает.
Штрафникам, получившим наряд в это заведение, работы прибавилось.

14. ПОДШЕФНЫЕ

Как-то нас повели на мебельную фабрику, которая расположена недалеко от части.
Командир взвода скрылся в проходной, а мы стояли и курили, гадая о том, зачем нас

привели.
Вернулся командир с гражданскими, которые принесли ломы и лопаты.
Нам предстояло до обеда выкопать траншею под кабель.
Каждому достался отрезок метра три в длину и в метр глубиной.
Дав задание, взводный опять исчез в проходной.
Ребята обратились ко мне, как к самому опытному – полгода до армии на гражданке работал руководителем, – а нам за это заплатят хоть?
– Конечно, – не задумываясь, ответил я. – Составят наряд, обсчитают, подоходный удержат – а остальные гроши ваши.
Ребята повеселели, работа пошла быстрее.
До обеда не уложились.
Прихватили и обед.
А нам даже воды напиться ни разу не вынесли.
Не сказав спасибо, не поблагодарив, гражданские молча забрали инструмент и скрылись за проходной.
Нас построили снова в колонну.
Из ворот мебельной фабрики выскочил колесный экскаватор, обдав нас пылью.
Видно, спешил на обед, а может, загнать

побыстрее сэкономленную горючку за черпак.
Самый смелый спросил у командира взвода:
– А как же с оплатой?
А. правильно, молодец, – обрадовался командир. – Кругом, шагом …арш!
И повел нас на склад.
Там нам выдали четырехметровые листы ДСП.
– На наглядную агитацию заработали… Смотрите, не поломайте…
– А если подвести на машине, – робко предложили мы.
– Зачем машину гонять, тут недалеко, сами донесете….
Тащить тяжеленные листы два километра – удовольствие не из приятных, но что поделаешь – напросились.
Самый смелый всю дорогу шипел на меня:
– Заплатили… А чем подоходный будут брать? Обедом, что ли?
Вот тут-то я и усомнился в «Капитале» Маркса. Для армии и «Капитал» не писан…
Армия живет по своим законам.
Давно страна перешла на рыночную экономику, но куда ни глянь – всюду рабский солдатский труд.

15. В КАРАУЛЕ

А вот караулы я любил.
Жаль, что посылали в них редко.
Полк примыкал прямо к сетчатому забору зверосовхоза «Майхэ».
А за забором олени благородные бегают.
Красотища!
Хорошо думается, хорошо мечтается.
Кругом деревья ореха маньчжурского, лианы лимонника…
Насобираешь ведерко орехов, костерчик разведешь…
Орехи в ведерке обжаришь, чтобы кожура зеленая обгорела и… трапеза готова.
Солидный довесок к скудному питанию.
С помощью обыкновенной иголки ядрышки извлекаются легко.
Иногда так увлечешься трапезой, что и про автомат свой забываешь, что под деревом поставил…
А тут смена караула.
Опять история, которая на бумагу просится:

«Кричать: украли, караул! –
Так я же сам и караул.
Поставлен, чтоб объект стеречь,
Ну и оружие беречь».

И, естественно, заключительная часть о судьбе разгильдяя:

«И ночь темна,
Казарма спит,
Лишь в караулке свет горит,
Где я, я щеткою зубною
До петухов решетки мою».

Ну, я бы на месте отцов-командиров не стал бы наказывать за такие стихи.
Их можно было бы использовать как наглядное пособие для молодежи, как не надо себя вести.
Красочно, образно…
Но, увы, каждый на своем месте.
И каждый сам принимает решения.
И эти решения не в мою пользу.

16. МЕНЯ НАЗНАЧАЮТ АГИТАТОРОМ

В армии каждому дают специальность.
Для этого есть учебка.
Я попал в учебку, которая готовила радистов.
Два десятка столов в классе.
Два десятка ключей на столах.
Два десятка стриженых голов над столами.
Обучение будущего радиста, как и везде, – пением:

«Я–на–гор–ку–шла», – запевает сержант.
В такт напева ключ в его руке выбивает нужные точки и тире.
Мы дружно подхватываем: «Я–на–гор–ку–шла».
И в такт напева наши ключи разлагают цифру «два» на составные.
«Па–па–ма–му–тык!» – продолжает напев сержант.
Мы подхватываем: «Па–па–ма–му–тык!», и наши ключи дружно отстукивают: «Тире,тире,тире, тире, точка».
Слух у меня неплохой.
И быть мне радистом, но…
При подшивке подворотничка уколол палец.
Уколол и забыл – не ранение ведь.
Но палец вдруг разнесло, как огурец.
Медбрат лечил его мазью.
Лечил до тех пор, пока не распухла вся кисть.
А дальше госпиталь.
Две операции на пальце.
Чистка кости.
И финал – месяц рука на перевязи, с бинтом через шею..
От учебы безнадежно отстал, а изуродованный палец уже плохо чувствовал ключ.
– Чем баклуши бить, – сказал замполит, –

подготовил бы лучше политинформацию.
(Я сидел в библиотеке и читал газеты.)
– Пусть ребята тоже знают, что в мире делается. Парень ты грамотный. Будешь агитатором у меня.
Честно говоря, общественные нагрузки я любил.
Это создавало какую-то значимость личности.
За первую агитку взялся рьяно.
Но очень уж скучны были газеты «Суворовский натиск» и « Красная звезда».
Поэтому материал решил брать прямо в эфире.
Армейская радиостанция, на которой идет прием и передача информации, – великая штука.
На ней можно поймать любую волну.
Зафиксировать так, чтобы не мешали помехи.
Первая агитка вышла на «ять».
Но человек, он на то и человек, чтобы стремиться к совершенству.
Нашей информации мне стало мало.
Когда-то я закончил двухгодичные курсы журналистики.
Нас учили информацию использовать в сравнении.
Уметь читать между строк.
И эту науку я усвоил хорошо.

И вот уже в штабной комнате секретного полка вкрадчивыми голосами ворковали чужие голоса: «Свобода», «Би-би-си» и, конечно, «Голос Америки».
Замполит от своего политинформатора был просто без ума.
Но только не старшина Филонов «из энного отдела».
Что-то неспроста он зачастил на мои агитки…

17. СДАЧА КРОВИ

А вскоре для агитатора нашлась первая серьезная работа.
В полку проходила акция по сдаче крови.
И нужно было добиться стопроцентного показателя.
Целые сутки я колдовал над боевым листком.
Он получился что надо.
Красочный, со стихами, от которых так и хотелось бежать на пункт переливания.
Явка была стопроцентной.
Я с рожденья боялся вида крови. Но на сдачу пришел, как-никак – агитатор…
Голодное интернатовское детство наложило на меня свой отпечаток.

Был я бледный, недокормленный и страдал малокровием.
Мундирчик носил сорок второго размера.
При виде крови, льющейся из моей вены, или от врожденного малокровия я упал в обморок.
В чувство привели с помощью нашатыря.
А взятую кровь влили туда, откуда ее и взяли, да кровь сослуживцев добавили….
Вечером на двухъярусных нарах казармы царило веселое оживление.
Все же событие!
А их так мало бывает в части.
Все жевали шоколад, – выдали при сдаче.
Предложили и мне.
Отказался.
И весь вечер угрюмо молчал.
Было стыдно и нехорошо.
Опять хотел как лучше, а получилось как всегда.

18. МОИ БОЕВЫЕ ЛИСТКИ ИМЕЮТ УСПЕХ

Конфуз со сдачей крови скоро забылся, и он не повлиял на мою пропагандистскую работу.

Первый блин всегда комом.
С кем не бывает… Зато остальные…
Выпуск боевых листков стал моим коньком.
Я часто выпускал их в виде необидных шаржей, реагируя на каждое событие в полку, будь то день рождения, зарядка, сдача зачета по боевой подготовке.
Фотографировал героя, вырезал из фотографии мордочку, дорисовывал туловище в виде шаржа и делал короткую стихотворную подпись.
Смотреть на такие листки приходили и офицеры из других подразделений.
Никто не обижался на шаржи. Так как самые язвительные всегда были адресованы себе любимому.
Хорошо помню один из таких листков, посвященных себе:
Я, марширующий на плацу.
К одной ноге привязан пучок сена, к другой соломы.
И подпись:
«Орлову силы притяжения
Земные путают движения».
Но, несмотря на самокритику, я маршировать, ходить в ногу так и не научился.
И здесь я оказался обузой для взвода.

Лево и право путаю до сих пор.
И когда нахожусь за рулем, а рядом жена
– она никогда не говорит мне: «Поверни
налево или направо».
А говорит: «В мою сторону, в твою сторону».

19. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АГИТАТОР

Меня ставили в пример.
Даже народным заседателем избрали.
Но старшину из «энного» отдела, который
опекал каждое подразделение, стала
удивлять трактовка фактов.
– Откуда ты все это берешь, – спросил как-то
старшина.
– По радио слушаю, – ответил я небрежно.
Старшина, по-видимому, тоже был
любителем «голосов».
А, может быть, по службе ему полагалось
познавать диверсионные методы
противника, не знаю, но источник
информации он вычислил безошибочно.
И вот, когда после полуночи бархатно
заворковала армейская радиостанция,
в дверях нашей кодировки появился
старшина.

– Вставай, политинформатор, – только и сказал он.
– Ты комсомолец? – это уже в другой обстановке и на следующий день.
– Да.
– А почему на учет не встал?
– Да я сдал комсоргу свой билет.
– А где учетная карточка?
– Потерял.
– Хорошо, – сухо сказал старшина, – сделаем запрос.
Карточку я, конечно, не потерял.
Я порвал ее.
Порвал во время стихийного протеста на теплоходе, на котором нас везли из Углегорска в часть.
Началось все с пустяка.
«Покупатель», сопровождающий нас до части, начал очередную проповедь:
– Вы должны гордиться, что попали к нам, у нас служат только сознательные, образованные, причем все комсомольцы. Да, билеты и карточки у всех на руках? – спохватился «покупатель».
– А для чего они, карточки, и для чего в конверт запечатаны «под сургуч»? – раздался чей-то робкий голос.

– Ну, там же все ваши проступки записаны, все ваши взыскания, чтобы знать, что вам можно доверить, а что нет.
– Это что, – досье на себя? – спросил насмешливо я. – Ну, и системка!
Сами на себя, как во времена культа личности, доносим.
Вы как хотите, а я такую карточку дальше не повезу.
Мало ли, чего в ней какой-нибудь негодяй напишет?
Потом отмывайся.
Взял и порвал конверт на глазах у всех и выкинул в воду…
Такого оборота беседы «покупатель» не ожидал.
Его как ветром с палубы сдуло.
Об этой истории я уже забыл
А зря…
На след порванной карточки, как ищейка с хорошим нюхом, вышел мой «опекун».
Моя карьера агитатора закатилась навсегда.

20. ВОЛЧИЙ БИЛЕТ

В семидесятые годы «гаечки» у людей, вкусивших хрущевской оттепели, подтянули. Всех причесали под одну гребенку – отдельно взятое «Я» уже ничего не значило.
Все решал коллектив, из десятков, сотен «Я». По указанию самого высокого «Я».
Мне вспомнилась моя работа в КВН.
Какое-то время я был членом команды лесохозяйственного факультета, правда, недолго.
Со сцены актового зала прочитал стихотворение «Слепцы», написанное в поддержку друга, несправедливо отчисленного с института.
Прочитал, нарушив регламент, чтобы привлечь внимание ректора, декана, в зале присутствующих.
Увы – не помогло.
Помню его до сих пор:

«Вы дали срок исправиться ему.
Ведь человек не белый кубик мела.
А он от вас опять шагнул во тьму,
Из пройденного выводов не сделав.

Теперь опять собрался комитет,
Судьбу решают поднятые руки.
Не няньки вы, терпенья больше нет,
Его уже вы брали на поруки.

И от волненья губы прикусив,
Стараясь не глядеть в глаза друг другу,
Все вы, уже не вы, а коллектив,
За исключенье поднял дружно руки…»

Теперь, как по иронии судьбы, по сценарию, мной написанному несколько лет назад, решается моя судьба.

Время сцементировало всех.

«Прежде думай о Родине, а потом о себе».

На снисходительность рассчитывать нечего.

Слова старшины из «энного отдела» звучат, как приговор: «В военном билете ему запишем крупными буквами: «Исключен из ВЛКСМ. С таким волчьим билетом не то что руководителем – дворником на работу не возьмут».

– А почему вы военный билет называете волчьим? – задал вопрос старшине.

Он вспыхнул и покинул зал – собрание-то закончилось.

И в словах старшины было много правды. Мой брат с красным дипломом закончил

сельхозинститут.
Распределили в отдаленный совхоз
А он возьми и женись на дочери
председателя райисполкома.
Любовь-морковь…
Пришлось вступать в партию и идти
инструктором в райком КПСС, жена на
периферию ни в какую.
Поняв, что партработа не его, попросил
направить его управляющим в совхоз, на
периферию.
Отправим, если положишь на стол партбилет.
Положил…
И до самой смерти перебивался случайными
заработками – обмуровывал котлы,
перекладывал печи…
Видно, у нас это семейное…

21. В ПОЛОЖЕНИИ ИЗГОЯ

И оказался я в армии на положении
северного оленя.
Еще не дикий, но уже не домашний.
С одной стороны я как бы служу – на мне
форма, меня кормят, водят в баню, в кино, с
другой – я никому не нужен.

В кодировку мне путь закрыт – с такой-то биографией.
В боевую часть тоже.
Ни один офицер не берет в свое подразделение.
А вдруг?
Демобилизовать нельзя.
Приказа на это нет.
Судить тоже нельзя – спросят отцов-командиров: «А как же вы его в святая святых допустили, не дождавшись разрешительного допуска и окончания проверки по родственной линии, предшествующей выдаче допуска?»
Вот и шарахаюсь я днями по части, как неприкаянный.
Начальник связи подобрал мне нейтральную должность – помощника хлебореза.
(Два месяца осталось служить – как раз должность для этого.)
Старшина из «энного отдела» встал на дыбы.
– В хлеборезку поступают списки личного состава.
А вдруг возьмет и рассекретит их?
Товарищи, с кем призывался, разъехались по точкам, молодежь жила своей жизнью.
Круг общения сужался.
И худо бы пришлось, если бы не дембеля.

Как и прежде, после отбоя ходил к ним на посиделки.
Так же читал стихи.
А в воскресенье казарма пустела.
Дембеля в увольнении.
Ребят разобрали по домам.
Помочь по хозяйству тому или иному офицеру или старшине- сверхсрочнику.
Ребята такие выезды любили.
И накормят, и работой не перегрузят.
А я считал это унижением личности.
И свое кредо опять вбивал в стихи:

«А в воскресенье – испытанье.
Курсантов ждет наемный труд.
Их всех, довеском к спецпитанью,
Берет к себе служивый люд.
Жена усатого комбата
Не может говорить без мата.
С утра безусые орлы
Трясут дорожки и ковры.
Она ж от имени комбата
Усердно бедных кроет матом.
А старшина, сверхсрочник наш,
Увез с собой обоих Паш.
И пашут Паши целый день,
Забыв про собственную лень.

И только я весь этот день
Лежу, как обгорелый пень,
На грязном воинском песке.
Судьба моя на волоске.
И для опального солдата
Найдется труд.
Не здесь –
В штрафбате».

22. САМ СЕБЕ ВЕЛОСИПЕД

Штрафбата удалось избежать…
Не знаю, кому больше радости доставил
Приказ о демобилизации.
Мне, или моему начальству.
С большим облегчением мы разошлись, как в море корабли.
Можно бы и забыть сразу службу, как ужасный кошмар, но…
Я, как и до призыва в армию, лесничий.
Живу в глуши, никому не мешаю.
На «огонек» заглядывает товарищ «оттуда».
Своего рода вербовка в соглядатаи.
Сам задает вопросы – сам отвечает.
– Почему ваш пастух, как проходит воинская колонна, обязательно чем-то занят у дороги?

Известно ли мне, что он бывший летчик?
Не просто летчик – камикадзе.
А этот? И так далее…
Думаю, что моя информация ему совсем не нужна.
Он и так все знает…
Главное, чтобы я согласился работать с ним.
А вдруг с такими замашками из меня диссидент вырастет?
Только начну на весь мир что-то вещать, а мне под нос мое досье.
Рыльце-то в пушку, сам доносил…
А теперь праведника из себя строишь.
В общем, осадок тяжелый.
Нас с женой попросил выйти в другую комнату – позвонить ему надо.
Неделю мы с содроганием смотрели на телефон, разговаривали в комнате шепотом.
А вдруг «жучок» поставил?
Но ведь от страха тоже устаешь.
Бояться перестаешь.
И мы перестали.
Заменили проводку, аппарат телефонный поменяли, и жизнь пошла своим чередом.
Ну, а запись в военном билете «Исключен из ВЛКСМ» легко вывели местные умельцы.
И я успел поработать на комсомольской

стройке, железную дорогу «Альба–Ноглики» строил, и даже в партию вступить предлагали.
Когда звали на работу в газету.
И партия мне была не по душе, и диссиденты, куда чуть не вытолкали с волчьим билетом.
Человек я лесной и остаюсь к лесу поближе.
Сам себе велосипед…
Сам себе судья…
Сам себе… Но это уже другая история.

На ручье Тигровом
(повесть)

1.СКУКА

Утро.
Первый день каникул.
Мишка сидит на диване и скучает.
Сидит, бесцельно уставившись в монитор компьютера.
За окном на шелковистой паутинке висит паук.
Скука докатилась и до него.
Все восемь ног членистоногого поджаты к животу и неподвижны…
– А почему паук скучает вниз головой, а не как я?
– Может, так скучать интересней? – искорка

мысли пронзает Мишку.
– Может, и мне попробовать, как он?
И Мишка прямо на диване начинает скучать вниз головой.
За окном по дороге прошла коза.
Интересно прошла – ногами вверх.
Такое бывает.
Стоит лишь встать на голову, и небо с землей сразу меняются местами.
Скучать стало интересней.
А может, и друг Петька скучает сейчас?
И скучно скучает.
А что, если вместе – головой вниз, как паук?
Петька тоже сидел на диване.
Сидел в ожидании какого-то дела или чуда.
Поэтому не просто скучал, а скучал сосредоточенно.
Но не настолько, чтобы не выслушать Мишку.
Выслушал…
Одобрил…
Тут же поскучали вниз головой вместе.
Понравилось…
– А что, если на ручье? – предложил Петька.
Поскучали и на ручье.
Потом в лесу.
Так в скуке и прошел первый день каникул.

А теперь Мишка спит как убитый.
– Соскучился по отдыху, – сказала мать, поправляя одеяло.
А Мишка этого даже не почувствовал.
Он и во сне продолжал скучать.
Скучать вниз головой.

2. НА ПОИСКИ МЕДВЕЖАТ

Подслушивать разговоры взрослых нехорошо.
Но так уж получилось.
Оказывается, завтра папка с товарищами будут искать в верховье Тигрового медвежат.
Медведицу в устье реки подстрелили браконьеры, когда она выбирала сеть.
Была очень голодная, а в сетях рыба плещется…
Что оставалось делать ей, если дети есть просят?
От погони удалось уйти.
Но рана оказалась тяжелой.
И медвежата осиротели.
А сегодня их видели на болоте у ручья грибники.
Они и сообщили в лесничество…
А место точно указать не смогли.
Трава в человеческий рост, да и темнело уже…

А медвежата сидели на мамке и, как дети, плакали…
Мишка сразу побежал к Петьке.
Поделиться новостью.
И друзья тоже решили искать медвежат.
Мы – дети, значит, нас бояться они не будут, – сделал заключение Мишка.
А Петька добавил:
– А мы еще им конфет прихватим. Шоколадных.
Сказал и замолчал.
Жалко стало коробки шоколадных конфет, которую ему подарили на день рождения.
А потом стыдно стало за свою жадность – они же сироты, разве можно жалеть…
Медвежат нашли без них.
И в зоопарк отправили…
А они заблудились.
До обеда ходили кругами по болоту, пока не услышали лай собак в поселке.
На лай и вышли к дому.
Наверное, Верный и Кудлай, их четвероногие друзья, лаяли тоже.
Чувствовали, что хозяева в беде, вот и старались помочь, чем могли….
Петька сразу расстроился, что заблудились.
А вот Мишка нисколечко.

– На Сахалине заблудиться нельзя, – упрямо твердил он, раздвигая руками заросли бамбука. – Главное, идти по ручью или распадку вниз.
А они всегда к речке выведут.
А речка – к жилью.
Это папка мне говорил…
Но собаки залаяли раньше, чем они вышли к водотоку.
И теорию Мишкину проверить не удалось.

3. РУЧЕЙ ТИГРОВЫЙ

Мишкин дом на самой окраине села.
У опушки леса.
Большой старый дом на крутом берегу ручья Тигровый.
Почему ручей Тигровый – никто не знает.
Мишка тоже.
Тигры на Сахалине не водятся.
Хотя как сказать.
На прошлой неделе Мишка с отцом были в краеведческом музее.
Там есть экспозиция «Животный мир».
Так вот, у этой экспозиции экскурсовод сказала, что в далеком прошлом тигры с

материка нередко приходили на остров.
«Значит, и на наш ручей тоже, – подумал Мишка.
И название за ручьем сохранилось с тех пор.
Но как проверить?
Раскопки произвести бы.
Но одному нелегко.
Придется делиться открытием с Петькой.
Это, может, и хорошо.
Совместно копать интересней.
Может, какие-то тигровые косточки найдем.
А может быть, и череп тигровый.
От зависти ребята из третьего «А» лопнут, когда новую тигровую экспозицию в музее увидят.
А под ней надпись «Эту находку сделали ученики начальной школы Миша Петухов и Петя Зацаринный».
– Ну, чего размечтался? – прервал сладкие грезы Мишкин отец. – Шел бы погулял, мелочевки на уху наловил, у тебя же каникулы.
– На рыбалку, так на рыбалку, – не стал возражать Мишка, возвращаясь в реальность. Только за Петькой сбегаю…
В устье мелочевки немерено.
А рыбак Мишка отменный.

Любому фору даст.
И удилище у него особое, самодельное.
Легкое-прелегкое.
Из сахалинского бамбука.
На Камышовом хребте сам вырубил.
На самом высоком хребте Сахалина.
Бамбук там до того густой и высокий, что затеряться можно.
Отец не раз брал Мишку с собой на хребет.
Он у него лесник.
Лесник в третьем поколении.
Может быть, и он, Мишка, продолжит династию.
Но для этого нужно сначала подрасти.
Мелочевки наловили быстро.
Правда, опять с мальчишками из своего класса повздорил.
Они чуть ли не по бидончику подкаменки выловили.
Хотя какая это подкаменка – самая настоящая молодь симы.
Молодь сахалинского лосося.
И пятна у нее характерные на боках.
А они не верят, что это лосось.
Подкаменка – и все тебе.
А значит, ловить можно.
От этого у Мишки даже настроение

испортилось.
А может, не только от этого.
А оттого, что никакой зацепки пребывания тигров на ручье опять не нашли.

4. У МИШКИ ПОЯВИЛСЯ НОВЫЙ ДРУГ

В выходные Мишка любит поспать.
До тех пор, пока солнце не начнет заглядывать во все окна.
А сегодня взволнованный голос диктора по радио разбудил раньше обычного.
– В заливе беда… В воде обнаружен мазут… Пострадали сотни птиц – лебеди, утки, бакланы…
Ну как не откликнуться на такой призыв?
Как не помочь братьям нашим меньшим?
Не прошло и часа, а отцовский «уазик» уже рассекал прибрежную кромку залива.
Машина вязла в песке, буксовала в завалах водорослей.
Но вездеход на то и вездеход – доехали без приключений.
Народу на берегу не меньше, чем птиц.
Горе для братьев меньших стало всеобщим горем.

У всех в руках – корзины, ведра…
В ведрах – шампунь, мочалки – банный набор, одним словом.
Мишке повезло сразу.
В куче маслянистых водорослей обнаружил крошечную уточку – чирка.
Сообща освободили ножки от слизистых оков.
Промыли чистой водой с шампунем крылышки.
Не прошло и пяти минут, и птичка обсохла.
Не успел Мишка разжать руки, как она оказалась в воздухе…
Оставалось только помахать руками вслед.
А папа приехал в высоких болотных сапогах.
И ему удалось извлечь из воды шипящего лебедя.
Лебедь шипел, как гусь, но банных процедур не избежал.
Но полностью очистить его сюртук от мазутных разводов не удалось.
Без теплой ванны не обойтись, а значит, надо ехать домой.
К купанью лебедя в мыльной пене присоединилась вся семья.
В ход пошло теплое полотенце, фен.
Лебедь стойко терпел…
Понимал, что люди помогают ему.

И вскоре стал вполне приличной птицей – белоснежной, вальяжной.
Хотели сделать гостю вольер, но потом передумали.
А вдруг у него семья, и она волнуется: а где же папа?
Лебедя отвезли на чистый берег залива и выпустили…
Зачем злоупотреблять гостеприимством?
Захочет в гости – прилетит.
Дорогу знает, не маленький.
Хотя расставаться очень жалко – настоящим другом стал.
И гладить позволял, и корм из рук брал…

5. ДОБРЫЕ ДЕЛА НАДО ДЕЛАТЬ С УМОМ…

Узкая, поросшая лопухами тропинка петляла вдоль русла ручья,
то приближаясь к нему, то удаляясь.
У большого куста бузины, разросшегося прямо у тропинки, Мишка услышал взволнованный гомон пичуг.
Причина переполоха находилась прямо под ногами.

Голубоватое яичко сиротливо лежало
на сухих листьях, а с десяток птичек с
пронзительными криками кружили над ним.
Но тут над головой ребят пролетел ястреб.
Так низко и медленно, что ребята без труда
пересчитали все полоски на его тельняшке.
Птички сразу замолчали и попрятались.
Ну, а Мишка положил выпавшее яичко на
место.
– И стоило из-за этого поднимать столько
шума, – хмыкнул он.
А на следующий день ребята решили
проверить, не разорил ли ястреб гнездовье.
Он же глазастый – все видит…
Гнездо оказалось на месте.
И яички в нем.
Но они были холодными.
Птицы почему-то покинули свой дом.
Отец внимательно выслушал их историю и
сказал: «Эх, вы, следопыты…
Яичко – то ваше – подкидыш.
А ястреб – совсем не ястреб.
Кукушка.
С такой же тельняшкой, как у ястреба, и с
такой же манерой полета…
Так легче яйца в чужие гнезда подкидывать.
Пока хозяева прячутся.

А птицы подмену заметили, в отличие от вас…
И выбросили подкидыша из гнезда.
И гвалт над ним подняли.
А вы опять яйцо в гнездо…
Вот и покинули его птахи…
Теперь новое вьют.
А кукушка продолжает искать новых разинь…
И найдет, не сомневайтесь.
Иначе род ее прекратился бы давно…
Добрые дела надо делать с умом.

6. УРОК ИСТОРИИ

Сегодня у Мишки с Петькой раскопки под сливой.
Под старой-старой сливой, что растет у самой реки над обрывом.
С этого крутяка такой вид открывается!
Ну где еще тиграм, как не здесь, засаду делать?
Они видят все, их – никто…
Лучшего места для засады и не выбрать…
И надо же, ребятам сразу же повезло.
Только начали копать, как под острием лопаты что-то звякнуло.
Лопату в сторону – и землю начали разгребать вручную.

– Вот это да, – восхищенно ахнул Мишка, извлекая из земли ярко-фиолетовое блюдце.
А Петька к блюдцу добавил черепки кружки, такого же цвета.
– Может, клад это? –спросил он Мишку.
Но на клад, увы, находка не тянула.
Да и к тиграм отношения не имела.
Все оказалось проще и прозаичней.
Правда, об этом ребята узнали позже…
Когда-то под сливой стоял домик пожилого японца.
Слива сохранилась, а домик нет.
Хозяина домика репатриировали на Хоккайдо – на самый северный остров Японии.
Соседней страны.
Когда Сахалин освободили…
Ну, а в домике поселились переселенцы из центральных регионов России.
Надо же Сахалин обживать!
Но в игрушечном домике была такая сложная система отопления, что новоселы не справились с ней.
И дом сгорел…
Элементарно, от перегрева.
Со всей японской утварью.
А пепелище заросло бурьяном.
Старая-престарая слива могла бы многое

рассказать о тех временах, если бы умела говорить…
– Но увы…
И вот Мишка с Петькой держат в руках грустное напоминание о прежних временах Сахалина – разбитую кружку и ярко-фиолетовое блюдце…
– Для школьного музея годятся – как-никак живая история, – сказал Мишка.
Петька долго смотрел на черепки и тихо сказал:
– Может быть, в этом доме такие же ребята жили, как мы…
И тоже искали следы тигров… Вот бы спросить их…
Мишка присвистнул:
– Ну, ты даешь! Столько лет прошло. Они же теперь как наши дедушки и бабушки… Да и живут в Японии.
Мы и без них с тиграми разберемся!

7. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

Уроки «Окружающего мира» Мишка любил. Перечитал все книжки в библиотеке о путешествиях.

Часами из интернета не вылезал,
путешествуя из одной страны в другую.
Да и Анна Семеновна всегда рассказывала
так интересно и зажигательно, что ребята
после звонка не спешили покидать парты…
А сегодня она рассказывала о
землетрясениях.
О разрушенном городе Нефтегорске.
О городе на севере Сахалина.
О многотысячных жертвах…
Но закончить фразу ей не удалось.
Вдруг ни с того ни с сего задрожали шкафы в
кабинете.
Посыпались наглядные пособия…
И парты заходили ходуном.
Как будто собрались стартовать куда-то.
Сначала ребята подумали, что это Анна
Семеновна так умело смоделировала
землетрясение каким-то образом.
Но, взглянув на побледневшую учительницу,
поняли: землетрясение настоящее…
Сахалинских ребят этим не удивить и не
испугать.
Привыкли.
Такие толчки не редкость.
Но Анна Семеновна приказала всем быстро
выходить во двор.

И без паники…
Береженого бог бережет.
Ребятам два раза повторять не надо.
Через несколько секунд все были на школьном дворе.
И Мишка с Петькой.
Занятия в этот день отменили.
А вдруг толчки повторятся?
С землетрясением не шутят.
Но и домой не отпустили…
Воспользовавшись суматохой, Мишка с Петькой незаметно исчезли со школьного двора…
– Скажем, что очень испугались.
– Должны поверить.
Так что айда на ручей.
Когда еще такая погода будет?

8. ЗУБ ТИГРА

В устье ручья, несмотря на яркое солнце, было по-осеннему прохладно.
И купание особого удовольствия не доставило.
Петька окунулся три раза в воду и вылез на берег, стуча зубами.
– Брр… Холодно…

Сразу же стал собирать ветки для костра.
А Мишка продолжал упорно купаться и размышлять.
– Нет, не должны бесследно исчезнуть тигры с острова.
Должна же хоть какая-то зацепочка остаться.
Должна…
На этом размышления резко закончились.
Он увидел зуб.
Зуб, лежащий меж двух овальных камней.
Рядом с его рубашкой.
Зуб почернел от времени и вполне мог иметь отношение к эпохе обитания тигров.
Дрожащими руками Мишка поднял находку.
– Петька! – крикнул он осипшим от волнения голосом. – Петька!
Подошел Петька.
– Смотри, – чуть ли не шепотом произнес Мишка. – Смотри…
– А че смотреть-то! Мой молочный зуб, сегодня мне его папка вырвал. Одел на него толстую нитку, привязал к двери, да как хлопнет! Был зуб – теперь нет его. Болел жутко, – добавил Петька. Хотел тебе показать, а он выпал в дырку в кармане… А ты, надо же, нашел…
Мишка непонимающе уставился на Петьку.

– А я- то думал, что это зуб тигра…
– Кого?
– Тигра!
Петька упал на песок и затрясся в истерическом смехе.
– Тигра! Ха-ха, тигра!
Мишка обиделся.
Насупившись, спросил:
– А почему он черный?
– От боли, наверное, почернел, – отмахнулся Петька.
Теперь уже смеялся Мишка.
– Ха-ха, от боли! Ха-ха, зуб тигра!
Как хорошо, что друзья понимают юмор.

9. СДЕЛАЛ ДЕЛО – ГУЛЯЙ СМЕЛО

Бегство с уроков не прошло даром.
В выходной, вместо похода на ручей – прополка грядок.
В наказание.
От мокреца.
После осеннего дождя мокрец разросся на грядках сплошным ковром.
– Тут на неделю работы, – глядя на зеленое море травы, упавшим голосом произнес Мишка.

– Да уж, – посочувствовал Петька другу, теребя зеленый пук.
Подкравшийся сзади гусак через щель штакетного забора выхватил из рук Петьки сорняк.
И мгновенно заглотил его.
Был мокрец – нет его!
И уставился ледяными пуговками глаз на ребят, требуя добавки, приняв мокрец за угощение.
Смекалки у ребят не занимать.
Загнать гусей в огород много времени не потребовалось.
Десять грядок для пернатой братии – пустяк.
По грядке на брата…
Пока Мишка с Петькой разрабатывали стратегию очередных тигровых поисков, гуси начисто выщипали мокрец, оставив нетронутыми жесткие стебли огурцов, кабачков и тыквы.
Они уже энергично искали лазейку, чтобы выбраться из огородного плена.
Мокреца хватило на то, чтобы лишь заморить червячка…
Гуси спешили на ручей, где можно разгуляться…
Ребятам оставалось только открыть калитку.

Ну и доложить об исполнении задания.
– Не радуйтесь, – напутствовала мать убегавших на ручей друзей.
Следующий раз наказание будет серьезнее…
Совсем от рук, сорванцы, отбились.

10. АММОНИТЫ

Кто ищет – тот всегда найдет.
Правда, порой не то, что ищет.
Но процесс поиска так захватывающ!
Сегодняшняя находка просто потрясла Мишку.
Из-под старой коряги, на дне ручья, торчал обломок огромной плоской кости.
Ребята прошли бы мимо и ничего бы не заметили, если бы Мишка не зацепился за этот обломок ногой и чуть не упал…
Его сердечко сразу восторженно забилось.
– Нашли, нашли!
Мишка стал лихорадочно откидывать от находки гальку.
А Петька – камни, прямо руками.
Рискуя попасть пальцами под острие Мишкиной лопаты.
По мере раскопки находка стала принимать округлую форму с ярко выраженными

завитками, как у улитки.
– Окаменевшая улитка? – ошарашенно спросил Петька, никогда не видевший подобного.
– Эх, ты, деревня! Это же аммонит. Окаменевший моллюск, – поучительно добавил Мишка. – Я в музее такие видел. Там много их.
И больших, и маленьких.
Здесь когда-то море плескалось.
Японское.
Скажи кто-то другой, что под его ногами когда-то плескалось море, Петька бы не поверил.
Но раз говорит Мишка – значит, так и было…
Мишка – он все знает…
– Хорошо бы эту штуку показать папиному другу.
Он геолог.
И по окаменелостям большой специалист, – размышляя, произнес Мишка.
– Покажем, – согласился Петька.
Но находка оказалась неподъемной.
Нельзя поднять – можно сфоткать.
На сотовый.
– Вам повезло, такие экземпляры аммонитов

встречаются крайне редко, – сказал папин друг, рассматривая фото.
Но тревожить их нельзя.
Это история.
Придет время, и по ручью туристические тропы проложат.
Здесь есть что посмотреть…
А вы еще гидами станете.
А если следы пребывания тигров найдете, – подмигнул папин друг, – они еще быстрее появится.
Щеки ребята от похвалы стали краснее свеклы.

11. УСЫНОВИЛИ РУЧЕЙ

Очистить берега ручья от мусора – что Авгиевы конюшни убрать.
Столько его скопилось на берегах Тигрового за годы!
Уже пылают три больших костра.
А рядом с ними растет еще одна куча.
Из бумаги, полиэтилена, пластиковых бутылок.
Ребята стараются.
Скоро обед, а работы еще…
Местный лесничий предложил экологическому

отряду школы «усыновить» ручей.
Взять над ним шефство.
Предложение приняли на «ура».
Мишка с Петькой тоже юные экологи.
Ручей и так для них свой, а тут…
На секунды вспыхивает ревность.
Но быстро проходит.
То, что сделают всем отрядом, им и за месяц не одолеть.
Да вместе и веселей.
Наташка – рыжеволосая девчонка с тощими косичками – в который раз старается привлечь внимание друзей.
Добиться их расположения.
Явно что-то знает о тигровых поисках.
И ей ой как хочется стать следопытом.
Только не девчачье это дело.
Мишка и Петька на нее ноль внимания.
Но от Наташки просто так не отделаешься.
Она как рыба-прилипала.
Прилепится – не отцепишь.
На этот раз подошла к друзьям с большим куском каменного угля.
Подобрала на осыпи.
По берегам ручья этого добра – пруд пруди…
Ребята, как от мухи, отмахиваются от нее.
Но Наташка просит обратить внимание на

рисунок.
На гладком сколе угольного куска четко вырисовывался лист папоротника.
Такой, какой Мишка видел в тигровой экспозиции в музее.
– Дай! – сказал Мишка и протянул руку.
Но Наташка тут же спрятала камень за спину:
– Возьмите в свою компанию, – тогда и камень получите.
Что поделаешь – пришлось соглашаться на нахальное предложение.
Наташкина находка может приблизить тигровую разгадку.
Согласились, но страшную клятву взяли, что все будет держать в тайне.
– Конечно буду, – скороговоркой выпалила Наташка.

12. МИРАЖ ИЛИ НЕ МИРАЖ?

Оказывается, дружить с девчонкой не так и плохо.
Наташкины родители купили билеты в цирк.
И не только Наташке, но и Мишке с Петькой.
Столичный цирк приехал на гастроли в областной центр.

И всего на несколько дней.
И привез с собой самого настоящего тигра.
Он у них – гвоздь программы.
А Мишка с Петькой живого тигра никогда не видели.
И тут такая удача.
С утра только разговоры о тигре.
Наверное, чуть-чуть перегрелись от таких разговоров…
Только выехали на автотрассу за поселок, как на обочине дороги Мишка увидел… тигра.
Причем именно там, где ручей Тигровый пересекает автостраду.
Тигр медленно брел по обочине.
Волоча хвост по земле.
Наверное, очень устал.
Мимо проносились машины.
А он на них ноль внимания.
Вот и машина Наташкиного папы пронеслась мимо.
Тигр не дорожный знак – на него внимание обращать не обязательно.
Мишка протер глаза.
Может, показалось?
Может, мираж?
Недоуменно повернулся к Петьке.
Петька тоже тер глаза.

И не просто тер.
Ему явно хотелось спросить что-то…
И он с трудом сдерживал себя.
Поэтому Мишка решил высказаться первым.
– Ты видел? – спросил он.
– А ты? – на вопрос вопросом ответил Петька.
Не получив ответа, этот же вопрос задал Наташке.
Но Наташка за щебетанием даже вопроса не услышала.
Где уж ей что-то видеть!
А вот папа ее тигра видел.
Он же водитель.
Он должен следить за дорогой.
Но его дорожной экзотикой не удивишь.
– Опять экологи какую-то акцию в защиту животных проводят, – подумал Наташкин папа.
И на тигра даже не взглянул…
А надо бы…
Тогда не пришлось бы Мишке с Петькой всю дорогу мучиться в сомнениях и догадках.

13. В ЦИРКЕ

В цирке было весело и шумно.
И Мишку с Петькой поглотило всеобщее веселье.
Они топали ногами, хлопали в ладоши…
И совсем забыли о том, за чем приехали…
Программа закончилась на одном дыхании.
– А где же тигр? – недоуменно спросил Мишка Петьку.
– А где же тигр? – на вопрос вопросом ответил Петька. – Может, заболел?
– Может быть.
– А может, убежал?
– Выходит…
– Выходит, на Тигровом мы видели его?
Вопрос не удивил Мишку.
– Его, кого же еще…
– Вот это номер!
– Нарочно не придумаешь..
– Мы к нему, а он – к нам!
Наташка смотрела то на одного мальчишку, то на другого, и ничего не могла понять.
А они ей и объяснять ничего не стали…
Тем более, что в разговор вмешался мальчишка из старшего класса.
Бронетемкин Поносец.
Нет, мальчишку звали Василием.

Но странную кличку Василий получил за свои познания в истории.
Назвав на уроке истории броненосец «Потемкин» бронетемкиным Поносцем.
А клички в таком возрасте прилипают, как банный лист…
– И здесь вы следы тигра ищете? – ехидно спросил Бронетемкин ребят. – И как успехи?
Не продолжать же разговор при нем?
Опять всю историю перепутает.
И ребята пошли к машине, где их уже поджидал Наташкин папа.
– А жалко, что Сахалин остров, – сказал Мишка.
– Поймают его… Далеко не уйдет…
– Поймают, – сокрушенно согласился Петька.
А может, он и убежал для того, чтобы побывать на Тигровом…
Где предки его жили…
– Гены… Они на родину тянут… – задумчиво произнес Мишка.
Но почему он тогда ушел?… Почему?
– А потому. Ты сам же говорил мне, что тигры питались на острове кабанами, баранами, оленями… А где они теперь на Тигровом?
– Вымерли!..
– А сколько мяса в день тигру требуется?
Вот то-то!

Не подаяние же ему просить, – он же тигр.
Сначала кабанчиков развести надо, барашков…
А им тоже чем-то питаться надо.
Кабаны любят желуди, грибы, орехи.
Барашкам сочные луга подавай.
Тут столько работы, жизни не хватит, – сказал Петька.
– А вот и хватит, – упрямо возразил Мишка. – Я лесоводом стану. И кедровые рощи разведу. И дубравы тоже. Главное – постараться.
– А мы постараемся, – радостно подхватил Петька.
На этом разговор и закончился.
Машина въехала в поселок.
Наташка из разговора так и ничего не сумела понять.
А что касается ребят…
Мечты ведь сбываются.
Главное – захотеть.
Главное – цель в жизни иметь.
А она у ребят есть.
Так что будут жить на Тигровом тигры.
Будут!
А пока пусть это остается большой тайной.
Даже для Наташки.
Девчонка. Забудет про обещание и разболтает все.

ЗА ПЕРОМ ЖАР-ПТИЦЫ
(ПОВЕСТЬ)

1. ВОТ МЫ И ДОМА

– Ну, вот мы и дома, – сказал дядя Саша, сбрасывая с плеч тяжелый рюкзак.
Позади двухчасовая тряска в вездеходе по разбитой дороге.
Позади тяжелый переход по каменистому руслу таежной реки.
Близнецы Саша и Паша недоуменно озираются по сторонам.
На дом что-то не похоже.
Крошечная пойма, поросшая высокотравьем.
Густой пихтач, сбегающий к кромке воды…
Никаких следов цивилизации.
И тишина…

Дядя Саша, не торопясь, срезал стебель дудника.
Обрезал вершок.
Со знаньем дела продул трубку.
И с наслаждением стал пить студеную воду.
Такой вкусной воды нигде не найдете,
– Пробуйте, не стесняйтесь, – обратился он к племянникам.
Напившись воды, стали подниматься по склону.
– Да не шагайте вы друг за другом.
Порознь идите.
Не надо тропку набивать.
Пусть все остается в естественном виде.
Как-то незаметно перед взорами близнецов в уютной ложбинке открылась рукотворная полянка.
Посередине ее, утопая по крышу в бамбуке, стояла срубленная «в лапу» из тонкого пихтача избушка.
Даже скаты крыши и то были из кругляка, только расколотого надвое.
Сверху крышу покрывал рубероид.
Он был так густо усыпан опавшей хвоей и мелкими сучками, что просто сливался с окружающей средой.
– Вот это да! – ахнули дружно ребята.

– А иначе нельзя, – буркнул дядя Саша. – В тайге столько странного люда шатается – без маскировки не обойтись. Построй на виду – все растащат. А еще хуже – сожгут.
Здесь у меня и провиант хранится, и постель, и рабочие инструменты.
Кстати, выбирайте плацкарт по вкусу, – показал дядя Саша племянникам рукой на двухъярусные нары.
Центральная часть низкого и темноватого помещения занимала металлическая печка-буржуйка, обложенная для тепла и пожарной безопасности огнеупорным кирпичом.
Под нарами горка березовых поленьев.
В избушке густо пахло мышиным пометом.
Он был везде: и на столе, и на полу, и даже на печке.
В отсутствие хозяина хозяевами избушки были грызуны.
С помощью веников из бамбука ребята быстро навели порядок.
Пятнистые спальники на деревянных нарах смотрелись нарядно и празднично.
А дядя Саша уже растопил печку.
В избушке аппетитно зафыркал чайник.

2.ПЕРВАЯ НОЧЬ

Спать легли рано.
А что еще делать в темную пору в тайге.
Да и устали порядком.
Крошечный огонек стеариновой свечи скупо освещал потемневшие стены избушки.
Световые блики огонька мозаично разбегались по стеклам небольшого окошка.
На свет слетелись ночные обитатели леса.
От ударов их крылышек и тел стекло гулко вибрировало.
– Весь лесной бомонд, – пошутил Саша.
– Неплохо бы собрать коллекцию для школьного кабинета биологии…
За окном пронзительно вскрикнула ночная птица.
И сразу же удар в стекло.
Видимо, скопление насекомых у освещенного окошка привлекло внимание и пернатых коллекционеров.
Вышли с фонариком наружу.
Может, бедняге помощь требуется…
Но виновницу переполоха не нашли.
Решила поохотиться на ночных насекомых и не рассчитала расстояние.
Такое бывает.

В тайге все бывает.
Из охотника легко превратиться в добычу.
Трофей под утро подберет любопытный енот.
Его следами густо утоптан берег речушки.
А свет надо тушить.
Чтобы не нарушать привычную жизнь лесных обитателей.
Где-то у речки недовольно ухнул рыбный филин.
Слух у него тонкий.
И вечерняя суета у избушки явно филину не нравится.
Привык чувствовать себя полновластным хозяином…
Заснули быстро и дружно.
Проснулись рано…
Только-только солнышко встало.
Бодрости не занимать.
А дома по утрам не добудишься.
Наверное, секрет в таежном воздухе.
Чистом, смолистом…
С аппетитом позавтракали густой кашей с тушенкой, которую успел приготовить дядя Саша.
Начинался первый день первой таежной одиссеи…

3. ПЕРО ЖАР-ПТИЦЫ

Дядя Саша ушел в лес по своим делам.
У него весенний учет гнездовий
краснокнижных птиц.
Он – охотовед.
Ребята тоже времени терять не стали.
Отправились на речку ловить мелочевку.
Речушка оказалась очень богатой.
Рыба клевала наперегонки.
Мальма, голец, красноперка…
У каждой рыбки своя поклевка.
У каждой рыбки свой характер.
А если к этому приплюсовать и азарт –
лучшего времяпровождения и не надо.
Внимание ребят привлекла заросшая протока.
А там что?
Когда-то, в наводнение, речка сменила русло,
оставив после себя нагромождение деревьев,
выкорчеванных бурными потоками воды.
Сквозь древесные завалы густо пробивался
молодой ивняк.
Идти было нелегко.
Но червячок познания подгонял ребят.
Впереди блеснуло зеркальце небольшого
плеса.
С берега к нему сбегала коротенькая тропинка.

Прямо от дуплистой ивы.
Это уже интересно.
Ленивая волна раскачивала пучок цветных перьев.
Место спуска тропинки в воду от частого пользования отполировано до зеркального блеска.
Не поленились, спустились к кромке воды и достали перья.
На ладони у Саши они заиграли всеми цветами радуги.
Красным, оранжевым, зеленым…
– Перья жар-птицы, – ахнул Паша.
– А ведь она где-то рядом, – тихо, почти шепотом, произнес Саша. – Может, даже наблюдает за нами.
Ребята внимательно осмотрели водную гладь и берег.
– Пусто…
Паша слегка расстроился, но Саша успокоил его.
– Мы же для нее незнакомцы. Вот и прячется. Надо попробовать подружиться. Ей, наверное, в этих дебрях тоже скучно. И тоже новые друзья нужны.
– Ты как думаешь?
– Как и ты.

– Значит, будем дружить. А вот как, тут надо подумать.
– Надо, – опять согласился Паша.

4. ВЫДРЫ УЛЫБАЮТСЯ

А что, если тоже спрятаться и понаблюдать для начала?
Вот и узнаем, с кем дружить собираемся.
– Смотри, какое укрытие, – сказал Саша, показывая на старый вяз.
Корни дерева, вырванного ветром, напоминали шатер.
А на месте, где стоял великан, образовалась большая воронка.
Из нее, сквозь узорчатую вязь корневых сплетений, плес как на ладони.
Ты видишь всех – тебя никто…
Наблюдение – дело нелегкое.
Сначала напряжение от ожидания.
Потом – от скуки…
Потом – в сон тянет.
Но вознаграждение за ожидание стоит потраченного времени.
С шумом на середине плеса вынырнули две молодые выдры.

И сразу начали гоняться друг за другом.
Фыркая, поднимая фонтаны брызг.
Смешно раскрывая рты и топорща усы.
Со стороны казалось, что выдры улыбаются.
А, может быть, улыбались и в самом деле.
Ведь улыбка – всего лишь игра мышц
лицевой части тела.
И у человека, и у зверя…
А чего не улыбаться им?
Свежий воздух…
Солнышко…
Чистый водоем…
Вылезли на песчаный островок, намытый
течением реки у коряг.
Устроили кучу малу.
Может, от избытка молодых сил.
Может, просто для того, чтобы согреться.
И замерли…
Тела и мордочки их сплелись воедино.
Получилось какое-то непонятное
четырехглазое чудовище…
Даже жутковато стало.
И вдруг в небе ребята заметили парящую
птицу.
Она по спирали в потоках восходящего
воздуха плавно снижалась.
Пернатый хищник тоже наблюдал за игрой

молодых выдр.
И не просто наблюдал…
Молодым выдрам грозила опасность.
Саша предупредительно бросил камень в воду.
Он упал рядом с выдрятами.
Реакция зверьков поразила ребят
Только были – и уже нет…
Сразу растворилась и черная точка в небе.
У огромной птицы сразу исчез интерес к плесу…

5. ЧТО НИ ДЕНЬ – ТО ОТКРЫТИЕ

Только дядя Саша за дверь – ребята туда же.
Загадочные перья не дают покоя.
Скорее на наблюдательный пункт…
Но в их укрытии, оказывается, уже побывали лесные аборигены.
Воронку тщательно обследовал любопытный соболь.
Всюду его следы.
Под стволом дерева, на котором
сидели ребята, оставила свою метку-предупреждение лисица: «Это мои владения, и что останется после гостей – тоже мое…»
Так можно расшифровать ее послание.

Очень-очень любопытен лесной народец!
А вот от обладательницы чудо-перьев весточки нет.
Но все равно без интересных событий день не прошел.
Сухие ветки на тропе тревожно затрещали, зашуршала тягуче трава.
С фырканьем и тяжелыми вздохами перед взором ребят предстал еж.
Такой маленький, а столько шума!
В это время по правилам еж должен отдыхать.
А охотиться – с наступлением сумерек.
Выходит, еж неправильный.
И вышел не для того, чтобы поохотиться.
Может быть, более сильный счастливчик изгнал его с родового участка.
Может быть, участок оскудел, и еж решил подыскать для себя новый.
Все может быть…
Выкорчеванное дерево, за которым прятались ребята, привлекло внимание ежа.
Крошечные ушки напряглись, еж с шумом втянул воздух.
Проверка на опасность.
И, не обнаружив ничего подозрительного, колючий путешественник полез под корч.
Отдохнуть до сумерек.

Не тут-то было!
Из укрытия выскочил сонный сородич.
Он даже с иголок сухую траву не скинул.
Так был взбешен и разъярен.
Еще бы – нарушили покой и родовую границу.
Завязалась нешуточная потасовка.
С шумным топаньем, с пугающим фырканьем.
С ударами игл…
Пришелец быстро ретировался.
Победитель преследовать не стал.
Из-под корча, как горох, выкатилось с полдесятка крошечных ежат.
После предупредительного звука матери, похожего на кряканье, ежата вновь спрятались в укрытии.
Выходит, корч, за которым ребята оборудовали наблюдательный пункт, не просто корч, а апартаменты многодетной мамы-ежихи.
И она нежелательного соседства не терпит.
Поэтому незваный гость так быстро ретировался…
Ежиха заметила ребят.
«Пора бы и вам убираться», – говорил взгляд рассерженной многодетной мамы.
Бусинки глаз так и сверлили ребят.

«Пора», – согласился Саша, как будто ежиха понимала человеческий язык.

6. ПАРАШЮТИСТЫ

Во всех русских историях, будь то сказка или быль, важные события происходят на третий день.
Именно на третий день произошло то, что буквально потрясло ребят.
Из дупла засохшей ивы на зеркало плеса с кряканьем приводнилась небольшая уточка.
Сверкнув фиолетовыми зеркальцами крыльев, шумно захлопала по воде.
Приняв водную процедуру, притихла.
С минуту прихорашивалась, поправляя перья на спине.
Потом осмотрелась по сторонам.
И призывно стала посвистывать.
На свист с десятиметровой высоты, из дупла, посыпались вниз пушистые комочки.
Прямо на водную гладь рядом с уточкой.
Так плавно, что даже брызг не было.
– С такой высоты, и не разбиться, – восхищенно прошептал Паша. – Ну, дают!..
А утята, стараясь не отставать от мамы-утки,

уже плыли под спасительную тень нависших над водой деревьев.
С деревьев при порывах ветра в воду то и дело падали жучки, червячки, гусеницы…
И утята, вслед за мамой, стали жадно поглощать эту мелочь.
И кто только учил этому!
– Ну, вот и разгадка. Хозяйку сказочных перьев нашли, – сказал Паша. – А я- то думал…
– Как бы не так, – возразил Саша.
И показал на яркую, с хохолком, птицу, усевшуюся на прибрежный камень.
– Зимородок! – изумился Паша.
Птица какое-то мгновение всматривалась в воду.
А потом резко нырнула.
Из воды взлетела с извивающейся в клюве серебристой рыбкой.
На бреющем полете скрылась за поворотом, сверкая на солнце ярким хохолком и ультрамариновой раскраской тела.
Птица – сказка!
Мнения ребят разошлись.
Они даже поспорили немножко.
И спор пришлось разрешать дяде Саше:
– Конечно, зимородок очень красив, но ваша находка не из его оперенья. И не маме-

утке принадлежат найденные вами перья. Так красиво одевается только папа утят мандаринки. Селезень… Такой раскраски нет ни у одной птицы мира.
Сейчас он далеко.
В воспитании детей не принимает участия. Но я вам его обязательно покажу.
На старый дуб покормиться желудями он точно прилетит.
– На дуб?
– Желудями?
Ребята от изумления раскрыли рты.
– Прилетит, и еще как прилетит – сами увидите. Вместе с подросшими утятами… Вместе с мамой-уткой. А пока вы за ними понаблюдайте. Это мое поручение. Хищники без внимания утят не оставят. И вам интересно будет. И мне для работы живой материал…
– Договорились, – дружно воскликнули ребята.

7. ВОЗДУШНАЯ АТАКА

– Пора и с подопечными познакомиться. Мы же не просто наблюдатели, мы – охрана, – сказал Саша.

Сказал, насыпая в карман из холщового мешочка рис.
На недоуменный взгляд Паши пояснил:
– Это для знакомства.
Но мама-утка к угощению не вышла.
Затаилась.
Равнодушным к рисовым зернам был и канюк.
Хищная птица, только-только приземлившаяся на вершину сухого дерева.
Канюк лениво ярко-желтым носом чистил на полосатой грудке перья.
И до угощения, и до плавающих уточек ему не было дела.
Первыми угощение обнаружили мыши.
Но долго боялись подойти.
Суетливо метались вокруг него, то выбегая на тропку, то с тревожным писком скрываясь в разнотравье.
Чем и привлекли внимание хищника.
Мыши – это по его части.
Тело птицы напряглось…
Канюк бесшумно слетел с вершины дерева.
Широкие крылья закрыли небо над тропкой…
В ярко-желтых когтях забилась старая мышь.
Уточки, как по команде, нырнули.
Без суеты, без страха.

И исчезли в подводной нише нависшего дерева.
Мама-утка врага в этом хищнике не видела.
Он уже примелькался.
Этот плес и его дом.
А значит, сосед.
И с соседями надо жить мирно.
Но осторожность все равно не помешает…
Маленькую трагедию на берегу плеса его обитатели даже не заметили.
Сколько их случается за день.
На все будешь обращать внимание – и лета не хватит.
А оно на Сахалине короткое.
Суета улеглась.
Канюк снова занял наблюдательный пост на сухом дереве.
Одной мышью сыт не будешь…
А утиное семейство дружно стало вылавливать букашек и козявок, падающих с растущих деревьев на прогретое мелководье.
Ребята подумали, что уточка просто не заметила угощение, как вдруг все семейство вылезло на берег.
Прямо к рассыпанному зерну.
Ну кто от такого подарка откажется?
Никто.

Не отказалось и утиное семейство.
Ну вот, контакт и состоялся.
Значит, будем дружить…
И с канюком тоже.
Его можно и в свою команду принять.
Пусть врагов грозным видом отпугивает.
Проделанной работой ребята были довольны.

8. КЛЕНУ ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩЬ

Лето только-только наступило.
А на клене пряди малиновых листьев пожухли и просят о помощи.
– Такой красавец, а болеет, – сказал Саша, осматривая дерево.
Глубокая рваная морозобоина расползлась по стволу.
Из раны сочилась жидкость.
На жаре она густела и становилась похожей на кровь.
Как у раненного человека.
Клен пробовал бороться с недугом.
Но едва застывшие сгустки сока затягивали рану, как дятел клювом расшивал ее.
И сейчас он только-только слетел с дерева

С недовольным резким криком – оторвали от пиршества…
К ране прилипли несколько бабочек-бражниц. Напились забродившего сока и не в состоянии взлететь.
У комля кружево больших и маленьких следов лесных обитателей.
Выходит, и они сладкоежки.
А дятел старается угодить лесному коллективу, поддерживая сладкий источник открытым.
Для всех старается – меценат.
А каково клену!
Он же может погибнуть.
И без этого красавца осенью в лесу станет так сиротливо!
Не будет багряного, будоражащего зарева.
Не будет особого шарма, создающего праздничную атмосферу.
Надо помочь бедняге.
Накопали глины на берегу.
Смешали с грязью.
Чем не целебный раствор!
Им и замазали густо рану.
А потом, как забинтовывают ногу, забинтовали ствол.
Бинт и йод у ребят всегда с собой.
В лесу без этого нельзя.

Бабочки-бражницы и не думали взлетать.
Пришлось скидывать с раны их прямо в траву.

9. КОЗА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

А сегодня ребята встретили на берегу плеса козу.
Обыкновенную козу с серповидными рогами.
И распухшим от молока выменем.
Коза-путешественница – круто!
Может, собаки загнали ее в лес.
Может, сама затерялась, уходя все дальше и дальше от дома в поисках сладкой травки.
Что тут гадать!
А ведь шла правильно.
Вниз по течению реки.
Как будто знала, что река выведет к людям.
Увидев ребят, коза с таким пронзительным блеяньем кинулась к ребятам, что они сначала опешили.
Но коза быстро присмирела, демонстрируя лояльность.
Боясь вновь затеряться.
И ребята успокоились.
Так и пришли к избушке втроем.
Это рассмешило даже всегда сурового дядю

Сашу.
Ну вот, и обзавелись хозяйством.
Будем с молоком.
Как настоящие робинзоны.
Коза оказалась понятливой и ненадоедливой.
И молоко отдала легко.
Оно было таким пахучим и сладким, что ребята выпили по большой кружке.
В награду коза получила охапку ивовых веток…
– Пусть поживет пока у нас. А потом отведем в поселок, – сказал дядя Саша. – Может, и хозяин козы-путешественницы отыщется…
Коза жевала ивовые ветки и лениво трясла бородой, соглашаясь со всем…
Лишь бы не выгнали.

10. СКОЛЬКО НОГ У БЛОХИ?

Ночью была настоящая буря.
В кронах деревьев ветер завывал, как скоростной поезд.
Деревья скрипели, трещали…
Порывы ветра, казалось, вот-вот разнесут избушку по бревнышкам.
Но к утру стихия утихла.

И даже выглянуло солнышко.
Устояли и избушка, и лесные великаны – столетние пихты…
Коза лениво дожевывала остатки веток.
Ночные кошмары ее не напугали…
Дядя Саша вновь ушел на учет лесных обитателей.
Ну а ребята заторопились на свой плес.
Охрану с них никто не снимал.
Тропа была густо усеяна сухими ветками.
Они цеплялись за ноги, мешали идти.
Дорогу преградил большой шар.
Из мха, бересты и крошечных сучков.
Это гнездо белки сорвало с дерева.
Беличье гайно было пусто.
Значит, бельчат мама-белка спасла.
Перенесла в новый дом.
У нее всегда в запасе свободная квартира.
А если квартиры не окажется, то бесцеремонно попросит поползня или другую мелкую птичку освободить дупло по праву более сильного.
Ребята с любопытством рассматривали беличий дом, передавая из рук в руки, заглядывая внутрь…
А вечером начали дружно чесаться.
Не такая уж чистюля белочка.

Блох и разных насекомых в гнезде было предостаточно.
И все они мечтали найти новых хозяев.
Нашли, в лице Саши с Пашей.
Только ребята от новых квартирантов не в восторге.
Опять пришлось идти ломать ветки.
На этот раз полыни.
Полынь – единственное спасение от насекомых в тайге.
Отпугивает и уничтожает их.
И дядя Саша знал это…
Так что вечером блохи уже не прыгали по избушке.
А, кстати, сколько у блохи ног? – спросил дядя Саша. – Правильно, три пары. Молодцы, биологию знаете. А вот как применять ее – над этим еще поработать надо.

11. У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ

За неделю пребывания в лесу ребята стали настоящими следопытами.
Все старались услышать.
Все старались увидеть.
Найти чего-то…

А сегодня нашли необычное и страшное.
На пригорке, поросшем колючей травой, под корявой каменной березой лежала куча черепов.
И несколько больших позеленевших костей.
После такой находки быть одним в лесу расхотелось – разыгралась фантазия…
Ребята притихли и заспешили в избушку.
Но и в избушке прислушивались к каждому шороху и скрипу.
И никогда так не радовались приходу дяди Саши, как сейчас.
И дядя Саша тоже увидел перемену в настроении племянников.
Рассказ ребят позабавил его.
– Так эти ж черепа мои, – засмеялся он. – Столовую для голодающих зверей устроил зимой. Ноги, головы, мясные отходы, – все, что оставалось после забоя скота на ферме, возил сюда. Тяжело им в феврале без подкормки. А вы что подумали? – Дядя Саша рассмеялся.
– Эх, вы, следопыты! Следы зверей читать научились. Повадки их знаете.
А вот подумать… Соболя вы видели. Лисицу, енота…
Значит, звери перезимовали…

Жизни радуются.
Моя столовая помогла перезимовать.
Теперь они нас своим присутствием радуют.
Я как-то маленькую девочку спросил: «А для чего в лесу лисичка?»
А девочка так серьезно ответила: «Для красоты!»
То-то!
И помочь сохранить красоту эту – святое дело!

12. ЖАРА

Хотелось солнышка – бог дал его.
И оно начало палить с самого утра.
На дереве с раскрытым ртом застыла ворона.
Ей, в черном одеянии, особенно жарко.
Саша сорвал два огромных лопуха.
Связал за черенки ниткой.
Получилась просторная шляпа цвета хаки с широкими полями.
Паша последовал за ним.
Несмотря на жару, в воздухе вились сотни стрекоз.
Аномальное явление.
И откуда только они взялись в лесу?
Наверное, опять ветром занесло из соседней

страны.
Из Японии.
Такое бывает.
Не часто, но бывает.
Пролив, разделяющий страны, совсем узенький.
А ветра сильные.
У плеса стрекоз было еще больше.
От бликов, которые отражали крылышки, у ребят зарябило в глазах.
Рыбы выпрыгивали из воды, стараясь дотянуться до неожиданного лакомства.
Да что там рыбы!
Утята тоже увлеклись охотой.
Сеть паука-крестовика от тяжести прогнулась до воды.
Паук не успевал паковать добычу.
Так увлекся, что сам стал жертвой прожорливого утенка…
А на берегу от жары повысыхали лужи.
Клейкая лягушачья икра сжалась, как шагреневая кожа.
День-другой, и из луж испарится последняя влага.
Икра обречена.
Лягушки очень плодовиты.
Но не настолько, чтобы восполнить такую потерю.

Саша и Паша, не сговариваясь, стали переносить лягушачью икру на прогретое мелководье.
Хоть какой-то, но шанс выжить.

13. ДОМОЙ

Дядя Саша закончил свою работу.
А это значит, пора домой.
А домой так не хочется!
Привыкли к свободе.
И к питомцам своим.
Да и они к ребятам тоже.
Успели подружиться, после того как ребята освободили двух утят от пут невесть откуда взявшегося обрывка сети.
Да и мама-утка к ребятам стала относиться с доверием.
Конечно, и угощение оказало влияние на расположение многодетной мамы.
А на зерно ребята не скупились.
А самое главное, жар-птицу они увидели.
За день до отъезда на протоке появился папа-селезень.
Зимняя накидка красавца успела вылинять и переливалась всеми цветами радуги.

Маховые перья отливали синевой.
На голове хохол из длинных медно-красных перьев, как диковинный цветок, вылезший из воды.
С тыльной стороны хохла торчали сине-зеленые перья, переходящие на кончиках в сине-фиолетовые.
А под бровями – роскошные белые….
Такие, что когда-то подобрали в воде ребята.
Пурпурный зоб.
Ослепительно белая брюшина.
Словами краски передать трудно.
Это надо видеть.
И ребята наконец увидели, какою бывает настоящая жар-птица.
Селезень по-хозяйски плавал в центре протоки с высоко поднятым хвостом.
Охранял свои владения от незваных гостей.
Не успела залетная кряква опуститься на зеркало воды, как получила такую взбучку, что сразу же ретировалась.
На воде остался пучок вырванных перьев.
А кряква была раза в два крупнее селезня мандаринки.
Так что за судьбу утят можно и не беспокоиться.
Папа-селезень в обиду их не даст.
До свидания, жар-птица!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Последний день августа.
Дядя Саша сдержал слово.
Еще раз взял ребят с собою.
Но неделя лесной одиссеи пролетела быстро.
Дядя Саша дал два часа на прощание с друзьями.
Утята подросли так, что мало чем отличались от взрослых мандаринок.
Половина из них такие же красавцы, как папа-селезень.
Половина в маму.
А все вместе – дружное семейство…
Все хорошо ныряют.
Все хорошо летают.
Знают дорогу на зерновые.
И дорогу к старому дубу тоже…
Осень подгоняет.
Скоро улетать в теплые края.
А для успешного перелета надо нагулять жирку.
Подопечных застали на перекате.
Там, где кучкуется молодь лососевых.
Утки не спеша вылавливали серебристых мальков.
Из воды торчали только хвосты.

Не до ребят.
Появление в воздухе орлана даже не насторожило их.
Только пикирующая птица приблизилась к воде, как семейство дружно нырнуло.
Нырнуло, отчаянно хлопая крыльями.
Столб брызг поднялся высоко в воздух.
Мокрый орлан сделал еще попытку.
И опять холодный душ.
Пришлось садиться на прибрежный валун и сушиться.
А утиное семейство как ни в чем не бывало продолжило кормежку.
Папа-селезень успел научить многому.
Дремлющий на суку ивы канюк спешно покинул поле боя.
Лучше не попадаться на глаза именитому родственнику.
А вот ребята специально засветились.
Чтобы хищник видел, что у подросших утят есть защита.
Хищник увидел и улетел.
Улетел, так и не обсохнув.
Да и ребятам пришла пора уходить.
Два часа на прощание, выделенные дядей Сашей, быстро истекли…

В ЦАРСТВЕ ОРЛАНА БЕЛОХВОСТА
(повесть)

1. НЕУДАЧНАЯ ОХОТА

Молодой орлан парит в восходящих потоках воздуха.
Размах широких крыльев более двух метров.
Крылья неподвижны.
Бескрайность простора пьянит птицу…
Обзор потрясающий.
Сверху видно все.
И полевую мышь, что-то прячущую в норку.
И зайца беляка, грызущего веточку краснотала.
И утку-крякву, тяжело опустившуюся на зеркальную гладь плеса.

Все заняты своим делом.
И никому нет дела до черной точки в жгуче-синем июльском небе.
А зря.
Глаз у орлана зоркий.
Он уже выбрал добычу.
Стремительное пике – и хищник зависает над жертвой.
Длинные лапы выбрасываются вперед…
Небо над кряквой темнеет…
Утка ныряет, шумно пробивая зеркальную гладь.
Инстинкт самосохранения.
Когти хищника погружаются следом.
Грудь скользит по воде…
Потеряв энергию полета, орлан вслед за кряквой скрывается в пучине.
Но через считанные секунды всплывает…
Один – без добычи.
До берега орлан добирается вплавь, подгребая крыльями.
Под насмешливое карканье ворон, под шумное чириканье лесных воробьев.
Прохладная вода успокаивает птицу.
Присев на разогретый валун, орлан сушит крылья.
Большая рыжая птица с мокрыми перьями

смотрится совсем мирно.
И не представляет страха.
Чуть ли не у ног ее снуют кулички.
Заяц, затаившийся под ивовым кустом,
вновь грызет сладкий прутик.
А луговая мышь, от страха было забившаяся
в норку, блаженно греется на солнышке.
Мирная идиллия, да и только.
Орлану не повезло, но он не расстраивается.
Добычи много.
Все еще впереди…

2.ЕГО ЗОВУТ КЬЯК

Молодого орлана зовут Кьяк.
Почти все особи мужского пола в роду носят это имя.
За характерные крики: Кьяк, Кьяк, Кьяк.
Правда, родительский дом он уже покинул.
Родители не любят, чтобы взрослеющие дети жили рядом.
Так уж в роду заведено.
Царская птица должна быть с ранних лет самостоятельной.
Самостоятельно набираться мудрости и мужества.

Вот и обитает Кьяк не дома, а в молодежной компании.
В клубе по интересам.
Кьяку пять лет.
В переводе на земную жизнь он юноша.
Природа одела его сообразно статусу.
Бурая строгая накидка.
Светло-коричневая, с просвечивающей белизной манишка.
Массивный оранжевый клюв.
Такого же цвета внушительные лапы.
Ослепительно белое подхвостье.
Глядя на суровое обличье, вряд ли кто из пернатого мира будет претендовать на участок, занятый орланами – себе дороже.
Это и хорошо.
Царям птиц негоже устраивать территориальные конфликты и тратить энергию на нарушителей границ.
Их просто не должно быть.
У орланов и без этого дел хватает.
По утрам Кьяк очень любит петь.
Громкий высокий клекот эхо разносит по всей округе.
Он – заводила.
Собратья по клубу подхватывают арию.
И вот уже над побережьем залива звучит хор

молодых орланов.
Хор, воспевающий торжество жизни.
Восходящее солнце…
Через год Кьяк достигнет совершеннолетия.
А до этого, увы, ни одна себя уважающая
орлица не обратит на него внимания.
Как бы красиво он ни пел.

3. ОБЕД

Вороны, сидящие на низкорослых березках,
не оставляют в покое отдыхающего Кьяка.
Своим карканьем они изрядно достали орлана.
Рыжеватая грудка Кьяка подсохла.
Серповидным клювом он уже привел в
порядок все свои двенадцать рулевых перьев
на клиновидном хвосте…
И, чтобы избавиться от вороньей опеки,
перелетает на вершину старого ильма,
возвышающегося над мелколесьем.
Его не видно – он видит все.
Вороны затихают и покидают объект
наблюдения.
В поле зрения Кьяка появляется скопа.
Лучшего рыболова в округе не найти.
Длинные изогнутые когти и острые шипики

на пальцах скопы не оставляют рыбе шансов на спасение.
Скопа зависает над плесом, выбирая цель.
А выбрав, ныряет лапами вперед в воду.
Считанные секунды – и скользкая, извивающаяся рыбина насажена на когти…
С трудом оторвавшись от воды, сверкнув беловатым подбрюшьем, скопа пытается набрать высоту.
Не тут- то было!
Отдохнувший и проголодавшийся Кьяк быстро настигает ее.
Коротким ударом выбивает добычу.
Обмякшая рыбина падает на береговую гальку.
Вот и обед.
Обиженная скопа скрывается в туманной дымке, издавая жалобные крики.
Кьяк рвет когтями рыбину и жадно пожирает ее.
Обедающий хищник привлекает внимание родственников.
Товарищей по клубу.
После легкой потасовки остатки трапезы делятся на троих.
Две молодые орлицы с такой же жадностью доедают рыбину…
Отобедав, все трое миролюбиво

рассаживаются на валунах.
Как будто ссоры и не было.
Так уж устроена жизнь в царстве орланов.
Не Кьяк придумал эти обычаи, не ему менять.
Отдохнув, птицы улетают.
Юркая норка подбирает потрошки.
Рядом, под валежиной, ее нора.
А в ней малые дети.
И их надо кормить.

4. ПОДРУГА КЬЯКА ПОПАДАЕТ В БЕДУ

Сытное лето пролетело незаметно.
Деревья еще не успели скинуть летний наряд, и вдруг – снегопад.
Густой, липкий.
Зима, как всегда, пришла неожиданно.
Обитатели наземного царства в спешке попрятались по норам и схронам.
Обитателей водного от любопытных глаз укрыла густая, как тесто, шуга…
А вместе с зимой пришел голод.
Тягучий, беспощадный.
В который раз Кьяк поднимается на крыло, с тоскливым раздирающим криком: «Кьяк, кьяк, кьяк!»

В который раз облетает пойму реки-кормилицы.
В водах ее еще вчера без особого труда
можно было выловить снулую рыбину,
скатывающуюся с верховий после нереста.
Зажиревшую красноперку, пожирающую
снулые тушки лососевых.
А на берегу поживиться зазевавшейся
мышью или лягушкой.
Сегодня же, увы – пусто…
Только хлопья липкого снега и холод.
Мельтешение Кьяка порядком надоело
спутникам по кочевке.
Угрюмые, с серповидными носами птицы
свое недовольство выражают глухим,
недовольным клекотом.
Сидя на суку старого ильма, они не защищены
ни от ветров, ни от снежных зарядов.
Но не покидают подсед – авось…
Но авось – штука ненадежная.
Можно ждать и день, и два…
Пока терпение не лопнет.
У молодой орлицы его уже нет.
Орлица крупнее Кьяка.
Так у всех в орлином роду.
Самец всегда более мелкий и ловкий.
Он основной добытчик.
А на самке лежит бремя насиживания яиц.

В большом теле больше жира.
А жир – основной источник энергии.
Во время насиживания это очень и очень важно.
Молодая орлица обращает внимание на обрывок сети на притопленой коряге у берега.
В ячейках сети запутались фрагменты высохшей рыбы.
Орлица садится на корягу и зависает вниз головой.
Тщетно машет крыльями, пытаясь освободиться от пут.
Кьяк и его спутница усаживаются на ветку рядом.
Они не делают попытку спасти несчастную.
Но и в беде не бросают.
Ждут, надеясь на счастливый исход.
Защищая от возможных хищников.
Темнеет…
Мокрый снег усиливается.
Молодая орлица затихает в сетях…
Кьяк и его спутница вновь перелетают на ильм.
На излюбленное место ночевки.
Сегодня они ночуют здесь последний раз.
С восходом солнца возьмут курс на залив.
Там орланы сбиваются в стаю перед отлетом на Хоккайдо.

Японский остров – место зимовки орланов.
…Утром стихия утихла.
По заснеженному берегу реки проложил стежки-дорожки соболек.
Хозяин здешних мест.
У коряги снег густо истоптан.
Кое-где из-под снега торчат белесые перья.
А это значит, что соболек без обеда не остался…

5. НА ХОККАЙДО

Излюбленное занятие Кьяка на зимовке – наблюдать за рыбаками.
Часами просиживает он у лунок, следя за процессом ужения.
Не бескорыстно, конечно.
Рыбаки – народ щедрый.
Мелкая или сорная рыба – ему, Кьяку.
А на берегу для орланов гостеприимно раскрыты хранилища отходов рыбной отрасли.
Без такой внушительной поддержки зимовка и на Хоккайдо стала бы тяжелой.
За время зимовки Кьяк возмужал, окреп.
Полностью сформировался брачный наряд.
Клюв и цевки ног стали ярко-желтыми.
На спине появилась аристократическая

седина.
Орлица, спутница по кочевью, стала оказывать особые знаки внимания…
А это значит, что скоро еще одной семейной парой орланов на Сахалине станет больше.
На календаре конец февраля.
Взрослые орланы потянулись на север.
Хотя там, на Сахалине, еще лежит снег.
И голодно еще…
Но время не терпит.
Надо поправить обветшавшие за зиму гнезда.
Своим присутствием напомнить пернатому и четвероногому люду, кто здесь хозяин.
Чтобы избежать ненужного соседства и всякой суеты.
А Кьяку пока торопиться не надо.
У него главная задача в этом году – дом построить.
Место подходящее для гнездовья подобрать.
Он с подругой в обратный путь отправится в начале апреля.
Когда старейшины поделят родовые места.
Когда на нерест пойдет разнорыбица , птичья мелочь вернется с зимовки.
Тогда и кормовой конкуренции не будет.
Кьяк с избранницей неразлучны и днем, и ночью.

Присматриваются друг к другу.
Спутницу орлан выбирает на всю жизнь.
И тут нельзя ошибиться.

6. КЬЯК СТРОИТ ДОМ

На старой лиственнице Кьяк отдыхал не раз.
Высокая, разлапистая…
Хороший обзор.
И залив, и речка как на ладони…
Лучшего места для гнездовья не сыщешь.
Когда-то лиственница пострадала от снеголома.
Но отсутствие вершины только станет большим плюсом при строительстве гнезда.
На толстых ветвях легче сделать прочное основание.
Как ни странно, претендентов на участок не нашлось.
Год для популяции орланов был тяжелый, и она значительно сократилась.
Доказывать свое право некому.
Прежний хозяин не вернулся с зимовки.
Гнездо его неподалеку.
Оно сильно обветшало.
Можно было бы воспользоваться этим

гнездом, только Кьяк уже сделал выбор.
И этот выбор нравится его орлице.
Целую неделю семейная пара обламывала на лиственнице мелкие ветки для лучшего подлета.
Обламывали рачительно.
Ни одна веточка не пропала.
Всё до последней лапки орлица уложила на опорные сучья, вперемешку с косматыми водорослями.
Для лучшей связки.
Все делала сама, используя Кьяка как подмастерье.
На эту платформу долго потом Кьяк собирал хворост по округе.
А орлица этот хворост переплетала зелеными ветками.
В ней проснулся настоящий строитель.
Кьяку оставалось только удивляться да вовремя подносить материал…
Под тяжестью солидных птиц он спрессовался и образовал прочную конструкцию.
А в разгар лета начали обустройство детской спаленки.
В ход пошли водоросли, мхи, лишайники, сухая трава.
Получился мягкий и теплый лоток.

Лоток, куда орлица отложит яйца.
Гнездо получилось небольшое, диаметром всего-то около метра.
Очень скромное, по сравнению с соседями.
Но это первый дом, построенный им.
И Кьяк очень горд.
Все чаще от избытка чувств по утрам он заводит свою любимую песню.
И скрипучее «кьяк, кьяк» говорливое эхо разносит по всей округе.
Пенье непритязательное, но орлице нравится.
Все чаще и орлица подхватывала его песню, нежно касаясь клювом роскошной манишки Кьяка.
Лето пролетело незаметно.
Иглы на лиственнице пожелтели.
На юг потянулись стаи пернатой мелкоты.
Кьяка и его спутницу тоже ожидала дальняя дорога.

7. КЬЯК И ПРИЖИВАЛЬЦЫ

Каково же было удивление Кьяка, когда после возвращения с зимовки
в своем доме он застал квартирантов.
Парочку лесных воробьев.

И воробьи уже успели обзавестись детками…
Глава воробьиного семейства не придумал ничего лучшего, как поселиться в пустующем доме царственных особ.
После того, как его дом разорили вороны.
Так сказать, под защиту.
Правда, заняло воробьиное семейство не хозяйские апартаменты, а нижний этаж.
Это и погасило гнев Кьяка.
«Пусть живут», – решил он великодушно.
Главное, чтобы не мешали.
Пусть жучков-паучков отлавливают.
Яйца и личинки их уничтожают.
Хозяев тревожным чириканьем предупреждают при появлении опасности.
У них это хорошо получается.
Разбудят даже засоню.
Засоней себя Кьяк не считал – трудился от зари до зари.
Но все равно воробьи получили индульгенцию…
Со временем воробьиная семья так привыкла к хозяевам, что при подлете их уже не пряталась.
Чистила перышки, чирикала что-то, выясняла между собой отношения.

Но гостеприимство хозяев ценила и им дорожила.
Еще бы – обзавелись такими покровителями!
Теперь ни один хищник не обидит!
И воробьи за добро платили добром.
Каждый день санитарная уборка дома хозяев.
Каждый день охота на жучков-паучков в гнезде…
Воробьи трудятся, а хозяева такие кульбиты в небе выделывают!
Глаз не оторвать.
Свободного времени много стало.
То сближаются в полете, то удаляются…
То, сцепившись «коготь в коготь», стремительно падают вниз.
Дух перехватывает.
Кажется, вот-вот разобьются, но в последний момент, расцепившись, резко уходят вверх.
И снова «коготь в коготь», и снова свободное паденье.
После хорошей работы можно и расслабиться.

8. ПЕРВЫЕ ХЛОПОТЫ

Время летит быстро.
Последние островки снега растаяли.

Ручьи зажурчали…
Орлица отложила в гнезде два яйца с легким фисташковым оттенком.
И почти не покидает его, согревая яйца своим телом.
Изредка вылетает на кормежку.
На нерест пошла мойва – огуречная рыба.
На берегу валы живого серебра.
Много времени на обед тратить не надо.
Кьяк, пока орлица в отлучке, на гнездо садится сам.
Он добытчик и охранник.
Других обязанностей у него пока нет.
У орлицы, кроме высиживания яиц, обязанность регулярно переворачивать их клювом.
Равномерный обогрев яиц обеспечивает нормальное развитие эмбрионов.
С появлением птенцов забот у родителей прибавилось.
Чтобы птенцы быстро росли, их надо часто кормить.
Кормить не просто мясом, а внутренностями добычи.
Они мягче и легче усваиваются.
У Кьяка даже времени на отдых не осталось.
Но он счастлив.

И полон сил.
…На суету счастливых орланов обратил внимание молодой медведь.
Неоперившиеся птенцы – легкая добыча.
Обхватил лапами лиственницу – и наверх…
Воробьи подняли тревогу.
К ним присоединились вездесущие вороны.
Кьяк появился у гнезда, когда медведь начал ломать его основание.
Медведь был молодым и неопытным.
Все делал неуклюже.
Защищаясь от разъяренных орланов, оступился и упал.
А упав, сразу дал деру, не ожидая такого отпора.
Но молодого зайца, брошенную добычу Кьяка, успел прихватить.
Не зря же рисковал.
Орлица вновь уселась на яйца.
А Кьяк начал устранять повреждения, орудуя клювом, как молотком.
Воробьи, нахохлившись, уселись на соседнем дереве.
Старались не досаждать хозяину.
Работа- то у него ответственная!

9. КЬЯК-МЛАДШИЙ ВЗРОСЛЕЕТ

Весна – время размножения не только у орланов.
И у всяких букашек-таракашек свои семейные заботы.
И всем кушать хочется.
В тесном гнезде орланов их развелось видимо-невидимо.
Насекомые буквально одолели неоперившихся птенцов.
У птенцов пропал аппетит.
Они похудели.
Птенец покрупней, Кьяк- младший, интуитивно старался отвоевать свободное пространство у сестрички, подталкивая ее к краю гнезда.
В отсутствие родителей сестричка, перевалившись через бортик гнезда, выпала наружу и стала легкой добычей ворон.
В более продуваемом гнезде, в окружении пахучих веточек полыни и других защитных трав, что приносили заботливые родители, насекомых стало меньше.
Да и корма Кьяку-младшему стало доставаться больше.
Кьяк-младший стал лучше расти.

Что поделаешь – таков естественный отбор в природе.
Выживает сильнейший.
На теле вместо серебристого пушка появилась дымчато-серая накидка.
Она намного гуще, чем пушок, и лучше согревает тело.
Когда родители заняты поиском пропитания, такая одежка – просто спасение.
Сахалинское лето теплом радует редко…
Родители даже не заметили, как Кьяк-младший вырос и превратился в настоящего мужчину.
Он часами махал крыльями на бортике гнезда, тренируя тело.
Тело становилось мускулистым и сильным.
Но покинуть родное гнездо боялся.
И тогда родители решили помочь Кьяку-младшему преодолеть страх.
Так Кьяка-старшего учили летать.
Так и он научит сына.
Способ, проверенный временем.

10. КЬЯК-МЛАДШИЙ УЧИТСЯ ЛЕТАТЬ

Метод преодоления страха совсем не гуманный.

Даже жестокий.
Но другого способа просто нет.
Еду Кьяку-младшему стали приносить не более четырех раз в сутки.
Для растущего организма это так мало!
Он стал ощущать голод, нервничать, порываясь пуститься на самостоятельные поиски пропитания.
А перед знаковым днем родители даже «забыли» Кьяка-младшего покормить.
Каково же было его возмущение, когда утром на суку рядом с гнездом он увидел отца, лениво пожирающего молодую крякву.
Такого Кьяк-младший просто не мог выдержать.
Он взмахнул крыльями, оттолкнувшись от гнезда – и к отцу…
Не сумев сесть на сук, пролетел мимо.
И плавно опустился на землю.
Это был его первый полет.
Кьяка-младшего распирали радость и гордость.
Получилось, получилось…
Сам, сам… сам!
Родители приземлились рядом.
Наградой Кьяку-младшему стала недоеденная утка, с которой он расправился мгновенно.
Хватило трех минут.

А вот подняться обратно в небо птенец так и не смог.
То ли кустарник мешал, то ли обед тянул к земле, разбалансировав тело.
А может, волнение мешало.
Все же первый полет совершил!
Что ни попытка взлететь – то неудача.
А время идет.
В тайге стало темнеть.
Пора подумать и о ночлеге.
Чтобы на земле Кьяк-младший не стал добычей голодных хищников, как его сестрица, родители остались ночевать с ним рядом.
Орлица на вершине березки.
Кьяк-старший на нижнем суку, поближе к сыну.

11. НОЧНЫЕ СТРАХИ

Сон под теплым крылом матери всегда приятен и безмятежен.
Тепло, слышно, как каждая жилка тела пульсирует…
Все это успокаивает и убаюкивает.
Сон под перьями жесткого папоротника

совсем не такой.
Только задремлешь, сразу просыпаешься от его холодных прикосновений.
В кромешной тьме бесшумно пролетела сова.
Как огоньки уходящего самолета, сверкнули ее глаза – страшно!
Кьяк вскрикнул.
Успокаивающим клекотом с ветки ему ответила орлица.
Заскрипела ревматически старая пихта – опять страшно.
Сколько ночных звуков в тайге!
Кьяк-младший спрятал голову под крыло, чтобы меньше слышать и меньше пугаться.
Под утро под ногами прошлепала лягушка, касаясь холодным, влажным телом его тела.
Брр… мерзко!
И опять орлице пришлось успокаивать сына.
Страхи, кругом страхи!
Сколько их!
Но выглянуло солнышко, и все страхи исчезли.
На ветке, что над ним, папа с мамой.
Охраняют его покой.
Перед ним на траве большая древесная лягушка.
Та, что нарушила ночной покой.
Кьяк-старший приготовил сыну ее на завтрак.

Прилив энергии наполнил тело орленка.
Снова захотелось летать.
Короткие перепархивания с кочки на кочку…
С ветки на ветку…
И вот уже Кьяк-младший оседлал первое деревце.
С него перемахнул на другое и полетел, ведомый родителями, прямо к гнезду.
А потом был сон.
Долгий и неспокойный.
Во сне Кьяк продолжал пугаться… и летать.

12. КЬЯК-МЛАДШИЙ СТАНОВИТСЯ НАСТОЯЩИМ ОРЛАНОМ

Все чаще Кьяк-младший покидал гнездо.
Все чаще дальше и дальше улетал от него.
Родители еще подкармливали орленка.
Но, в основном, корм он добывал сам.
Однажды Кьяк-младший даже решил напасть на большого зайца, которого застал врасплох на луговине.
Но этот заяц оказался совсем не похожим на тех, что в гнездо приносили родители.
Там он, не торопясь, рвал клювом неподвижную тушку на куски, наслаждаясь

теплой кровью.
Здесь же, едва вонзил когти в заячью спину, получил такой удар ногами, что долго лежал на земле, приходя в себя.
А зайца тем временем и след простыл.
Пришлось довольствоваться старой мышью, которая неосторожно на глазах Кьяка-младшего решила переплыть ручей.
Неудачно началась охота и на осеннюю кету.
Косяк ее с высоты увидел Кьяк-младший на перекате.
Сразу же проснулось чувство охотника.
И кто только учил его всему?
Свободное падение.
Зависание над добычей.
И когти вытянутых ног вонзаются в спину лосося.
Атаку провел классически.
Да только силенок не хватило поднять рыбину в воздух.
В Кьяке-младшем разгорелся азарт.
Кто кого!
Загарпуненная кета металась из стороны в сторону, стараясь скинуть наездника.
Кьяк-младший задыхался от холодных брызг.
Иногда его тело даже скрывалось под водой.
Но своей добычи не бросал.

Все чаще рыбина выскакивала из воды…
А потом выскочила на мель.
И лосось, нахватавшись воздуха, ослаб…
Подгребая крыльями, Кьяк-младший сумел отбуксировать трофей на отмель.
Первая настоящая добыча всегда вкуснее всего.
Кьяк-младший отрывал клювом куски от еще вздрагивающей рыбы и с жадностью поглощал их.
Родители, не упускавшие свое чадо надолго из вида, были приятно удивлены – Кьяк-младший стал настоящим охотником.
И этот охотник угощает их, родителей, тем, что добыл сам.
А из кустов за пирующими хищниками наблюдала норка.
Та самая норка, свидетельница неудачной охоты Кьяка-старшего на крякву.
Ее дети тоже подросли.
Тоже могут самостоятельно добывать корм.
Но еще не настолько, чтобы прокормить себя.
Вот и ждет мама-норка завершения трапезы в надежде чем-то поживиться.

13. ТРАГЕДИЯ

Глупый спор порой может круто изменить судьбу.
Подвыпившая компания поспорила на то, кто попадет в парящую птицу.
И один попал.
Всего-то одной дробиной.
Дробиной, размером в горошину.
И дробина эта повредила сухожилие крыла Кьяка-старшего.
Кувыркаясь, цепляясь за крону дерева, Кьяк-старший упал на землю.
Охотникам он был не нужен.
Они даже свой трофей не пошли искать.
Неделю Кьяк-старший отлеживался под горбатой валежиной, стараясь не двигаться.
Питаясь случайно заскакивающими в укрытие лягушками и грызунами.
Пил холодную воду из лужи.
И спал, много спал.
Нет ничего целительнее здорового сна…
Орлица долго еще кружила над лесом, и не один день.
Но, увы…
Листья на деревьях пожелтели, травяной покров стал пестрым, и увидеть даже с

высоты рыжеватую раненную птицу было невозможно…
И она с Кьяком-младшим откочевала к заливу.
Туда, где окрестные орланы собирались в стаю перед отлетом на зимовку.
…Крыло у Кьяка-старшего срослось.
Но при попытке взлететь причиняло мучительную боль.
Для полного выздоровления требовалось время.
А его матушка-природа не оставила совсем.
Зима давала уже о себе знать.
Утренними морозцами, ледком на лужах…
Укрытие Кьяка-старшего выследила лисица.
Добыча желанная, но не беззащитная.
Клюв не подвел орлана.
Удар был так резок и силен, что лисица, взвизгнув, сразу ретировалась.
Но Кьяк знал, что она вернется.
И очень скоро.
И не одна.
Лисицы любят кооперироваться…
И шансов на спасение у него не будет.
Короткими перепархиваниями Кьяк-старший стал продвигаться к заливу.
Там все знакомо ему…
Там пропитание есть.

Там и перезимовать можно, если повезет.
Под вечер он увидел море.
Море, которое должно стать кормильцем в лютую стужу.
Новая жизнь началась.
Только какая она?

14. ПЕРЕЗИМОВАЛ

Осеннее море неспокойно.
То и дело случаются штормы.
Вместе с мусором, водорослями, оно выбрасывает на берег своих обитателей.
Морских звезд, крабиков, большие и маленькие ракушки.
Погибших в сетях рыбаков птиц и рыб.
А на этот раз выкинуло на берег большую тушу нерпы.
К ней уже успели проложить тропки четвероногие обитатели – еноты, лисы, мелкие грызуны.
Семейство ворон, обитающее здесь, на побережье.
Но мяса почти не убавилось.
Так что Кьяку-старшему повезло.
Целую неделю он дневал и ночевал рядом с

нерпой, защищая находку от посягательства других обитателей.
И все рвал, рвал добычу клювом, утоляя не прекращающийся голод.
Перья его снова приобрели блеск.
Грудь – осанку.
Кьяк-старший воспрянул духом.
Так зимовать можно…
Но очередной шторм что дал, то и забрал обратно.
Тушу нерпы опять унесло море.
А после шторма выпал снег.
Много снега…
И холода лютые пришли.
Холод орлану не страшен.
Была бы пища…
А вот ее как раз и не стало.
Изредка Кьяк подбирал снулого крабика на берегу или ракушку морского гребешка.
Собирательством в такую пору не прокормишься.
Снова стал худым и понурым.
Но холод-то и стал его спасением.
На тонкий припай вышли рыбаки.
И Кьяк, как на Хоккайдо, перебрался поближе к лункам.
Только свои рыбаки оказались не такими

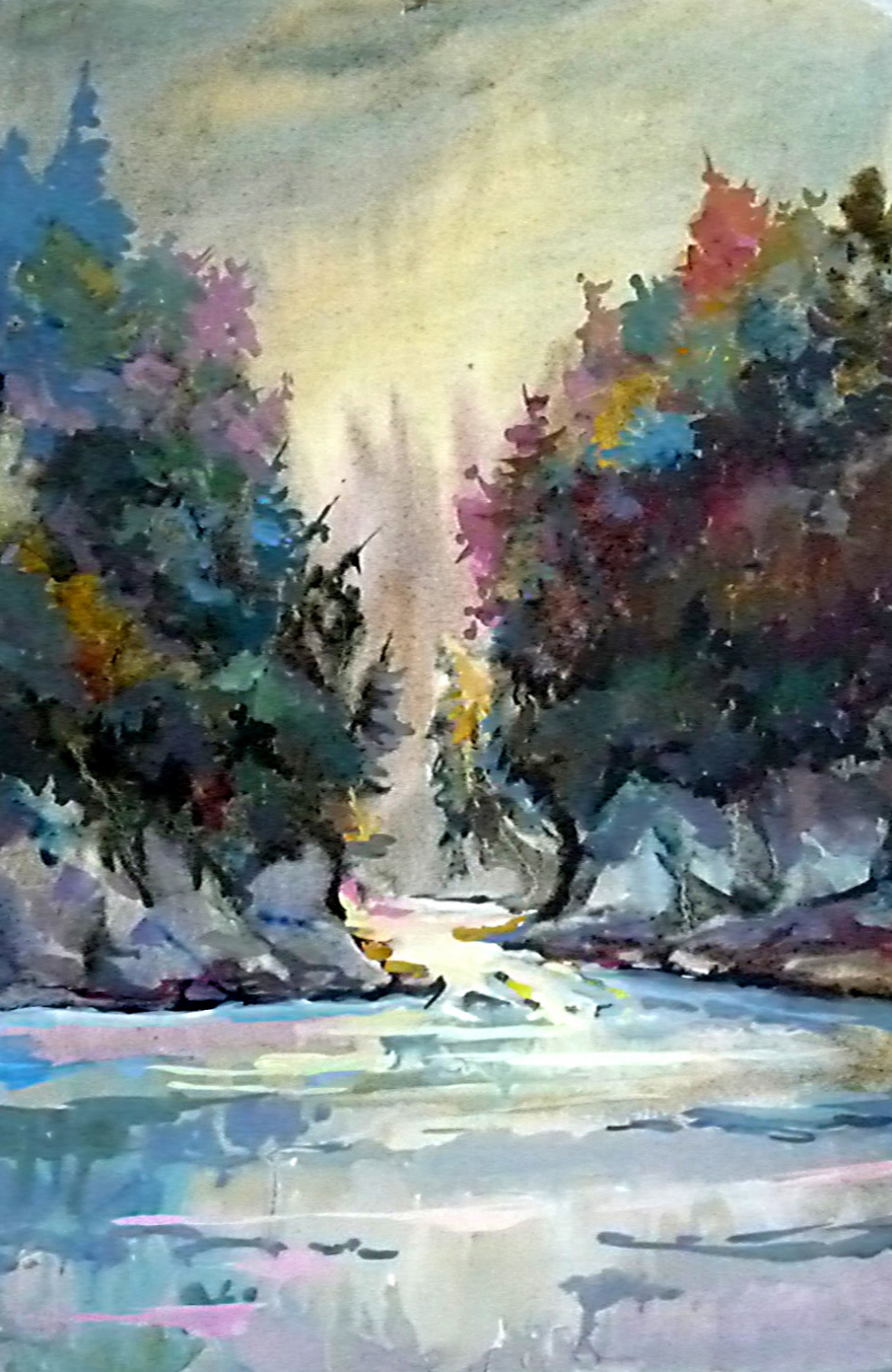
щедрыми, как на Хоккайдо.
Почти всю добычу забирали с собой.
И Кьяку пришлось подворовывать.
И это ему, царю птиц!
Какой стыд!
Но когда очень и очень хочется есть – на что только не пойдешь!
Уловив момент, когда рыбак, увлекшись горячим чайком, терял бдительность, Кьяк-старший вылетал из-за торосов, хватал еще извивающуюся на льду у лунки наважку и улетал обратно.
И так раз за разом.
Не густо – но для выживания хватало.
А в начале марта рыба клевать перестала.
Рыбаки покинули лед.
Пришлось искать новый источник питания.
И Кьяк-старший перебрался поближе к жилью человека.
Где человек, там и корм.
…Незамершие отходы рыбцеха на свалке приятно дразнили своим запахом…
На запах их и карканье ворон и взял Кьяк-старший курс.
Здесь в компании двух белоплечих орланов он и провел остатки зимы.
Родственники были более крупные, но

радушные.
Приняли хорошо.
И стали друзьями по несчастью.
Компанией отбивались от наглых ворон.
Компанией выкапывали из-под снега съестное.
Несчастье сроднило их.
По одному никто бы не выжил.
А в первых числах марта, когда робкое солнышко стало только-только пригревать, Кьяка-старшего вдруг остро потянуло домой.
И он, оставив компанию, взял курс на гнездовье.
Еще издалека Кьяк-старший увидел орлицу, сидящую на гнезде.
Она только-только вернулась с зимовки.
Недовольным клекотом встретила хозяина орлица.
Работы полно – а он разлетался…
Как будто и долгого расставания не было.
А сама тут же зарылась клювом в его теплую манишку.
– Как хорошо, что ты дома!
Несмотря на такой не совсем радушный прием, Кьяк-старший тоже был очень рад.
Он жив.
И орлица жива.
И сын скоро с зимовки вернется.

Чего же больше надо?
Жить, только жить!

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Большой туристический автобус остановился на пляже.
Горохом из автобуса высыпали дети.
– Смотрите, смотрите, – закричал один из них, – какая огромная птица в небе!
– Крылья как полотенце и совсем не шевелятся!
Взгляд всех устремился в небо.
И гид сказала: «Это, дети, орлан-белохвост. Нивхи и айны считали орланов царями птиц на Сахалине.
Преклонялись перед ними.
А сейчас он символ России.
Занесен в Красную книгу.
Его охранять и беречь надо».
И птица в небе словно услышала эти слова.
Слегка качнула крыльями, соглашаясь.
– Надо, конечно надо…



ФИМКА
(ПОВЕСТЬ)

1. ФИМКА

Лесники притащили на погрузочную площадку хлыст.
Еловое дерево с обрубленными сучьями.
А хлыст оказался трухлявым.
Какая из него древесина?
Только на дрова.
Раскряжевали на чурки – и в кучу.
А из одной чурки шар выпал.
Из мха, бересты, сухих травинок.
Взял бригадир в руки шар, а в нем отверстие входное.
Заглянул внутрь – а там три бельчонка.
Оказывается, шар-то не простой – гнездо

белки летяги.
Гайно.
На бельчатах уже шерстка пробивается.
И глаза открыты.
Еще недели две – и по веткам скакать будут.
Куда их теперь?
Пропадут.
Надо мать искать.
До конца рабочего дня бродили лесники по волокам лесосеки.
Все мамашу беличью искали.
Увы!
Не нашли.
Как в воду канула.
А время домой собираться.
И тут кто-то вспомнил про старого лесника Макарыча.
Он рядом, на кордоне жил.
Чудной человек!
Вместо картошки и морковки на грядках у него саженцы – дубы, кедры, яблоньки…
Всю округу саженцами снабдил.
Теперь по распадкам и поймам рассаживает.
Вместо кур и уток в вольерах орлан с перебитым крылом, заяц-подранок.
Больная кабарожка.
Всех лечит Макарыч.

Для всех на его подворье приют.
И для бельчат нашлось место.
Подросли – двух в детский сад отдал.
В живой уголок.
На радость детворе.
А самого шустрого, белочку Фимку, себе оставил.
Все веселее, когда в доме живая душа.
Фимка день и ночь в движении.
То на шторе висит.
То на люстре качается.
Весело ей.
И Макарычу тоже…
Так подружились, что жить друг без друга не могут.
Все бы хорошо.
Да вот приболел Макарыч.
Дети решили в город к себе забрать.
Чтобы под присмотром был.
И Фимке бы место нашлось.
Но большое количество людей в доме так напугало Фимку, что она сиганула в открытую форточку.
А там, во дворе, собака.
От яростного лая Фимка на вершину клена забралась.
А за ней – кот…

Фимка расправила кожистые перепонки на лапках и, как на ковре-самолете, в полет.
С дерева на дерево.
С дерева на дерево…
Подальше от кота.
От испуга не заметила, как в лесу оказалась.
За оградой дома.

2. ОДНА

Фимка сидела на ветке раскидистого дуба, плотно прижавшись к стволу.
Ее тельце сливалось с корой исполина.
Фимка видела всех, ее никто.
Отличное место для наблюдений и отдыха.
Она успокоилась.
Любопытство брало верх над страхом.
Ниже на ветку села сойка.
Отщипнула приглянувшийся желудь.
Огляделась.
Потом, прижав добычу к ребристой коре дуба, стала склевывать ее.
Скорлупки падали на землю.
И не только скорлупки.
Упавшие желуди птица не подбирала.
Зачем – легче сорвать новый.

Под дубом засуетилась мышь.
Успела надкусить желудь.
Но трапезе помешал канюк.
Секунда… и мышь уже бьется в клюве хищной птицы…
Резко застрекотала сойка…
Вероломство хищника возмутило ее.
Фимка не думала, что так много лесных обитателей вокруг.
И попробуй разбери, кто враг, а кто друг из них…
Дунул ветерок.
Перед глазами задрожала ветка молодой осинки, растущей рядом с дубом.
С округлыми гладкими листьями.
Так похожими на печенюшки, которыми любил ее угощать Макарыч.
И Фимка ощутила острый приступ голода.
Листья были горьковатые, терпкие…
Но до чего же вкусные!
…Лучи заходящего солнца скользнули по вершине дуба.
Стало темнеть.
Надвигавшаяся темнота не пугала Фимку.
Белки-летяги – сумеречные животные.
И в такое время чувствуют себя комфортно.
Таежные запахи будоражили, волновали

Фимку.
В них было что-то знакомое, родное.
Но что, она еще не понимала.
На седой ели ухнул филин.
Пришло время его охоты.
Фимка ни разу не видела филина, но сразу притихла, интуитивно почувствовав опасность.
Притихли и другие лесные обитатели.
Внизу, прямо под дубом, остановилась лиса.
Наверное, тоже пришла пообедать.
Мыши и по ее части.
Но грызунов распугал канюк.
Впечатлений было так много, что у Фимки закружилась голова.
Она и не заметила, как уснула прямо на ветке дуба.
Чего никогда не делают белки летяги.

3. ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Под дрожащей кроной осинки – гриб с малиновой шляпкой.
Гриб- подосиновик.
Рядом с грибом суетится белочка-летяжка.
Круглая мордочка.

Выпуклый лобик.
Накидка цвета древесной подстилки.
Такая же накидка на Фимке.
И такие же большие выпуклые глаза…
Летяжка безуспешно старается извлечь гриб из почвы.
Мешают сухие сучки, через которые с трудом пробился этот исполин.
Для Фимки большая радость встретить сородича.
Совместными усилиями гриб извлечен и наколот на сухую ветку.
Для просушки.
Совместными усилиями нашли общий язык.
Ритуальные помахивания хвостами.
Короткие попискивания.
Этому Фимку никто не учил.
Язык звуков и жестов передался с генами.
Фимка еще может стрекотать.
Стрекочет, когда рассердится, когда волнуется…
А тут на кого сердиться?
Тут радоваться надо!
Это нам такие звуки и движения ничего не говорят.
А Фимка столько информации получила!
К тому же хозяйка оказалась гостеприимной.

Пригласила к себе пожить.
У белок-летяг гостеприимство в крови.
Вместе и зимовать теплее.
И припасы на зиму готовить.
И шорохи ночные не так страшны.
А самое главное – у нее есть чему поучиться.
Фимка так еще неопытна, так беспомощна!
Наблюдавшая за церемонией знакомства
сойка притихла.
Только от удовольствия пощелкивала клювом.
– Такие новости! Такие новости!
Будет что разнести по лесу.

4. ДОМ БЕЛКИ-ЛЕТЯГИ

Дом Фимкиной хозяйки – это не дом
Макарыча.
На шторах не повисишь.
На люстре не покачаешься.
Нет штор.
Нет люстр.
Все освещение – входное дупло.
Да и зачем оно, освещение, для больших
выпуклых глаз летяжек.
Они и так все хорошо видят.
Дом обжитый, с историей.

Старое гнездо обыкновенной белки.
Теплое, уютное.
Заботливо подновленное и утепленное.
Белка давно его покинула.
Ветреные родственницы, в отличие от летяг, подолгу в одном месте не живут.
И Фимкина хозяйка полноправная владелица теперь.
Жили в нем и поползни какое-то время….
А первым владельцем уютного дома был дятел.
Это он выдолбил в стволе старой ели дупло.
Для детей своих старался.
Но дети выросли…
А для следующего потомства дятел обустроил новое.
Для хорошего плотника – дело привычное.
Для совы брошенная квартира была тесновата.
Для летучих мышей слишком просторна…
Поползни стали жертвой февральских холодов…
А для белки оказалась в самый раз.
Как и белке-летяжке.
Хозяйственная летяжка квартирой довольна.
В ней уютно и чисто.
Туалет внизу.
У комля ствола.
А как без него?

Как же без санитарии?
Солидная кучка с желтыми, как муравьиные яйца, экскрементами из года в год растет.
Это не просто уборная.
Это своего рода беличья энциклопедия.
Любой представитель белочек-летяг может отсюда почерпнуть любую информацию о хозяйке.
Это как самое дорогое наследие.
Передается из поколения в поколение.
Теперь и информация о Фимке тоже будет храниться здесь.
Пока у нее не будет собственного дома.

5. ВПРОК

Фимка в лесу как несмышленый ребенок.
Все ей в диковинку.
Все хочется потрогать.
Все хочется попробовать на зуб.
Сегодня с хозяйкой гостеприимного дома Фимка готовит запасы на зиму.
Что такое зима, Фимка еще не знает.
В квартире у Макарыча всегда было тепло и сытно.
Но раз хозяйка так суетится, волнуется,

значит, зима – что-то большое и страшное…
И к ней надо готовиться.
Заготовка зимних запасов – труд нелегкий.
Вот тоненькая ветка ольхи с терпкими мужскими сережками.
Сочными, созревшими.
До весны пролежат, не испортятся…
Хозяйка слегка надкусила веточку – и веточка в лапках…
Фимка повторила движения – не тут-то было.
Ветка не ломается.
Хозяйка третью тащит в дупло, а Фимка все с первой возится…
Что поделаешь – нет опыта и сноровки!
А потом пришел черед зеленых ольховых шишек.
Шишки сочные, мясистые, еще не успели одревеснеть.
Будет чем зимой утолить голод.
Береза одарила белочек цветочными сережками.
И почками.
Они тоже зимой пригодятся.
Наступала глубокая ночь.
Малиновый месяц скупо освещал землю.
Но в хлопотах хозяйственные белки не обратили на месяц внимания.

Не сова же, не соболь…
Эка невидаль, месяц!
К тому же красный цвет они совсем не различают.

6. У ФИМКИ ПРОПАЛ АППЕТИТ

В сентябре голодным в тайге будет только ленивый.
По березам, как по лесенкам, тянутся к небу лианки актинидий.
На них, как на новогодних елях, сотни зеленых бочоночков.
Нежных, тающих во рту.
Завораживающе горят кисти рябин в лучах заходящего солнца.
А под ними разноцветными огоньками – шляпки грибов.
Только что прошли теплые дожди.
И грибов в тайге – хоть косой коси.
Грибы привлекают не только Фимку.
На каждой шляпке по десятку слизней и улиток.
Эти мягкотелые существа тоже любят грибы.
А Фимка – их.
Такое лакомство!

Сережки, почки, ольховые шишки, – все в прошлом.
В лесу столько вкусностей!
Что ни день, то открытие.
Организм молодой, растет быстро.
Особенно резцы…
От мягкой пищи они перестали стачиваться.
Стали колоть нёбо и десны.
От боли пропал аппетит.
Фимка даже похудела.
И это в преддверии зимы!
Резцы чесались, зудели, требовали нагрузки.
И Фимке приходилось все время что-то грызть…
Веточки, шишки, орешки.
Организм подсказывал сам, что ему надо.
И резцы сточились.
Перестали колоть язык и нёбо.
Пропало детское увлечение вкусностями.
На ягоды, грибы, улитки она перестала обращать внимание…
В лесу нет врачей-стоматологов.
Зубы звери лечат сами.

7. НОЧЬ

У ночной поры есть своя прелесть.
И у ночного образа жизни…
Для ночных обитателей ночь – что день.
А день – что ночь.
Днем отсыпаются.
Ночью дома обустраивают.
Запасы на зиму делают.
Охотятся.
Знакомятся.
Да мало ли что.
Фимка уже привыкла к такой жизни.
Со многими ночными соседями знакома.
Знает, когда сова на охоту вылетает.
Где пересекаются стежки-дорожки с дорожками летучей мыши.
На каких деревьях подновляет свои метки бурый медведь…
Сегодня познакомилась с ежом.
Ежик, свернувшись в клубок на мышиной тропке, поджидал хозяев дороги жизни.
Мыши передвигаются только по проложенным тропам…
А Фимка спланировала на живой холмик, приняв ежа за естественную возвышенность.
И распугала его обед.

При снижении белое брюшко Фимки сверкнуло в прогале еловых веток, что не осталось без внимания ежа.
За считанные секунды до приземления Фимки еж раскрылся.
Раскрылся, продемонстрировав черно-белые полоски на теле.
Фимка мгновенно, за счет натяжения перепонок на лапах, изменила траекторию полета, и приземлилась рядом с ежом.
А мыши, наоборот, разбежались подальше…
Так произошло знакомство.
Так удалось избежать трагедии.
Белый цвет для ночных обитателей великая штука.
Позволяет и ненужных встреч избежать.
И друзей не растерять в кромешной темноте.
У кабарги белое зеркальце под хвостом.
У лисы на грудке.
У Фимки на животе.
Белый цвет – составная часть гардероба ночного обитателя.

8. В ГОСТЯХ У СОВЫ

Жить в доме друга хорошо.
Но иметь собственный – еще лучше.
И друзей можно пригласить.
И обустроить на свой вкус.
А они у белочек, как и у людей, разные.
Фимка обследовала с десяток дупел в округе.
С десяток щелей и расщелин на деревьях.
И ничего не приглянулось.
А сегодня удача.
Нашла полузасохшее дерево в чащобе…
Отверстий в стволе – что иллюминаторов на фюзеляже самолета.
Так дятел расстарался.
Через одно из отверстий Фимка попала в просторную нишу.
Настоящая жилая комната.
И к тому же с сюрпризом.
В уголке комнаты – с полдесятка мышек.
На кончиках носиков их еще поблескивают капельки крови.
И никаких следов проживания.
Может, это подарок судьбы ей?
И почему бы не принять подарок?
Фимка сразу и отобедала…
Хватило мышки…

Организм молодой, растет.
Белковый корм требуется.
Фимка уже не раз и птенчиком
перекусывала, и яйца из гнезд птичек крала.
Теперь побаловалась мышкой.
Беличья этика такое поведение позволяет.
А она тоже белка.
Белка-летяга.
Значит, ей можно.
Фимка расслабилась и задремала.
Прямо в дупле.
И это спасло ей жизнь.
Беспечного бельчонка выследил соболь.
Злобный, беспощадный…
Растянувшись лентой в предвкушении
трапезы, он застыл в ожидании…
Только сова, хозяйка кладовой, спутала все
карты.
Спутала, возвратившись в свою кладовую с
очередной мышью…
Соболь юркнул за ствол дерева.
Но его движения не остались
незамеченными.
Смерив друг друга злобными взглядами
и оценив свои шансы на успех, хищники
силами мериться не стали.
Просто ретировались в разные стороны.

Воспользовавшись переполохом, Фимка покинула кладовую совы.
И вовремя.
Через считанные минуты сова вернулась.
Опять с мышью.
Пропажи не заметила.
Хоть и большая сова, а считать не может.
И этим часто пользуются лесные обитатели, подворовывая у удачливой хищницы.
О собственном доме пришлось на время забыть.

9. КТО СМЕЛ, ТОТ И СЪЕЛ

Обитатели дупел своими секретами делиться не любят.
И со своим любопытством лучше в них не лезть.
Даже дятел, подыскивая ночлег, в свое же дупло заглядывает каждый раз с опаской.
А вдруг?
А что вдруг?
А то, что у дупла уже новый хозяин.
Что его успел приватизировать более удачливый лесной обитатель…
И встреча с ним ничего хорошего не сулит.

А сейчас нехорошее предчувствие…
И эти предчувствия часто сбываются.
Фимкина хозяйка давно на дятлово жилище глаз положила.
Теперь вместе с Фимкой его обустраивает.
Про запас…
Мало ли что?
Даже не получив согласия дятла.
А как же дятел?
А дятел найдет новое, с ним ничего не случится.
Дятел – спартанец.
Для него главное – крыша над головой.
В дупле даже подстилки нет.
Спит стоя, вцепившись когтями в стенки дупла и опершись на хвост.
Так же и в другом доме будет спать.
А белкам-летяжкам обязательно постель нужна.
На робкий стук хозяина в стенку дупла летяжки даже не ответили.
Мало ли кто стучит.
Высунешься, – а там соболь.
Или сова.
И новый дом не потребуется.
И дятел думает так же:
– Влезешь без оглядки, – а там…
Тоже осторожничает…

Сначала нос сунул.
Тихо…
Потом голову.
Ничего не видно.
Порожек под входным отверстием мешает.
Сам этот порожек выдалбливал.
– Кто там? – стукнул клювом по стенке дятел…
А в ответ опять молчание.
Тогда он просунулся в дупло по грудь…
Белка-летяжка больно вцепилась в нос…
И Фимка тоже – входят без приглашения всякие…
Обиженный и напуганный дятел улетел.
Улетел подыскивать себе другой ночлег.
Порою и так решаются в лесу вопросы на право собственности.
Как говорят: кто смел – тот и съел.

10. ВЕСЕННИЕ ХЛОПОТЫ

В один из апрельских дней в лесу появились стайки белесых птиц.
Они сновали, суетились, оглашали округу жизнерадостным попискиванием.
Это прилетели пуночки – вестники весны.
И лес преобразился…

Выбивает звонкие мелодии дятел на суку.
Глухари снег крыльями чертят.
Под сводами елей, меряясь силами, как молодые петушки, дерутся рябчики.
А как посвистывают поползни, синички!
– Перезимовали, весна идет!
В Фимкину хозяйку словно бес вселился.
Скачет по веткам с дерева на дерево.
Возбужденно фыркает.
Вся в ожидании.
К веселью хозяйки присоединилась и Фимка.
Ее тоже охватило какое-то неведомое чувство.
А потом кавалеры появились.
Чтобы привлечь внимание дам, какие только кульбиты в воздухе не выписывали.
Взлет!
Падение!
Поворот по оси на сто восемьдесят градусов!
Свободный полет через чащобу ветвей, не задевая их.
Регулируя натяжение перепонок, как паруса, они перелетали с дерева на дерево под восторженные взгляды дам.
Фимке приглянулся совсем молодой кавалер.
Веселый, быстрый, неугомонный.
Достойный отец будущих детей…

А потом наступили опять скучные будни.
С потеплением в гнезде расплодились насекомые – клещи, блохи.
Житья от них не стало.
И Фимка опять удивилась прозорливости своей хозяйки.
Вот для чего по осени они обустраивали новые дупла!
За зиму эти дома промерзли так, что насекомых в них не осталось.
Приходи и живи.
А чтобы не перенести блох в шубках в новый дом, белки устроили баньку.
Для баньки у хозяйки было особое дупло.
В трухлявой елке в полутора метрах над землей.
Под елкой большой муравейник.
Из муравейника в дупло ведут десятки муравьиных ходов.
Фимка и десяток минут в нем не просидела.
Облако муравьиной кислоты разъедало глаза.
От муравьиных укусов чесалось тело.
Но она терпела.
Процедуру пришлось повторить еще раз.
Голодные муравьи из зимних беличьх шубок насекомых выбрали начисто.
Приятному новоселью уже ничто не мешало…

11. ФИМКА ОБЗАВОДИТСЯ СВОИМ ИМЕНЬЕМ

Найти место, где было бы жить комфортно, безопасно, и чтоб питание рядом – так трудно.
Всюду родовые метки.
Об этом говорили характерные кучки с желтыми, как муравьиные яйца, зернышками у стволов культовых деревьев.
Об этом говорили специфические запахи на бесчисленных летяжьих тропках по стволам деревьев:
– Место занято. Но хорошим гостям рады, – сигналили они.
Такую информацию можно было прочесть всюду.
Фимка даже не догадывалась, что у нее столько родственников в округе.
Но Фимка уже нагостилась.
В гостях хорошо – дома лучше…
Скоро дети появятся.
Ей очень нужен собственный дом.
И только в перелеске, который соединял лесной массив с полями, не было предупредительных знаков.
Приветливо подрагивали листьями молодые осинки.

На пригорке кучковались березки, с тонкими, как у ив, ветвями…
Густо краснели шишки на редких елях…
В пойме крошечного ручья росли серые ольхи, густо увешанные сережками.
На одной из них зияло таинственной глубиной входное отверстие.
Опять работа дятла.
Лесной доктор вовремя оказал дереву помощь, освободив его от древоточцев.
Ослабленное дерево пытались добить гусеницы шелкопряда, но ольхе опять повезло.
Средь насекомых есть насекомые, которые питаются только насекомыми.
Наездники.
Они успели отложить в каждую гусеницу по яйцу, пробив оболочки мохнатых тел длинными яйцеводами.
Гусеницы жили, что-то грызли, но они были обречены.
На белый свет весной из них вышли не бабочки, а молодые наездники…
Что бы продолжить борьбу с вредителями…
Вокруг отверстия в ольхе образовался нарост, напоминающий формой губы.
Дерево пыталось закрыть рану – не получилось, дупло так и осталось зиять

пустотой.…
Фимке место сразу понравилось.
Первую тропку от комля до дупла Фимка пометила пахучей жидкостью.
Потом потерлась шейкой о древесные губы.
Тоже метка.
Выделенные пахучие секреты предупредят сородичей, что место занято.
У ствола появилась первая кучка желтых зернышек…
Теперь не один сородич на участок покушаться не будет.
Сочные красноватые шишки елей были необычайно вкусны.
Фимка сгрызала их целиком.
С чешуйками, стержнями, с зародышами семян…
Еще бы!
Первый урожай со своего родового именья.
Фимка была как никогда счастлива.

12. ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ФИМКОЙ

Больше года Макарыч не был на лесном кордоне.
Все никак не мог выбраться.

А сегодня – праздник.
Он в гостях у друзей.
В гостях у родного леса.
Столько лет растил, берег, лелеял его…
Лес встретил Макарыча птичьим хором.
– Приветствуют, – прослезился старик.
Каждая тропка, каждый кустик, – все здесь
до боли знакомо Макарычу.
И лесные обитатели тоже.
И каждый старается показаться на глаза
Макарычу.
Вот заяц выбежал на тропинку.
Взбрыкнул от восторга и дал стрекача.
Разносить, как сорока, хорошую новость по
лесу.
В небе завис над Макарычем орлан-белохвост.
Приветствует возвращение.
Из ивовой чащобы выглянула пугливая
кабарожка.
Как не показаться на глаза своему спасителю?
Она так и осталась зимовать у кордона –
безопасно и пищи предостаточно.
А Макарыч тоже всех приветствует.
Соскучился по своим лесным друзьям.
Идет по дорожке, улыбается.
А глаза все чего-то ищут.
Задумался на секунду Макарыч, и вдруг

резкий толчок в спину.
Макарыч даже пошатнулся.
На плечо уселась белка.
Симпатичная белка-летяжка в пепельной накидке с голубоватым отливом.
– Фимка! – вырвалось у Макарыча.
А Фимка, спрыгнув с плеча на дорожку, поскакала вперед, уводя Макарыча за собой в лесные чащобы…
У крошечного ручья Фимка резво взлетела на большую ольху.
Возбужденно застрекотала на ветке.
Из дупла выскочили четыре бельчонка.
С большими, навыкате, глазами.
С такими же, как у Фимки.
Прячась в листве, они не сводили любопытных глаз с Макарыча.
– Фимка, – опять с восторгом произнес Макарыч.
А потом вдруг резко нахмурился.
Лицо его посуровело.
Макарыч взял большую палку…и замахнулся на Фимку.
Фимка от неожиданности вздрогнула и втянула шею.
Макарыч бросил палку в ее сторону.
Фимка молнией по стволу взлетела на дерево

и растворилась в листве…
Как ветром сдуло и бельчат.
– Зачем же ты так? – с досадой произнес сын Макарыча.
Он все время находился с Макарычем рядом.
– А затем! Она должна людей бояться, чтобы выжить. Чтобы детей сохранить..
А у нее совсем чувства страха нет. – Пропадет! Разные люди в лесу ходят. Все может случиться. Для ее же безопасности…
…Из леса Макарыч уходил с двояким чувством. С чувством радости – жива Фимка, жива! А дети какие!
И с чувством вины – обидел Фимку, ни за что обидел!
Она со всей любовью ко мне, а я…

РАССКАЗЫ И ИСТОРИИ

ОПЕРАЦИЯ «ШОК И ТРЕПЕТ»

Начальство критики не любит.
Покритиковал – жди неприятностей.
Через газету – неприятностей на порядок больше.
После цикла статей «Когда умирают реки» на лесосеку ко мне пожаловал сам лесной генерал.
Пожаловал с современными средствами контроля.
Даже прибор глобального ориентирования прихватил.
С нашими допотопными измерительными инструментами столько ошибок можно сделать, что генералу особо стараться не

надо, чтобы их отыскать.
Приборы сами за него работу сделают…
И тут же выдадут результат: правильно или не правильно нанесена деляна на планшеты.
Если неправильно – то это уже рубка в неположенном месте.
Самовольная рубка со всеми вытекающими последствиями.
Тут просто выговором не отделаешься!
О том, что расхождения будут, я даже не сомневался.
Уж очень изрезанный рельеф в месте проведения работ.
И бамбук двухметрового роста.
Измерительную ленту через него не протащишь.
Азимут или румб с надлежащей точностью тоже не взять…
И я приготовился к самому худшему…
Генерал времени не терял.
Достал «джипээску» и сразу взял координаты.
Прямо у машины,
Высветившиеся на экране спутники тут же выдали результат.
Генерал повеселел…
– А теперь на лесосеку, – скомандовал он.
До нее по волоку нужно было спуститься не

менее полукилометра…
У деляночного столба он вновь достал свой прибор глобального ориентирования.
Достал и застыл в рассеянности.
Хваленая американская техника отказалась работать.
Экран светился, но координаты на нем так и не появились.
Генерал выключил прибор, снова включил…
И так несколько раз.
– Какая-то аномалия, – буркнул он.
Но аномалия повторилась и у следующего столба.
И у всех остальных.
Генерал, хотевший удивить нас чудо-техникой, сразу сник.
Молча сел в машину и уехал.
Даже не попрощавшись и не сделав оргвыводов.
Видно, так был потрясен случившимся.
Мы не расстроились.
Особенно я – приезжал-то он по мою душу!
Дав время генералу покинуть пределы лесничества, уехал с лесосеки тоже.
За обедом на радостях достал из холодильника бутылочку – стресс снять
Радио включил – как раз шли последние известия.

Диктор сообщил о начавшейся в Ираке операции «Шок и трепет».
С целью большего эффекта американцы за два часа до нее отключили все средства связи.
И спутники замолчали…
Вот почему «джипээска» у лесного генерала перестала работать.
Ай, да пентагоновские вояки!
Ай, да молодцы!
Спасибо за поддержку!
Выручили!

КАК ОБЩАЛАСЬ КОШКА С КОТОМ…

В ноябре, по первому снегу, под кустом смородины в саду увидел кошку.
Кошка жалобно мяукала, взывая о помощи, не сводя с меня глаз.
У нее была повреждена лапка.
На лапке не хватало двух пальцев, а ранка гноилась…
Нового члена семьи назвали Найденой.
Приживется – хорошо.
Не приживется – насильно удерживать не будем…
Излюбленным местом отдыха Найдены стал

журнальный столик у окна со свисающим с потолка телефонным проводом.
Кошка часами могла играть им, как на струнном инструменте.
Иногда создавалось впечатление, что она ждет важного звонка для себя.
Вот и не отходит от телефона…
А в марте из угла, где стоял столик с телефоном, появился специфический кошачий запах.
– Неужели наша Найдена стала того,.. нечистоплотной?
Не похоже на нее.
По нескольку раз в день она с мяуканьем просилась на улицу, царапая входную дверь…
И я выпускал ее.
Да и ящик с наполнителем в углу стоял…
С этим у нее все в порядке…
А сегодня ни с того ни с сего перестал работать телефонный аппарат.
Может, кошка, играючи, повредила провод?
Армейская специальность у меня радист-телефонист – разобраться с телефоном не проблема…
Вскрыл аппарат.
Разноцветные провода, идущие от телефона, в зеленой шапке окиси меди.

И характерный кошачий запах от шапки…
Подергал провода, проверяя соединение…
Сверху по ним побежала тоненькая струйка жидкости…
Застыл в недоумении.
Чего не скажешь о кошке.
Ее как током подкинуло.
И она с мяуканьем сразу к двери…
Словно получила долгожданный сигнал…
Выглянул в окно.
С чердака по лестнице важно спускался черный кот.
И мне все стало ясно: Коты поверх моей телефонной связи установили свою, где переносчиком информации стал не ток, а кошачья жидкость.
Вызывая подругу на свидание, кот метил телефонный провод на чердаке.
И жидкость, напичканная информацией, по нему своевременно попадала к адресату.
Все просто до гениальности.
Вместо звонка – запах…
Столик пришлось переставить в другое место.
А провод на чердаке заизолировать…
Коты сообразительные.
Найдут и другой способ общения.
Менее специфический!

МИХА

В конце июня в долинах рек буйно цветет шиповник.
Да так, что от медового запаха кружится голова.
Неприметные долины становятся яркими и праздничными.
Именно в это время в верховье рек устремляются бесчисленные стада лососевых – выполнить свой последний долг перед природой.
У рыбных инспекторов самая горячая пора.
Сутками на ногах…
Вот и сейчас, когда заросли сахалинских роз погрузились в сон, закрыв до рассвета пахучие розетки цветов, бригада прочесывает пойму Лютоги – самой большой реки юга Сахалина.
Густой туман и вязкая тишина.
Инспекторы идут гуськом.
След в след.
Стараясь не шуметь.
Если не застать браконьеров врасплох – что толку от рейда?
Молчат четвероногие и пернатые обитатели поймы.
Попробуй, разбери, кто свой, а кто чужой?

Кто друг, а кто враг.
Не слышно даже звона воды по камушкам…
Впереди группы молодой рыбинспектор.
Товарищи фамильярно называют его Михой.
Молодой, но самый выносливый и неутомимый.
Он же и старший по положению.
Все в «энцефалитках» – сахалинские ночи – не ночи в Сочи…
А Миха в маечке.
Пока вытаскивал сеть из реки – успел искупаться.
И как на грех ничего сухого с собой.
Не отменять же рейд из-за этого?
Правда, под маечку товарищи уговорили одеть бронежилет.
Шесть кило веса – но все теплее…
Бронежилет один на всю бригаду.
Наверное, начальство выдало его как талисман.
Хотя защита инспекторам ой как нужна.
Браконьеру терять нечего при встрече с группой.
Всякое бывает.
А пока тихо.
Сняли бесхозную сеть – вот и все происшествия…

Перед мостом Миха дал команду разворачиваться.
Шел первым, стал последним…
Остановился, чтобы завязать шнурок на берцах.
И в это время острый удар под лопатку.
Сумел ухватить руку напавшего…
Вот и пригодился бронежилет – озлобленный браконьер бил наверняка.
Думал, что Миха очередную сеть стал снимать.
Его сеть.
По иронии судьбы, она в этом месте стояла…
Но складной нож от удара сложился, порезав убийце пальцы…
Помощь пришлось оказывать обоим.
Теперь Миху, кроме маечки, согревает и плотная повязка из бинтов…
Бинты потратили и на несостоявшегося убийцу.
Он думал, что жизнь рыбинспектора забрать будет несложно.
А преступление скроет река.
Просчитался…
Браконьер лежал на полу в наручниках и просил о пощаде.
Просил не сдавать в милицию, чтобы не губить ему жизнь.

Забыв начисто, что только что собирался забрать жизнь одного из нас.
С восходом солнца рейд закончился.
К началу рабочего дня были уже в Аниве.
Задержанного браконьера с брезгливостью отпустили – успел обгадиться.
Да и связываться с полицией – не резон.
Столько объяснений и отписок потребуется!
А тут каждый час на счету.
Со своим несостоявшимся убийцей Миха на улицах Анивы сталкивался не раз.
– Городок-то маленький!
Взглянет на него оценивающе: – Ну, и как ты теперь?
А он глаза отводит.
Помнит, значит.
А в начале мая Миха собрался в отпуск.
Корюшка потребовалась.
Друзьям презент под пиво – а где ее взять?
На областном рынке только.
Приехал на рынок Миха.
Место, где продается корюшка, по запаху можно найти.
Нашел.
И страшно был удивлен.
Рыбный ряд держал старый знакомый.
Что на него с ножом шел…

И он Миху узнал.
В истерику сразу… – куда только кураж дел ся!
Обмяк и посерел…
– Все забирай, – только не сдавай в полицию.
Лицо его исказила злоба.
– Да нужен ты мне, – с досадой произнес Миха, чувствуя, что друзья на этот раз останутся без корюшки. – Но меня не забывай.
Бог троицу любит.
Встретились два раза – встретимся и третий…
А этого ждать недолго: шиповник уже цветет….
Горбуша пошла на нерест.
На речке и возьму с поличным.

КОРДОН-СТАН

Только-только жизнь сложилась.
Чувствовал себя королем.
Лесное дело приносило приличный доход.
Без его резолюции ни елку, ни палку не срубишь.
А чтобы получить ее, дорогую, пожелавший приобщиться к лесному бизнесу должен платить.
А их, пожелавших, ой, как много было!

Но еще больший доход приносил кордон-стан.
Странный гибрид постперестроечного времени.
На нем лесники трудились рыбаками…
Плутоватый директор давно вывел стан из-под контроля лесхоза.
Лесхоз сам по себе. Кордон-стан сам по себе.
А он пан и здесь, и там.
Прокурор и начальник милиции – друзья закадычные.
А кого еще можно остерегаться в крошечном районе?
Да никого!
Интересоваться чужими доходами неприлично.
Считается правилом дурного тона.
Страна на всех порах мчится по рыночным рельсам.
Тут, главное, усидеть на коне…
И вдруг, в одночасье, все рухнуло.
Лесхоз по новому Лесному кодексу закрыли.
Кордон-стан без квот на вылов биоресурсов стал ненужной игрушкой.
Квоты-то давались под его должность.
А надежная крыша, которую поддерживал материально, в одночасье оказалась до неприличия ненадежной.

Одним словом, полный крах.
А он столько вложил в это предприятие!
Мобильный телефон, раскалявшийся за день, замолк.
Раньше всем что-то нужно было.
А теперь даже близкие друзья не отвечают на звонки.
Младший сын как в воду глядел.
Совсем недавно сказал отцу:
– Ты все думаешь, что они тебя любят? Денежки твои любят. Лес и рыбу. Не будет этого – куда любовь денется.
Правдолюбец нашелся… Ударил прямо под дых…Эх, прислушаться бы тогда...
Не зря говорят, устами ребенка глаголет истина.
Разбитый и поверженный, сидел он на крылечке сауны, задумчиво опершись о ствол карабина.
Столько гостей побывало здесь, сколько компаний…
А теперь всё коту под хвост…
Один-одинешенек с карабином в обнимку!..
Карабин подтолкнул к размышлениям.
Вспомнился наставник, взрастивший его – замначальника лесной системы.
Вместе начинали рыбное дело…

Оказавшись не у дел, учитель просил ученика взять сюда, на стан, лесником, поближе к рыбному детищу.
Это, считай после генеральской должности-то! Не тут-то было – заматеревший ученик делиться не захотел…
А тому после отставки жизнь на грешной земле адом показалась.
Вот и свел бывший генерал счеты с ней из этого карабина.
– А может, зря не взял, – вдруг мелькнуло в голове. – Мужик-то он был головастый, вместе что-то и придумали бы.
На бесхозное хозяйство уже плотоядно смотрят приближенные главы района.
Еще бы, на готовенькое-то…
Незаметно задремал.
…На стан приезжал со свитой, да еще с какой! Гулять, так гулять!
А на этот раз приехал тихо, под покровом ночи, как вор.
К тому же попал в ДТП – не успел затормозить и зацепил зад какой-то малолитражки. Разъяренная девица чуть глаза не выцарапала…
Он, потерявший былой лоск, впервые юлил заискивающе:

– Да тут всего-ничего… – Все ломиком поправлю.
– Каким ломиком! – взревела. матерясь, девица. – Я, чтобы заработать на машину, три месяца на станах х.. изо рта не выпускала… А ты ломиком, дед!
И плюнула прямо в лицо.
Первый раз в жизни назвали дедом…
Знать, сильно сдал…
А ведь узнал он ее.
И на его кордоне эта разбитная девица подрабатывала телом на машину…
И дедом тогда не называла.
Он был еще ого-го!
Заросший и обрюзглый, дремал бывший хозяин жизни на крылечке своего детища…
Дремал, опершись на карабин безвременно ушедшего друга.
Поздно утром стан заполыхал.
К вечеру на берегу крошечной речушки дымились только головешки.

В БОЛЬНИЦЕ

Вена никак не хотела сдаваться, как живая, пряталась от иголки.

Молодая медсестра разволновалась, за моей спиной образовалась очередь.
Я неудачно пошутил, что-то из области анатомии.
– Нельзя с руки, – возьмем с языка. Нас всему учили, – отреагировала сестра.
Перспектива не радовала.
Я притих.
И вена сразу успокоилась.
Нужные кубики крови перетекли в шприц.
– Фамилия, – автоматически переспросила сестра…
– Орлов.
И тут выяснилось, что кровь должны брать не у меня, а у моего соседа.
Он первым занял очередь.
Но отлучился в туалет.
А на свободное место сел я.
Думал, что давление мерить начали.
Вот и подоили ни за что.
– Свои люди, сочтемся, – сквозь зубы процедил я соседу.
Следующего раза долго ждать не пришлось.
Мы только что с соседом поменялись коечками.
Его стояла у окна, и соседу продувало больное ухо – отит замучил.

А у меня – проблема со спиной.
А коечка у открытой двери.
В палате жуткая жара.
Окна и двери день и ночь нараспашку.
Так что от обмена выиграли оба.
Но только не медработники.
По коечкам они запоминали, кому какую процедуру делать.
Мимо меня с грохотом прокатил аппарат ЭКГ.
Прямо к соседу.
Кардиограмму снимать.
Сестра автоматически раскинула присоски по телу.
На запястья рук одела контакты…
Включила аппарат.
Он зашипел, защелкал по бумаге и выдал строчку остроконечных зубцов.
Сделал паузу – и из-под пера самописца потянулась ровная прямая.
Потом еще одна…
Сосед сразу обратил внимание на нее.
И с ужасом замер.
Как замер и я.
Только-только закончили транслировать фильм «Склифосовский».
А сосед был очень мнительный, Что означает прямая на ленте, ему объяснять не надо –

сердце встало на заслуженный отдых.
Сосед от страха теряет сознание.
Прибывшее к сестре на помощь подкрепление приводит его в чувство.
А аппарат – нет.
Он упрямо продолжает выдавать прямую.
Новое подкрепление, резерв смены – старшая медсестра – тоже не решает проблемы…
Решили заменить аппарат.
Прикатили доисторический, но более надежный.
Чудо техники наконец-то выдало нужные каракули.
И тут выяснилось, что ЭКГ должны снять с меня, а не с соседа…
Мне вчера сделали коронарку, и я неделю как минимум должен находиться под наблюдением.
Сосед после потрясений приходит в себя.
И с ненавистью смотрит на меня.
А я-то при чем?
Медсестры перепутали.
Надо было фамилию спросить, а не по коечкам ориентироваться.
Но в душе доволен.
Неизвестно, как бы перенес ситуацию с прямой…

А в воскресенье меддевчата устроили себе праздник.
И нам, естественно.
Подъем не в шесть часов, как обычно, а в семь.
Дали лишний часок поспать.
Наверное, плата за потрясения.
Но курильщики не оценили щедрость и устроили бучу.
Им надо в курилку на улицу, а дверь закрыта…
А как открыть, если ключи от входной двери у санитарки.
А она слегка загуляла…
Вот и получился маленький праздник.
В больнице не соскучишься.

КОТ-АРИСТОКРАТ

За этим котом я наблюдал не первый день.
Черная, еще не слежавшаяся шерсть, белая манишка.
Внешний вид, грациозность походки говорили о том, что он не просто кот, а кот-аристократ, случайно попавший в беду.
Чувствовалось, что совсем недавно был любимцем в семье, но какая-то неожиданная житейская катастрофа круто изменила

судьбу.
И кот оказался на улице.
Он был явно голоден, что выдавали большие янтарные глаза.
Блеск голодных глаз трудно сдержать и аристократу.
Я решил подкормить бедолагу.
Вынес ему кусок курицы.
Кот нехотя, словно человек, оторванный от важных дел, отошел в сторону, казалось, даже не взглянув на угощение.
И вновь застыл в размышлениях.
Только когда я скрылся из вида, кот, оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто за ним не наблюдает, с жадностью набросился на курицу.
Он заинтриговал меня.
Кот не спешил искать новое место, нового хозяина.
Считал, что его сегодняшнее положение временное, преодолимое.
Судьба будет благосклонна к нему, и все вернется на круги своя.
История кота с его «взлетами и падениями» для многих на селе секретом не была.
И я легко получил о нем информацию.
...Источником бед для кота стала

обыкновенная путевка.
Семейная туристская путевка, полученная хозяевами от профсоюза.
И хотя кот тоже был членом семьи, ни один важный разговор, ни одна вечеринка не обходились без него, но взять его с собой они, разумеется, не могли.
Присматривать за домом, за хозяйством – а все хозяйство – кот да три курицы – поручили соседу.
Сосед-холостяк, не знавший, чем занять свободное время, больше всего подходил для этого.
К тому же был немножко влюблен в соседку и лишний раз хотел бы подчеркнуть уважение, лояльность к ней.
Соседка, подтрунивая над соседом, звала его «мужем по хозяйственной части» и во времена долгого отсутствия мужа легко перепоручала ему все хозяйственные заботы: колку дров, подноску воды – дом-то неблагоустроенный.
Но не более.
Вот и сейчас сосед вновь вступал в права «мужа по хозяйственной части».
Зная, что сосед любит выпить, и деньги у него не держатся, хозяева закупили для кур

полмешка пшена, а для кота – два десятка банок рыбных консервов.
С этим они и убыли.
Для кота пробил час испытаний.
Не прошло и недели, как кот был снят с довольствия.
Чтобы не разоряться на закуску, рыбные консервы съели многочисленные собутыльники «врио» хозяина.
– Пусть ловит мышей. Иш, разъелся, аристократ! – глядя на кота, промолвил один из таких гостей.
Кот в душе был действительно аристократ. Мышей он ловить и не мог, и не хотел.
При виде мыши, предложенной ему раскуражившимися собутыльниками соседа, кот поморщился и брезгливо отошел в сторону.
Он здорово завидовал несушкам, которые добывали пропитание сами.
Не дождавшись корма от новоиспеченного хозяина, они просто стали приходить на веранду, где стоял мешок с пшеном, и склевывать положенную им пайку.
Кот страшно похудел.
Походка его стала напоминать походку матроса на палубе раскачивающегося корабля.

Но он мужественно переносил все тяготы холостяцкой жизни.
Стойкость своего питомца по достоинству была оценена «воспитателем».
В нем на какой-то миг проснулись угрызения совести.
Обшарив и вывернув карманы, надеясь найти хоть завалящую рублевую бумажку для консервов и ничего не найдя, он потрепал кота по потускневшей холке и ободряюще произнес:
– Ничего, крепись. Безвыходных положений не бывает. Будет и у нас пир горой. А теперь погуляй, – и подтолкнул кота к приоткрытой двери.
…С горки рассыпанного пшена в панике слетела стайка воробьев.
Крылатые воришки на миг потеряли ориентиры и беспомощно тыкались в оледенелые стекла веранды.
Суета бестолковых воробьев возбудила кота.
Он с раздражением прыгнул на подоконник.
На когтистой лапе повис тепленький пушистый комочек мяса.
С этого момента и началось «падение» кота.
Манеры аристократа были начисто забыты.
В нем проснулся хищник.

Заговорила кровь предков.
С возбужденным урчанием, не выпуская добычи из зубов, кот устремился обратно в комнату, под широкую семейную кровать хозяев.
Темный угол как раз подходил для его злодейских дел.
С каждым днем горка перьев под кроватью росла…
Шерсть кота снова стала искриться.
Потухшие было глаза загорелись вновь.
Теперь в открытую дверь кот норовил проскочить раньше того, кто ее открывал.
Его движения напоминали скорее полет стрелы, чем выход животного.
Совершив мгновенный прыжок с кухонного порога в открытое пространство веранды, кот буквально зависал в воздухе, на лету умудряясь схватить зазевавшегося воробья.
И хотя воробьи, прилетавшие «на пшено», скоро стали осторожнее, без жертв не обходилось.
Квалификация кота росла не по дням, а по часам.
Настал день приезда хозяев.
В доме был наведен элементарный порядок.
Убрано пшено с веранды.

Пол подметен.
И вот миг встречи…
Возвратившийся хозяин, на ходу отряхивая снежную пыль с обуви, предупредительно открыл дверь для хозяйки.
Руки ее были заняты.
Она даже на минуту не могла расстаться с хрустальной люстрой – такая покупка!
А дальше события развертывались, как в кино.
Стремительный бросок кота в открытую дверь.
Вопль и падение хозяйки.
Разбитая люстра…
А тут еще гора окровавленных перьев под самым святым предметом в доме – широкой супружеской кроватью.
Судьба кота была решена.
Его вывезли на один из мастерских участков – в лес.
Но новое место жительства не устроило кота.
Кот не смирился со своим положением.
Он верил, что еще будет нужен, что хозяева заберут его…
И все вернется на круги своя.
Вот и сидел часами на развилке поселковых дорог, всматриваясь в даль…
Ждал…

«ЖИВАЯ» ВАЛЮТА

Знакомому медвежатнику приснился до нелепости странный сон.
Сидит он на берегу таежной речушки, ждёт у привады косолапого.
И вдруг чувствует: на плечо ложится что-то теплое…
Рука?
Нет.
Обернулся: лапа.
Стоит сзади медведь, виновато голову опустил, одна пятерня на плече, другой свою желчь протягивает.
На, возьми, только не стреляй.
Очнулся весь в поту.
Долго в реальность приходил.
Хохотнул нервно: приснится же такая нелепость!
Хотя что тут нелепого?
Охотник помнил, что буквально несколько лет назад во время облета участка на вертолете можно было увидеть чуть ли ни стада медведей.
По нескольку особей сразу.
Да и газеты пестрели сообщениями: медведь задрал корову, медведь напал на сборщиков

папоротника.
Вольготно было медведям.
Врагов нет. Друзей не надо.
Но открылись границы с соседними странами, и остров захлестнул медвежий бум.
С лицензиями, без, профессионалы, доморощенные медвежатники, – все устремились в тайгу – бизнес!
Сам медведь бизнесменам не нужен.
Что делать с грудой мяса глубоко в тайге?
Желчь! Вот это другое дело.
Это «живая» валюта.
Несколько мешочков на лимузин тянут.
…Поздно осенью в верховьях реки Черняховки мы нашли полуразложившуюся тушу медведя.
Наверняка дело рук одного из таких предпринимателей – добыв зверя, он вырезал желчь, а тушу бросил.
…Сегодня медвежьих стад уже не встретишь.
Поредел род медвежий.
Стыдно становится и за себя, и за род людской в целом.
Люди мы или не люди?

СОБАЧЬИ ИСТОРИИ (ДЕВЯНОСТЫЕ ЛИХИЕ…)

1. ОТЧАЯНИЕ

Издавна селяне излишки продовольствия зимой в снегу хранят.
Надежно, удобно и экономно.
Вот и соседка, наморозив в мисках десяток кружков молока и сложив в алюминиевые бидоны, надежно закопала запасы в снег.
Чем не холодильник?
Там у нее и ящик с мясом хранился, и другие припасы.
А в один прекрасный день холодильник явно «похудел».
Крышка ящика была оторвана, мясо исчезло.
Исчезла и добрая половина намороженных кружков молока.
В поисках пропажи далеко ходить не пришлось.
Следы привели к дому напротив.
Вернее, к собачьей конуре у дома с породистой овчаркой, ожидающей щенков.
И тут же у конуры пропажа нашлась.
В целости и сохранности.
С одной стороны ее лежало мороженое мясо в брикетах, с другой – кружки молока.

По аккуратности новая хозяйка запасов
ничем не уступала прежней.
Гостей встретила враждебно…
«Мое, не отдам», – говорил ее взгляд.
Через месяц-другой появятся щенки.
На щедрость хозяев надеяться нечего.
А тут дело пахнет экспроприацией…
Хлесткие слова потерпевшей жгли, как
бичом, а гневный взгляд буквально
испепелял и парализовал волю…
И собака поняла: компромиссов не будет.
Поджав хвост, на брюхе, как простая
провинившаяся дворняжка, червем поползла
в темное нутро конуры.
…Морозный скрип сапог соседки давно
уже стих, давно уже не было слышно
разгневанного голоса, а из конуры все еще
раздавалось жалобный скулеж собаки.

2. КАКИЕ ВРЕМЕНА – ТАКИЕ НРАВЫ

У пьянчуги так болела голова с перепоя, что
он, чтобы найти деньги на опохмелку, сдал
в местный ресторан собаку с собственного
подворья.
Для корейской кухни.

И это у нас, на Руси-то!
Голову свою вылечил, но сразу заболели головы соседей.
Собака была кормящей матерью.
И куча голодных щенков, завывающих в конуре день и ночь, стала буквально сводить их с ума.
На третий день о щенках узнали девочки-школьницы.
Свалили всех в один большой ранец и сразу отправились к ближайшей песочнице.
На дележ.
– Я самая большая, – начала разговор старшая, – мне и больше надо.
На одну обувку сколько требуется.
Вот и заберу самого большого щенка.
Глядишь, продам за сотню.
– А таких маленьких в ресторан не берут,
– вмешалась подружка, – их полгода еще кормить надо.
На лицах девочек отразилась растерянность.
Но юная коммерсантка и тут находит выход:
– Тогда давайте продадим вашу Найду.
И ни слова о жалости.
Ни к щенкам.
Ни к Найде.
Каково время – таковы и нравы…

3. СООБРАЗИТЕЛЬНАЯ

Перед носом дворняжки сердобольный клиент высыпал горку крупных косточек.
– Угощайся, Жучка!
Что делать? Начнешь есть под столом – выгонит официант.
И тогда прощай угощение.
Выйдешь с костью наружу – обратно никто не пустит.
Да и на кого эту косточку оставить там, за дверью?
А вынести все сразу – не получается.
Все же целых пять косточек!
А время идет, и клиенты уже на суету под столом внимание обращать начали…
Думай, думай скорее, Жучка!
Промедление потере обеда равносильно.
Задрала голову дворняжка к потолку – задачка-то не из легких.
И ведь решила ее в конце концов…
Захрустела в зубах самая крупная косточка.
Да так смачно, что весь зал на мгновение притих.
И когда на хруст подбежал к столу официант, баланс был найден окончательно.
Оставшиеся четыре косточки, как крылья

бабочки, попарно торчали в полуоткрытой пасти дворняжки, отчего морда казалась немножко лукавой и улыбающейся.
А сама дворняжка степенно вышагивала к то и дело хлопающей двери.
Сообразительная!..

4. ИЛЛЮЗИЯ

Какой-то бессердечный хозяин выбросил собаку на сносях перед нашим селом.
Куда бедолаге податься?
В каждом подворье своей лающей и мяукающей братии невпроворот.
Только у конторы лесничества тишина.
Это с тех пор, как его закрыли.
Вот и облюбовала собака один из сараев бывшего лесничества.
Тихо.
Безмолвно.
Никто не тревожит.
Все хорошо – только надо чем-то и питаться.
Пес мой ревностно охранял свою территорию от всякого посягательства.
И за забор, разделяющий мою усадьбу и контору лесничества, незваную

квартирантку не пускал.
Соседские владения охранялись не менее ревностно.
И ждала бы беднягу верная гибель, если бы я не стал ее подкармливать.
Сейчас под сараем у дороги живет целая семья: два повзрослевших щенка и их мать.
Несмотря на то, что собака больше года бездомная, навыков из прежней и, может быть, счастливой жизни не растеряла.
Она и сейчас считает себя на службе.
На службе, которую сама себе нашла, для которой и составила распорядок.
И сама себе внушила иллюзию нужности существования.
Эта иллюзия скрашивает и поддерживает жизнь не только четвероногой мамаши, но и ее щенков.
В три голоса они облаивают люд, проходящий мимо сарая по дороге: мол, проходите, прохожие, не задерживайтесь, не видите, что ли, что объект охраняется?
Дружелюбным помахиванием хвостов всегда встречают женщину-лесника, занимающуюся отоплением конторы, поддерживающую угасающую жизнь бывшего лесничества.

И хотя никаких подачек от нее не получают, дружелюбное помахивание хвостами стало частью ежедневного ритуала. Как же – ведь она тоже на службе.
Коллеги, стало быть.
Посмотрел я как-то на этих собачек со стороны, и мысль какая-то обидная в голову пришла.
А чем моя судьба отличается от их?
Тридцать лет исправно служил лесной системе.
Сажал лес, берег его.
А теперь все это стало ненужным.
И я сам ненужным стал.
Вот и сократили меня вместе с лесничеством.
Правда, на службе еще нахожусь.
Стараюсь найти для себя какое-то дело в лесу, пишу бумаги, предписания…
Но, увы, это никому не нужно.
Хорошо отлаженный механизм уничтожения леса работает без осечек, как хронометр.
И мои бумажки – как лай из подворотни этих выброшенных собак.
Одним словом, иллюзия.

5. РАЛЬФ

Со всей живностью во дворе Ральф дружил.
Породистая немецкая овчарка и не могла вести себя иначе.
Ведь живность-то хозяйская.
А он – опора хозяина.
Но с коровой, черно-белой «голштинкой», у него сложились особые отношения.
Со «служебными» не имеющие ничего общего.
Да, порой Ральф ее облаивал.
А она в ответ, угрожающе нагнув голову с острыми рогами, бросалась на Ральфа.
Но это было всего лишь частью общей игры, не более.
Игры, придуманной ими же, чтобы развеять скуку.
Но стоило какому-нибудь псу ввязаться в драку с Ральфом, острые рога «голштинки» сразу же спешили на помощь.
И он не раз рвал ляжки агрессивной буренки, решившей боднуть его «голштинку».
Но каждое утро корова уходила со двора вместе со стадом.
Уходила, чтобы вечером вернуться с молоком, которое Ральф любил больше всего на свете.

И от этого любопытство Ральфа разжигалось еще больше.
Куда она ходит, зачем, – читалось на его умной морде.
И вдруг в одно из утр, проводив «голштинку» до ворот, Ральф исчез.
Собака была еще молодая, глупая, все могло случиться.
Могли украсть, сбить машиной.
Искал полдня – и бесполезно.
Но, вспомнив привязанность к «голштинке», решил заглянуть на выпас.
Не мог же Ральф уйти куда-то, не попрощавшись с ней.
И точно.
Пережевывая жвачку, на полянке, в стороне от стада, лежала его рогатая подруга.
Ральф, естественно, рядом…
Пастух был в изумлении.
Когда корова паслась, Ральф шел рядом.
Корова отдыхала, и он отдыхал, улегшись у ног.
Никого не подпуская к ней, даже пастуха.
Я отругал Ральфа.
Он виновно опустил голову: мол, больше не буду, хозяин.
И, действительно, больше своеволия у своей

собаки я не замечал.
Ральф удовлетворил любопытство.
Когда «голштинку» свели со двора, Ральф крепко скучал.
И перестал пить молоко.
Хотя до этого парного молока мог выпить два-три литра в один присест.
От своей «голштинки», естественно.

КЛОПОВКА И МЕДВЕДЬ

Местные охотники убили медведя.
Скот повадился драть…
Долго выслеживали.
Долго подкармливали.
И вот финал: лежит – не дышит…
Одним словом – трофей.
От убитого зверя за версту несло клоповкой – ягодой, которая растет только у нас на Сахалине.
Но в окрестностях села, где убили медведя, сплошной бамбук.
И где только нашел медведь эту ягоду?
Завязался спор.
И тут один из стариков вспомнил историю из далекого детства.

– А ведь росла у нас такая ягода.
Причем в этом распадке.
И дом наш здесь стоял.
Вернее, не наш – японский.
Но был он и нашим первым домом на Сахалине.
Мы ведь переселенцы.
Сорвали родителей вербовщики с насиженных мест – кущи райские наобещали.
А когда приехали – увидели эти кущи: глухие места, и жилья даже нет.
Лишь редкие японские домики по распадкам раскинуты.
В один из этих домиков и подселили наше семейство.
У них – куча детей.
У нас – куча.
Одним словом, интернационал.
Они нашего языка не понимают, мы – их…
Но для ребятишек разве это барьер?
Сообща за ягодами в распадок бегали.
И черемшу собирали сообща…
Купались, секретами с помощью первых освоенных слов и жестов делились, пока их родители репатриации ждали.
И ее помню хорошо.
В тот день хозяин-японец все свои запасы матери передал: две ямы с картошкой и

четыре мешка рису.
Для семьи, в которой восемь детей, – богатство неслыханное.
Но недолго радовалась мать привалившему счастью.
На следующий день явился представитель власти и все конфисковал в «закрома родины». Хорошо хоть буквально перед приходом «гостей» мать сумела и риса отсыпать, и картошки про запас схоронить.
Жизнь на оккупированной Брянщине многому научила…
Да, в те времена люди жили «с колес».
Рыбу ловили впрок.
Ягоду бочками собирали.
Клоповку тоже.
А теперь об этой ягоде в наших местах помнят только медведи, – тяжело вздохнул старик. – …Лес вокруг села повырубили.
Пожары по вырубкам прошлись.
А бесхозное пространство быстро заполонил бамбук, спустившийся с горных вершин.
Вот и выродилась ягодка.
А недавно окрестности села посетила японская делегация, – продолжая тему, произнес старик. – Может, в ней были и дети японца-репатрианта, пытавшегося

подкормить нас – для них Сахалин тоже Родина… Не знаю…
У простых людей обиды друг на друга нет. Войны и раздоры начинают не они – политики. А простые люди просто живут.
И по ту сторону границы, и по эту.
Вот какая история припомнилась благодаря обыкновенной ягоде краснике, которую на Сахалине называют клоповкой.

ДОМ И СЛИВОВЫЙ САД

Мне всегда так хотелось построить собственный домик.
Я даже место красивое для него подобрал: небольшую полянку на окраине села, перед которой старая-престарая яблоня весной, утопающая в кипени цветов, а позади – две сливы. Но откуда деньги у лесника? Зарплаты хватает только на то, чтобы семью прокормить.
Мне ли стройку затевать?
Но как-то от старожилов узнал, что на участке, облюбованном мной, дом уже стоял. И даже люди жили в нем какое-то время после репатриации прежних хозяев.

Потом дом сгорел.
Участок забросили.
А я-то все время думал, откуда в мелколесье этом плодовые деревья!
Много таких домиков было разбросано по югу Сахалина.
С вишнями, сливами, яблоньками.
Плодовые деревья для наших загадочных соседей – это символ благополучия, счастья.
Теперь домов этих нет.
Повырубили и повыкорчевали деревья.
А вместе с ними счастье и благополучие, наверное.
На чудом сохранившихся деревьях плоды даже вызреть не успевают – их обдирают еще зелеными.
Посмотришь с борта самолета на юг Сахалина – сплошные квадратики полей.
И кажутся сверху эти квадратики решеткой, которую на изуродованную землю набросили недобрые люди.
Правда, в последнее время изменилось многое.
Человек начинает чувствовать себя хозяином и на Сахалине.
Стали появляться молодые сады на острове.
И я несколько яблонек под окнами ведомственного дома посадил.

И сливы тоже.
Цветут они весной потрясающе.
И от этого мечта о собственном домике с плодовыми деревьями становится все желаннее и острее.

АКТЕРЫ ПОКИНУЛИ СЦЕНУ

После многочасовой ходьбы по тайге порой устаешь так, что уже не реагируешь на окружающий мир.
Птица взлетит из-под ног, зверь затрещит сухим валежником – ноль внимания.
Идешь, как робот, не останавливаясь, и даже червячок любопытства в душе не шевельнется – а кто же это был?
Но резкие и частые крики явно попавшего в беду зверька, доносящиеся из-под каменистых россыпей старого оползня, сразу насторожили меня.
Кто же так разоряется?
Никогда подобных криков не слышал.
Если бедняга таким образом выдает место своего обитания, значит, случилось что-то неординарное.
Пришлось изменить маршрут…

Небольшой, охристого цвета зверек, напоминающий зайца – только очень и очень маленького, – прижав к спине овальные уши, забыв обо всем на свете, по-прежнему верещит.
Он даже не сразу заметил мое появление.
Явно произошло что-то ужасное.
Но что?…
Завидев меня, зверек моментально замолк и скрылся в каменистой расщелине.
Ну вот, все актеры покинули сцену.
Финал!
А мне, опоздавшему зрителю финала мало.
Подавай сюжет.
Придется собирать его по крупицам.
И что вы думаете?
Собрал.
Помогла охапка сена, что нашел невдалеке под каменистым навесом.
Не просто охапка.
А охапка с камушками наверху, чтобы ветром не растрепало.
«Рукотворная», значит.
И я сразу вспомнил имя-отчество только что покинувшего сцену актера.
Так это же северная пищуха из семейства сеноставок!

Стожки, кучки сена – ее «визитные карточки». Даже если никогда ее не видел, все равно ни с кем не спутаешь.
Никто, кроме нее, таким образом, не готовит корма впрок.
А вот и «визитная карточка» второго актера: среди клочьев сена на месте лежки характерный «горох».
«Визитка» сахалинской кабарги – миниатюрного краснокнижного оленя.
А когда актеры известны и известны их амплуа, восстановить
драму большого труда не составило.
…Во время очередного обхода своего участка кабарга наткнулась на стожок сена, если можно назвать стожком большую охапку сухой травы и веточек кустарника.
На зимние запасы пищухи.
Неутомимый зверек с середины лета «косил» траву, сушил ее на камнях, стоговал, проветривал, надеялся на сытую зиму.
А тут – незваный гость.
Гость, который не только бесстыдно ополовинил запасы, но и остатки их превратил в «матрац» для лежки.
Как тут не кричать от горя и отчаяния?
Если тебя обрекают на голод

ЧТО В ИМЕНИ ТВОЕМ...

Мой дом стоит на обрывистом берегу ручья со странным названием Козловский.
Великий тенор в этих краях не бывал.
Старожилов со звонкой и исконно русской фамилией тоже на селе не было, чью память и чьи деяния решили бы селяне увековечить таким образом.
Но кто-то все же назвал ручей Козловским – значит, были на то веские причины.
И без какого-то «Козловского» обойтись не могло.
Потому что в названии почти всех водотоков и других приметных мест на селе приживаются исторические прототипы.
Например, «Лучина переправа», «Зайцев распадок», броды – «Коля маленький» и «Коля большой»...
Все они: и Лучин, и Зайцев, и оба Коли – большой и маленький – были первопроходцами.
Из тех, кто обживал эту угрюмую, негостеприимную, но исконно русскую землю.
Из тех, кто по вербовке приехал просто подзаработать, да так и остался навсегда в

этих ставших родными местах.
Где теперь живут и работают их дети, внуки, продолжающие обживать эту землю.
Мой дом на селе все называют «дом лесничества».
С одной стороны дома – квартира, с другой – контора бывшего лесничества, где я работал лесничим.
Живу в доме не один десяток лет, лесничество закрыли давно.
И должность мою сократили тоже.
Но селяне по-прежнему дом называют домом лесничества.
А меня – лесничим.
Значит, тоже как-то остался в памяти их, и это приятно.
Хотя у дома, в котором я живу, есть более длинная родословная, которую большинство селян уже и не помнит.
На этом месте располагалась центральная усадьба прежних лесоводов-японцев.
На месте моего огорода у них был лесопитомник.
И они тоже считали эту землю своей.
Заниматься лесоразведением временщик никогда бы не стал.
Для него главное – урвать побольше.

Таких запутанных историй в отношении двух соседних народов – не счесть. Их не может распутать уже которое поколение и русских, и японцев.

О питомнике напоминают с десяток обособленно стоящих елок у подошвы сопки. Эти ели, почему-то вопреки природным циклам плодоношения, золотятся огромными шишками почти каждый год.

На вершинах елей поселилась небольшая колония ворон. После многолетней «междоусобицы» и вороны, и хозяева подворий, примыкающих к вороньей колонии, нашли своеобразный консенсус. Вороны не трогают зелень и ягоды с огородов, не забивают цыплят и кур, а хозяева не трогают вороньих гнезд.

В общем, обе стороны оказались сговорчивыми и понятливыми.

Осенью на дом лесничества любо посмотреть. Он буквально утопает в буйстве природных красок.

Прямо перед входом в контору стоят три ясеня. Три ясеня-акробата.

Их ножки-стволики причудливо переплелись, как при выполнении сложного акробатического упражнения.

Не сразу и определишь – где чей.
Зато у каждого свой прогонистый ствол с роскошной неповторимой кроной.
Кроны в конце сентября становятся пронзительно лимонно-желтыми.
И при взгляде на их увядающую неповторимость каждый раз до боли сжимается сердце, прощаясь с очередным уходящим годом.
Ясени у дома лесничества появились не сами по себе.
Это своеобразная память об эпохе «ренессанса» в лесном хозяйстве.
В те времена еще не слышали о беспощадном рынке.
И рыночных отношениях по принципу «ты – мне, я – тебе».
И лесные боссы не были еще коммерсантами.
Они были учеными, лириками.
Их время безвозвратно ушло.
Но память о них и их делах осталась навечно.
Один из первых директоров лесхоза – Чопенко (к своему стыду, имя-отчество его забыл) – имеющий к тому же ученую степень, в пойме реки Семги заложил большую плантацию ясеня.
Для озеленения округи.

Чтобы природа не казалась такой скучной и однообразной.
А лесники в память об этом событии высадили несколько тоненьких прутиков у дверей своей конторы, то есть у дома, где я теперь живу.
Теперь эти прутики превратились в огромные деревья и по осени радуют своей неповторимой лимонно-желтой красотой.
Хотя самая большая память, которую оставил о себе директор – это спасенные от промышленных рубок леса округи.
При нем был закрыт леспромхоз, прекращен сплав древесины по рекам.
Лесозаготовители, не выдержав штрафных санкций, можно сказать, бежали из наших лесов, бросив даже заготовленную древесину.
Штабеля брошенного леса встречал я в урочище Шуя, на месте последнего базирования лесных варваров.
Но такие странички в памяти не остаются. Как говорят у нас на Руси – «плохое из памяти вон».
Сижу, пишу эти строки – а за окном по склону сопки вижу редкую паутину ореховых деревьев.

Рукотворное насаждение ореха Зибольта – это тоже своеобразная память о первых лесоводах района.
Уж очень велико было желание превратить безжизненное пространство освобожденных земель в цветущий сад.
Лесников не сдерживало даже скудное финансирование.
В листьях ореха Зибольта нет такой пронзительной красоты, как в «цветении» листьев ясеня, зато причудливость их форм просто завораживает.
Я люблю смотреть на ореховый листопад в безветренную погоду – это потрясающее зрелище.
А местная ребятня любит, естественно, собирать орехи.
Гроздья-люстры, которые призывно раскачиваются на ветру.
Ребятня может висеть на деревьях с утра до вечера, до тех пор, пока не получат от мамаш взбучки за безнадежно испорченные рубашки и штаны.
К тому же ореховая зелень имеет свойство долго не смываться не только с одежды, но и с рук, с лица.
Созревший урожай ждет с нетерпением и

лесная мелкота – мыши, бурундуки, белки – хозяева этих мест.
Наверное, и для них, а не только для биоразнообразия и красоты, в самых сокровенных уголках, прилегающих к дому лесничества, первые лесники высаживали куртинки таких вот «хлебных» деревьев.
Метрах в пятистах южнее лесничества на склоне ручья Козловского большая куртинка кедрового стланика…
В ней круглый год кипит жизнь.
Летом четвероногих и пернатых обитателей этого «орехового» городка вычислить трудно.
Но по первому снегу каких только следов здесь не увидишь – белки, соболя, колонка, кедровки…
Одним из авторов создания ореховых насаждений и кедрача была Неонила Алексеевна Басова.
Все ступеньки лесной карьеры прошла она – от инженера леса до директора.
Рукой подать от куртинки кедрового стланика до настоящей кедровой рощи.
Она уже обильно плодоносит.
Саженцами, выращенными из ее орехов, засажены десятки гектар пустырей и гарей.
Настоящий кедроград.

Лесники всегда в тайне держали места посадки кедра, чтобы защитить свое детище от недобрых людей.
В первые годы плодоношения кедр очень уязвим. При неосторожной сборке урожаев тяжелых шишек можно поломать хрупкие вершинки.
Они порой даже тяжелого снега не выдерживают.
Чтобы собрать орехи для первой закладки питомника, пришлось долго «пытать» старых лесников о местонахождении кедровых насаждений.
И один из них, Анатолий Степанович Величко, раскрыл нам эту тайну.
Его давно уже нет, а память осталась.
Обе кедровые рощи посажены, в том числе, и его руками.
И не только рощи.
Высаживая сосну по голым окрестным сопкам, лесники всегда прихватывали пучок-другой кедра, чтобы высадить саженцы в каком-то укромном месте.
Я часто слышал от охотников и сборщиков ягод истории о плодоносящих кедровых деревьях на сопках в окрестностях села.
В глазах рассказчиков было нескрываемое

удивление.
Я тогда не верил этим историям.
А, оказывается, все так просто.
Подарить неожиданную радость не так уж сложно.
Нужно только иметь доброе сердце.
Вот и Анатолий Вениаминович Высоцкий, бывший лесничий Таранайского лесничества, не зная об опытах старых лесников, тоже в своей вотчине внедрял такую же «методу» – где в лощинке среди молодых посадок хвойника несколько кустиков смородины высадит, где сливу или вишенку посадит. То же самое и с кедром.
Это хорошая память о себе.
…Сопка, у подошвы которой стоит дом лесничества, когда-то после опустошительных пожаров была голой.
Теперь здесь хоть филиал дендрария открывай.
Сосна, ель, лиственница, кедр, ясень, боярышник, орех, лимонник – и еще десятка два древесных и кустарниковых видов.
Одиноко под окнами, почти у самого обрыва в ручей, стоит лиственница.
Ей всего четверть века, а она уже вымахала на добрый десяток метров.
Обильно плодоносит.

Это тоже память о важном для села событии.
В окрестных лесах появились первые рукотворные лиственничники.
В том числе, и на сопке, нависающей над моим домом.
Каждый из лесников, участвующих в озеленении бывшего горельника, по деревцу посадил перед конторой лесничества.
Но лиственничная аллейка погибла: ее съели мыши – это лишний раз подтверждает, как нелегок путь лесовосстановления.
И только деревце старого лесника Арнольда Николаевича Самохина осталось живо.
Он посадил его отдельно среди прутиков бамбука.
Лесника давно нет уже в живых, а деревце, посаженное им, прижилось и растет.
Его так и называют Самохинской лиственницей. Хотя за свою жизнь Самохин посадил таких деревьев не одну сотню тысяч.
Искусственные леса в окрестностях села Огоньки занимают площадь более тысячи гектар. И в посадке доброй половины принимал участие и он.
Рядом с лиственницей, ближе к забору, росло несколько акаций. Тоже своеобразная веха: в лесничестве создавались смешанные

насаждения с участием этой породы.
Но теплолюбивой южанке нелегко пришлось в суровых сахалинских краях.
В сорокаградусные морозы большинство деревьев вымерзло.
Погибли деревца и у дома лесничества – результаты не всегда бывают положительными.
И пусть большинство имен тех, кто оставил о себе память таким вот образом, не сохранилась, их дела останутся в рукотворных лесах.
А значит, и в нашей памяти.
И мы эту память должны уметь защитить.

СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ…
(РАССКАЗЫ)

ЕЛОЧКИ

Подошва сопки – как голова уличного мальчишки.
Бесчисленными репьями еловые пни в пересохшей траве.
Черные, обугленные…
Когда-то здесь была вырубка.
Потом пожар основательно почистил ее.
Только у самой дороги – две чудом сохранившиеся елочки.
Их пощадил огонь.
До них не добрались короеды.
До них не добрались любители елок под

Новый год.
Тихо, безмолвно кругом…
Лишь изредка залетит птица да кочующий зверь забежит ненароком, и вновь полное забвение.
Но природа пустоты не терпит.
И что не под силу природе – под силу людям.
Пришел черед озеленяться и этой сопке.
Приехали в зеленых фуражках люди.
Саженцы в мешках привезли.
Много саженцев.
По пять тысяч штук на гектар хватило.
За день управились – и домой.
Только завязла машина в разбитой колее – ни назад, ни вперед.
А рядом – две елочки на ветру раскачиваются.
Не бросать же машину в тайге.
И в ход пошел топор…
Двух елочек как не бывало.
Только из глинистой лужи, как руки утопающих с растопыренными пальцами-иголками, остались торчать короткие черенки колючих веток.
И сразу сопка стала ниже.
И затаилась в лунках только что посаженная хвойная молодь…

И даже ветер стих, запутавшись в сухой траве.
…Но жертвы напрасными не бывают.
Когда-то и на этом месте вместо двух елочек зашумит прекрасный бор.
Только погубленные елочки все равно жалко.

ДОВЕРЧИВАЯ СИНИЧКА

У меня всегда в кармане горстка семечек или зернышек – а вдруг придется угощать кого-то из лесных обитателей?
Но на этот раз в кармане пусто – куртка после стирки.
А именно в такие моменты случаются неожиданные встречи.
…На березе, у тропинки, стайка синичек-черноголовок.
Затеяли между собою потасовку.
И так увлеклись, что на меня ноль внимания.
Да и мой взгляд не задержался на расшалившихся птичках.
Вытянул руку, чтобы убрать нависшую ветку, оберегая глаза…
А на нее сверху спикировала одна из драчуний.
Уселась на ладонь, как до этого сидела на ветке, и с меня глаз не сводит.

– А где угощение, мил человек, – читается в бегающих бусинках синички. – А где угощение?
– Нет угощения.
Надо же так опростоволоситься!
Птица к тебе с доверием, а ты…
Да ладно.
Свои люди, сочтемся…
По этой тропинке мне ходить – не переходить.
Авось дорожки и пересекутся.
И действительно, на следующей неделе встретил я знакомую стайку.
У той же тропинки.
На той же березке.
Но сколько ни вытягивал руку, чтобы привлечь внимание пернатых, увы…
Птицы просто не замечали моих жестов.
Подумали, наверное, что жадина я, опять обманываю.
Купились один раз на вытянутую руку, и хватит…
Обидно, конечно.
Высыпаю семечки прямо на тропку.
Авось, увидят.
Может, и мнение обо мне изменят.
А так хотелось пообщаться вживую…

МНОГОДЕТНАЯ МАМАША

На этот склон сопки, поросший молодым высокотравьем, старая медведица выходила по утрам ежедневно.
Как на работу.
Хотя почему как?
Копание корешков в едва оттаявшей земле – это тоже труд.
И труд нелегкий.
Сколько корешков требуется, чтобы набить брюхо?
К тому же мамаша кормящая.
На сопке появляется не одна – с парой медвежат.
Которые тоже пытаются копать корешки.
Но не сколько копают, сколько мешают, попадая под когтистые лапы матери.
И получают заслуженные шлепки.
Наблюдать за семейкой так занимательно, что мы каждый раз на дороге устраиваем перекур.
До медведей метров триста, к тому же нас разделяет распадок.
Безопасно и им, и нам.
Медведи к нам привыкли и не видят в нас опасности.
Но в последний рабочий день недели

медведица на склоне не появилась.
Под молодыми лопухами ковырялись только медвежата.
Не сколько добывали еду, сколько ожидали чуда.
Но чуда так и не произошло – мать к детям не вышла.
И у какого нелюдя поднялась рука на нее?
Хотели сообщить по инстанции, чтобы отловили сирот – пропадут одни в тайге.
Хотели сообщить, но не сообщили.
И хорошо сделали.
В понедельник на знакомом склоне вновь появилась медведица.
Но была она и моложе, и темней.
Да и детей у нее было больше – пятеро шло следом.
Двое из них были крупнее других.
– Наши, – выдохнул шофер.
Для нас медвежата-сироты уже стали нашими.
Так привыкли мы к ним.
Неравнодушной к сиротам оказалась и молодая медведица, принявшая их в свою семью.
Заметив наблюдавших людей, она зло рявкнула, и семейство кубарем скатилось в распадок.

Больше мы их никогда не видели.
Но за судьбу приемышей можно было не волноваться – приемная мамаша в обиду их не даст.

НА СКОШЕННОМ ЛУГУ

Я не люблю запаха свежескошенной травы. Он заставляет щемящее сжиматься сердце. Навевает какую-то непонятную тревогу.
Да и сама трава, поникшая под палящим солнцем, выглядит как-то жалко, удручающе…
Но любишь ты или не любишь увядающее разнотравье, а чтобы выйти на проселочную дорогу, луг переходить придется.
Впереди по ходу частит перепел:
– Спать пора!
– Спать пора!
Перепелу, можем быть, и спать пора, но где притулиться бедняге – луг скошен.
И вся жизнь его как на ладони.
Прислонившись к увядающей розетке медвежьей дудки, зло на меня глядит филин.
Из раскрытой пасти хищника вырывается змеиное шипение, а крылья отчаянно молотят по белесым соцветьям.

Увяз в плетях скошенной травы?
Хочет напугать меня?
Беру длинный прутик кисляка и тыкаю им в филина.
– Кыш!
Филин, отпрянув, переворачивается на спину, обнажив культяпки ног.
Становится стыдно: обидел инвалида.
Опять трактористы косили луг по кругу, отрезав пути отхода его обитателям.
И вот трагедия.
Филин угодил под ножи косилки.
Охотился на мышей, а жертвой стал сам.
И это не единственная жертва.
Гортанно надрывается воронье, сбившись в кучу.
Подхожу ближе.
От тушки молодого зайца осталась только кровоточащая шубка.
Очередная жертва трактористов.
К запаху свежескошенной травы добавляется запах свежей крови.
Сердце щемящее сжимается…
Скорее бы выйти на дорогу….

КОГДА ЦАРЯ ПТИЦ ЗАСТАЮТ ВРАСПЛОХ

Небольшой лужок, зажатый с двух сторон сопками, чем-то притягивает зайцев.
По утрам на нем всегда заячья компания.
То ли себя показать стараются косые, то ли на других посмотреть…
Крадусь, чтобы подойти поближе.
Стараюсь, чтобы ни один сучок не треснул под ногами.
И вдруг – резкий вскрик и хлопанье крыльев.
Оказывается, не я один наблюдал за заячьей компанией.
Чуть ли не из-под ног взлетел молодой орлан.
Совсем молодой.
Едва дотянул до близстоящей березы, так и не набрав высоты.
Передохнув, сделал еще один перелет, более уверенный.
А потом скрылся в березовом мелколесье.
Вряд ли его интересовали зайцы.
Молодой орлан только-только начал осваивать азы полета…
Вылететь из гнезда сумел, а вернуться назад – увы…
Но ничего – родители найдут и помогут…
А я уже помог.

Встреча со мной помогла орлану
мобилизовать силы.
Чувство страха – сильное чувство.
Оно-то и заставило орлана подняться в воздух.
Встреча с орланом длилась какие-то секунды,
а восторг остался надолго.
Не каждый день застаешь царя птиц врасплох.
А что касается зайцев, то никакого
разочарования.
Не удалось понаблюдать сегодня –
понаблюдаю завтра.
Тусовки на лугу каждый день – куда они
денутся!

И НИКАКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

На морозе, прямо на берегу моря, чистить
гребешок нелегко – мерзнут руки.
Вот и придумал маленькую хитрость.
Беру нож в руки и считаю до десяти.
За этот промежуток времени успеваю
очистить десяток раковин.
А это треть килограмма нежнейшей мякоти.
Закончив счет, быстро сую горящие от
холода руки за пазуху.
Держу там минуту-другую, пока не согреются.

И снова счет до десяти, и снова десяток раковин.
Метров в трехстах от меня моллюски потрошит енотовидная собака.
Тоже прямо у кромки воды.
Вскрывать покрывшиеся корочкой льда створки гребешка и ей нелегко.
Лапы тоже мерзнут.
И она их то и дело поджимает к брюшку.
Чтобы согреть в густом мехе.
Интересно, она тоже ведет свой счет?
А что?
Вполне возможно.
Мы же млекопитающие.
Существа разумные
И привычки могут быть общими.
…Ночью был шторм.
Колония прибрежного гребешка поредела.
Зато на берегу…
Собирай – не хочу.
И никакой конкуренции.
Всем хватит.
И человеку, и зверю.
Можешь собирать молча, можешь под счет до десяти.
Как душе заблагорассудится.

А МОГЛА БЫ СТАТЬ ВИЗИТНОЙ КАРТОЧКОЙ

Поздно осенью в соседнем селе появилась кабарга.
Молоденькая самочка из рода самых маленьких оленей.
Собак она не боялась.
Легко уходила от них через заполненные водой кюветы.
А где не было кюветов, через невысокие заборы подворий.
Прыгучести незваной гостьи можно было только позавидовать.
Кабарга общипывала мерзлые листья малинника.
Выстригала сохранившиеся с теплых времен у заборов островки мокреца.
Выискивала травинки у стен домов и оснований теплиц.
Паслась на глазах людей, нисколько не боясь их.
Ночевала в заброшенных строениях или прямо в огородах.
Сердобольные хозяйки стали подкармливать животное.
Высыпали из тазиков перед гостьей картофельные очистки или листья капусты.

Кабарга от угощений не отказывалась.
Но и близко к себе не подпускала.
Там, где угощение получала чаще, там и оставалась на ночевку.
Порой прямо под окнами.
После такой ночевки в почве оставались углубления, посыпанные характерным «горохом».
По манере поведения животное могло быть и не диким.
Могли и отдыхающие забыть ее на природе после отдыха.
Сейчас каких только животных не держат дома…
А может быть, расшалившись, кабарга затерялась сама.
И не вернулась вовремя к хозяевам.
Все может быть.
Поэтому и держится близко к людям – привыкла к человеческому общению…
Незаметно прошла зима.
Ручьи побежали по дорогам.
В огородах и на подворьях всюду лужи.
Кабарга перестала кочевать по поселку – облюбовала себе сараюшку на окраине села.
В сараюшке остатки прошлогоднего сена.
Банные веники.

Питания хватало.
Место обитания кабарги секретом не было для жителей села.
А может быть, и для прежних хозяев.
Ловить свою любимицу на чужих подворьях проблематично.
То ли дело заброшенный сарай!
Один из местных жителей видел, как к нему подъехал микроавтобус.
Двое мужчин в сопровождении женщины вынесли из сарая большой мешок.
После их визита кабарга исчезла.
Ни следов, ни других атрибутов пребывания.
Мне показали только оплавленные солнцем отпечатки копытец на высохшей грязи.
Хочется верить, что забрали ее прежние хозяева.
Не настолько она была доверчива, чтобы даться в руки чужому.
Хочется надеяться на лучший финал.
Трагедий у нас и так хватает.
А ведь могла бы стать и визитной карточкой села.
Могла, но не стала.

ПРОЩАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ

Летом на усадьбе и десятка воробушек не встретишь.
Зато зимой!
И откуда только прознают о бесплатной столовой.
На кормежку прилетает добрая сотня птах.
Одной кормушкой не отделаешься – не разместятся.
Приходится под сакурой расчищать площадку от снега.
И уже на нее сыпать пшено.
Когда на улице пурга, когда морозы трещат, мне кажется – воробьи на сакуре и ночуют.
Встанешь чуть свет – а они уже сидят на дереве.
Спать ложишься – а они все там же.
И дерево становится похожим на плодоносящую яблоню.
Только вместо яблок на ветках серые нахохлившие шары.
Чем холоднее и пуржистее – тем больше яблок на ветках.
Но стоит морозам отступить – и яблоки на ветках редеют.
А сейчас последние дни марта.

Весною пахнет…
И дерево мое выглядит сиротливо на фоне желтой дорожки пшена.
Оно оказалось так и не склеванным.
Почувствовав тепло, из всех щелей-укрытий повылезли жучки-паучки.
А воробьи за зиму так соскучились по биологической пище…
Я подумал, что усадьбу мою они покинули – нет, оказывается.
Они мне сюрприз приготовили.
И какой сюрприз!
Только вышел во двор – со всех сторон, из-под еловых крон, грянул настоящий хор в сотню воробьиных голосов.
И гремел до захода солнца.
Пока не похолодало.
А потом воробьев я уже не видел – разлетелись по своим вотчинам, оставив на сакуре парочку сторожей.
Чтобы – так мне кажется – защищать его от посягательств дальних родственников.
Лето, увы, у нас короткое.
А зимой так хочется кушать!

ЛАКОМКИ

Каждый день расписан по одному же и тому сценарию.
Заслышав гул возвращающейся с лесосеки машины, собаки выскакивают из укрытий и что есть духа несутся навстречу вахтовке.
Отрабатывая таким образом хлеб.
Сегодня традиция нарушена.
Заслышав гул, собаки наперегонки бросились навстречу своим кормильцам.
Но, едва добежав до старого дуба, с визгом повернули обратно…
И даже, когда машина подъехала к столовой, собаки не вылезли из укрытий.
Рабочие в вахтовке тоже возбуждены.
Картину, достойную кисти Шишкина, лицезреть удается редко.
А сегодня именно такой случай.
Медвежата так увлеклись сбором желудей, что позабыли про опасность.
Ни сигналы машины, ни рявканье разъяренной медведицы, пытавшейся остановить транспорт, долго не могли сладкоежек согнать с дерева.
С дерева, которое нависло над дорогой.
А согнав и выдав каждому по заслуженной

затрещине, медведица скрылась в зарослях бамбука.
Лесорубы долго не могли забыть увиденное.
И собаки забыть не могли.
Каждый раз, добежав по привычке до дуба, они поворачивают обратно.
И дожидаются своих благодетелей с безопасного расстояния.
Хотя медведи ни разу больше не появились у лагеря лесозаготовителей.
Это, может быть, и к лучшему
Желуди на радость белкам, сойкам и другим любителям таежного деликатеса висели на дереве до самого снега.
Лесным лакомкам бесценный подарок.

ПРЕДПИСАНИЕ ПРИШЛОСЬ ОТМЕНИТЬ

От взгляда опытного лесного инспектора трудно что-то скрыть на лесосеке.
Все видит он.
И поломанный подрост, и не расчлененные на фрагменты вершинки спиленных деревьев.
На этот раз мое внимание привлекло огромное сухое дерево, стоящее рядом с

обогревательным вагончиком – сушина.
Эта сушина зловеще раскачивалась на ветру, роняя мелкие сучки на снег.
При штормовом ветре дерево может упасть.
Упасть на обогревательный вагончик.
Или на выходящего из него лесоруба.
Тут и до трагедии недалеко.
Дал предписание, чтобы сухое дерево спилили.
Лесозаготовители – народ исполнительный.
Да и контролеров лучше не дразнить.
Но при очередной проверке дерево так и осталось стоять на месте, что привело меня в изумление.
– Совсем страх потеряли, – иронично усмехнулся я.
…Собачья стая, прижившая в городке лесозаготовителей, злобно залаяла.
Залаяла, не сводя глаз со злополучного дерева.
Перевел взгляд на сушину и я.
На вершине сидел огромный орлан.
Орлан-белохвост.
Когда только успел усесться!
– Каждый день как на работу прилетает, – прокомментировал происходящее мастер.
– Мы уже к нему привыкли. Хозяин здешних мест. С этого дерева все его царство как на ладони.

Не думаю, что в голодные февральские дни
прилетает сюда орлан для отдыха.
Либо помойка его привлекает, где можно
чем-то поживиться, либо щенки.
Вон как они колобками перекатываются у
вагончиков.
Не зря же так люто лают собаки.
Значит, прецедент был.
Кто их, щенков, считает.
Одним больше, одним меньше.
Орлан, – птица редкая, краснокнижная.
И с ним считаться надо.
Предписание придется отменять.
Не разрушать же место обитания именитого
хищника.
Легче вагончик передвинуть на безопасное
место.

КОНФУЗ

Забавная картина, да и только!
Две луговые мыши сидят друг против друга.
Не просто сидят, а дышат злобой – так
напряжены их крошечные тельца.
Гневно топорщатся жесткие усики.
Гневно сверкают ненавистью бусинки глаз.

Луговая трава только-только вылезла из прошлогодней подстилки.
Над ней возвышается мясистый стебелек медвежьей дудки.
А на дудке…
А на дудке, в пазухе меж стеблем и листом, мышиное гнездо.
Сантиметров сорок над землей.
Все понятно.
Знал бы язык грызунов, – стал бы их арбитром.
Ситуация как на ладони.
Ситуация довольно пикантная.
Трудолюбивый грызун построил уютное гнездышко.
На единственном сухом месте.
На только-только выстрелившей свечкой медвежьей дудке.
В пазухе между листом и стеблем.
Ну, не было больше подходящего места – сыро…
Оставалось только хозяйку найти для этого дворца.
Свою половину выбирает на всю жизнь – дело ответственное.
Пока искал – не один день прошел.
Медвежья дудка на полметра подросла.
Это же высокотравье – растет не по дням, а

по часам.
И гнездышко оказалось не на первом этаже лугового разнотравья, а на самом последнем.
И попасть в него по отполированному стволику просто проблематично.
Видимо, избранница и решила отказаться от такого небоскреба.
Конфуз! Трагедия!
Скоро детки должны появиться, а крыши над головой нет.
Он в гневе.
Она в гневе.
А кто виноват?
Весна и тепло.
Но с них не спросишь.
Природа торопилась наверстать упущенное.
Все в рост так и прет.
Но, я думаю, у грызунов тоже все уладится.
И помирятся, и новое гнездышко построят.
Вон сколько строительного материала кругом.
Не гулял же он где-то на стороне все время – трудился.
А небоскреб пусть стоит как громоотвод.
Пусть хищников к себе привлекает.
И отвлекает от настоящего жилого дома.
Такой дом – пустышку – он собирался только-только начать строить.

Не успел.
Я кашлянул, и мыши дружно исчезли в сухой подстилке.
Как будто и ссоры не было.
Теперь помирятся…

КРОХАЛЬ ПРИНОСИТ УДАЧУ

В глазах испуг и любопытство.
Он еще не осознал свое положение.
Продолжал изучать мир.
И не мог понять, что этот мир для него может закончиться.
Глаза как у ребенка.
Такая же тоненькая шея.
Такое же угловатое сложение.
– Вы не причините мне зла, – умоляюще вопрошал его взгляд.
А у нас на этот счет противоположное мнение.
Три дня питались только пшеном и мелкой рыбешкой.
Ее ловили сачком из ивовых прутьев и моей майки.
От пшена и рыбьей мелочёвки уже тошнить стало.
И вот удача – в сачок попал крохаль.

Голод не тетка – не до жалости.
Он хочет жить, мы тоже, между прочим…
Когда еще прилетит вертолет за нами,
сколько еще дней куковать на этой всеми
забытой речке?
Сахалин весь в дыму.
Всюду пожары.
Всем вертолет требуется.
А у нас вроде все благополучно.
Огонь затушили, и к нам спешить не надо.
Можем и до дождей подождать, – думает,
наверное, начальство.
Ход наших мыслей передался и крохалю.
И он сразу сник.
Глаза потускнели.
Шея сжалась.
Стал таким же, как обиженный ребенок.
И меня как током ударило:
– Что мы делаем!
Мы же облик человеческий теряем.
Птичка-то совсем маленькая.
Взял и разжал руки с досады.
Крохаль захлопал крыльями по воде – только
его и видели.
Даже поблагодарить забыл.
Товарищи не поняли меня.
В лагерь возвращались молча.

Молча ели болтушку из ненавистного пшена.
…А под вечер начал моросить дождь.
И вертушка появилась вскоре.
Наверное, это крохаль ниспослал удачу.

И ОДНОЙ ТАЙНОЙ В ЛЕСУ СТАЛО МЕНЬШЕ

По визиру, пробитому сквозь молодой ельник, я проходил не раз.
Так короче до лесосеки.
Метки на деревьях, сделанные при обустройстве лесов, не давали сбиться с пути.
И вдруг на деревьях – новая разметка, вносящая путаницу.
На сдирах коры еще не успела засахариться смола.
А на елке, у которой собрался отдохнуть, прилип пучок пестреньких перышек рябчика – загадка в загадке!
Что хозяин тайги таким макаром пометил свои владения – понятно.
На то он и хозяин.
Это для того, чтобы чужаки не доставали.
А перья рябчика откуда?
Ну, водятся они в наших местах…

На прошлой неделе сам видел дважды…
И оба раза лесная курочка, имитируя подранка, старательно уводила меня от своих пуховичков…
Ну и что?
Она же не верхолазка, чтобы по деревьям лазить.
А сегодня я ее почему-то не встретил.
Стоп!
Вот и разгадка.
Глупенькая, решила и с медведем поиграть в прятки.
Но он не повелся…
Стал я внимательнее присматриваться к лесной подстилке.
И тут же, под елкой, где стоял, глубокую вмятину обнаружил.
Сухая трава, перья – все хаотично перемешано с землей.
Медведь не я.
Прихлопнул лапой простушку – сразу и финал…
Тут же и отобедал.
Нет салфетки?
А еловая кора на что?
Потерся мордой о ствол – вот и вся гигиена.
А пучок перьев к смоляным потекам прилип.

Только и видели медведя.
И нет ему дела до того, что кто-то его головоломку разгадывать стал.

НОЧНИЦЫ

В бане прогорел котел.
Отремонтировать его не было времени.
Есть в доме ванна, значит, с помывкой в бане до лучшей поры можно перебиться.
Вот огородная страда закончится, и тогда…
Наконец, огороды убраны.
И на ремонт бани время нашлось…
На улице уже ледок – глубокая осень.
Раскочегарил как следует баню, да еще парку поддал.
Пусть стены лучше прогреются..
Столб густого пара сразу растекся по всем углам.
И вдруг – я даже не смог сразу понять происходящее – стайка каких-то птиц заметалась под потолком.
А потом закрутилась вокруг огромной бочки с холодной водой, моментально найдя в помещении самое прохладное место.
Едва открыл двери – незваные гостьи

покинули помещение.
Кроме одной.
Бедняга или не рассчитала траекторию полета в густом пару, или получила ожоги.
Очередной вираж закончился падением в бочку.
И хотя я быстро отыскал «утопленницу» – было поздно.
Маленький кожаный комочек размером не больше футляра от клеящего карандаша лежал на ладонях и не дышал.
Это была летучая мышь.
Одна из ночниц.
Оказывается, ночницы все эти годы гнездовались на чердаке бани, куда я ни разу не заглядывал.
Когда перестал пользоваться баней, решили расширить свои апартаменты.
Но, увы, неудачно.
И вот – трагедия.

СУШКА ШИПОВНИКА

Сушили мы шиповник.
На выцветшую палатку высыпали десяток ведер ягод.

Разровняли тонким слоем.
Оранжевое пятно на тусклом фоне двора далеко видно!
Подошла к палатке корова – и ведра ягод как не бывало.
Не зря поговорка существует – «как корова языком слизала».
Слизала и не поморщилась…
Прогнали рогатую.
На прохаживающуюся возле палатки ворону не сразу обратили внимание.
Ну и что, что ходит по кругу…
Ну и что, что глаз на ягоду косит…
А она, оказывается, бдительность усыпляла.
Только мы занялись своим делом – ворона к палатке ….
Прогнали и эту пройдоху.
А в середине дня на горке шиповника появились два полосатых бурундука.
Так увлеклись – только щеки раздуваются.
Ну, думаю, надо шиповник в доме досушивать.
Вон сколько клиентов объявилось!
Ладно бы, если б в лесу ягод не было.
А то на каждом кусту висят – собирай, не ленись.
Так нет же, дармоеды, на готовое норовят.
Этак и семян на развод плантации не хватит.

КОГДА НАДО ПОРАБОТАТЬ КОСОЙ…

В прошлом году луг был малиновым от цветущего клевера.
А в этом – желтее желтого.
Куда ни глянь – цветущее море лютика.
Прошлогодние ураганные ветры разнесли миллиарды ребристых семечек плодовитого растения по всей округе.
В природе врагов у лютика нет.
Скот его не ест.
Птицы ядовитых семечек не клюют.
А цепкость и выживаемость у лютика – удивительная.
Он как репей – зацепится, не выкорчуешь.
А на клеверном лугу чуть-чуть скот передержали.
К тому же дожди зачастили.
Вот и повыбил скот копытами клеверище.
По всему лугу плешивые пролысины.
А лютику хоть бы что.
Пригрело солнышко – и поползли щупальца пришельца по выбоинам и пролысинам, помечая желтыми флажками завоеванную территорию.
И если не поработать косой, ждет луг печальная участь.

СОЛНЕЧНАЯ ЗАБАВА

Еще вчера в лесу хозяйничал глубокий циклон.
А сегодня солнечный лес вновь играет всеми цветами радуги.
Потрескивают под ногами тоненькие льдинки зарождающегося наста.
Ледяными подвесками стучат гибкие ветви берез.
Яркое солнце на лазурном небе.
Хорошо в лесу.
Как будто и оттепели с холодным дождем совсем не было.
Больно и остро режет глаза солнечный пучок света.
Еще один, и еще…
На поляну выхожу с изрядно подпорченным настроением.
Опираюсь на лыжные палки.
Тяжело дышу.
Улетучилось хорошее настроение – и красота окружающего мира улетучилась.
А на кого сержусь? – мелькает в голове. – На природу?
На березы, в пазухах ветвей которых застывшие льдинки сверкают как венецианские зеркала?
На яркое солнце, которого так долго ждали

лесные обитатели?
А может, на самого себя?
За то, что пришел в эту пору в лес.
За то, что одышка появилась, за то, что годы не те?
И вдруг, как в зеркале, встает перед глазами картина – глухой таежный поселок.
Ватага расхристанных мальчишек и, как медведь, отбивающийся от своры собак, угрюмый дядька, старающийся вырваться из круговерти солнечных зайчиков, сыпавшихся на него с крыш домов, вершин деревьев, из придорожных кустов.
Осознав тщетность попыток вырваться из солнечного плена, дядька замирает, лицо расползается в улыбке.
И «зайчики», как по взмаху волшебной палочки, исчезают сами по себе. А ватага уже намечает очередную жертву.
Только жертву ли?
Ведь человек улыбнулся – значит, этому человеку подарили хорошее настроение.
Легко становится от воспоминаний.
И когда очередной «зайчик» пробегает по лицу, он уже не вызывает раздражения.
Детство.
У каждого человека оно было свое.

ГОРОДСКОЙ «СУПЕРМЕН»

Из сумки с городской снедью вылетел комар.
Большой, упитанный.
– На развод привезли, – друг, как всегда,
в карман за словом не лез. – Ваши-то,
деревенские, хилые… Породу улучшать
будем.
Шутка шуткой, а вокруг городского
«супермена» уже с полдесятка аборигенш
вьется.
Не дай Бог, породу и вправду улучшит.
– Да откуда они у вас? Все ж в городе живете?
– А что, в городе подвалов нет? У нас что ни
подвал – то субтропики.
Что ни подвал – то живое озеро.
А в каждом озере – личинки.
В-о-о-т этих кровососов!
На голове – жабры, на теле – жабры!
И дышат, дышат сволочи.
А нам от них – ни вдохнуть ни выдохнуть.
Совсем заели.
– Слушай, – говорю другу. – Ты не с того свою
селекцию начал.
Не от вас комаров на развод надо возить, а от
нас.
Сам же говоришь, что наши чахлые.

Их и ядохимикатами травят, и пестицидами.
Выродились.
Глядишь, и ваши от такого скрещивания зачахнут.
И проблема сама по себе решится.
Друг захохотал:
– А что, дело говоришь. Лови, набивай сумку…

В МУТНЫХ ПОТОКАХ

Запомнился мне такой случай из недалекого прошлого.
Село готовилось к севу.
Чуть свет вышли в поле сажалки.
Позже начальство приехало.
Съемочная группа с телевидения.
Но сценарий вдруг нарушился.
Где-то по дороге застряла телега с удобрениями.
Не сажать же без них?
Пропажу вскоре отыскали.
В дорожном кювете лежала вверх колесами.
Ее быстро подняли.
Наполнили новой партией удобрений.
А дальше все без срывов пошло.
Трактористы показали класс посадки.

Операторы отсняли нужные кадры.
Начальство закрепило успех.
Управляющий смахнул пот с лица, провожая гостей.
Все разъехались с чувством выполненного долга.
Лишь с ревом пронеслись машины мимо того места, где в кювете с водой осталась лежать гора удобрений.
Если бы это был месячник по экологии, киношники не проехали бы мимо такого безобразия.
И начальство сделало бы соответствующее замечание.
Но шел сев.
Борьба за урожай, как любили говорить.
А это уже другое мероприятие.
Так и осталась груда удобрений лежать в кювете.
Пока осенние ливни не растворили ее в мутных потоках.

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ

По асфальту, буквально рядом с торгующим людом, прохаживается небольшая, плотно

сбитая птица.
Высоко посаженная, чуть склоненная набок голова.
Внимательный живой взгляд.
На голове хохолок из нескольких длинных перьев.
Классический черно-белый мундир.
Удлиненные голенастые ноги.
Ну чем не птица-секретарь?
Только в миниатюрном исполнении.
Знаток птиц я неважный, но такую в наших краях, точно, вижу впервые.
Может, виной всему магнитные бури?
Бушуют они весь месяц.
А птицы ориентируются по магнитным полям.
Отклонилась от курса чуть-чуть – и вот результат…
По сторонам от асфальта двухметровые сугробы.
Бедняге не позавидуешь.
Что заставляет птицу держаться рядом с людьми?
Голод?
Надежда поживиться чем-то, когда люди уйдут?
А может быть, холод?
Асфальт хорошо прогрелся, и ноги не

мерзнут так, как на болоте или в поле.
А может быть, птица просто отдыхает?
Отдых в присутствии человека – гарантия безопасности.
Он не обидит, и хищники в его присутствии не тронут.
А уж они-то всегда начеку.
Очертания орлана постоянно возникают на горизонте.
Хозяин поднебесья службу несет безупречно.
Что ни говори, а с перелетом птичка явно поторопилась.
Хотя как сказать.
Сахалинская природа и погода так непредсказуемы, так изменчивы!
И зиму с весной порой разделяют не долгие недели, а короткие дни.
Два-три дня пригреет солнышко – вот и весна на дворе.
А весной каждый день на счету.
Тут запаздывать нельзя.

ГРАМОТНАЯ ВОРОНА

Из почтового ящика стали пропадать газеты.
Подойдешь к ящику за почтой – журналы на

месте, а газет нет.
Что за наваждение!
Почтальон – человек серьезный.
Рассеянностью не страдает.
О забывчивости и речи не может быть.
А газеты нет-нет да исчезают.
Даже деталь любопытную заметил: почему-то всегда это случается после снегопадов или во время снегопадов.
Будто злоумышленник таким образом следы заметает.
Правда, порой газеты, припорошенные снегом, приходилось находить где-нибудь рядом с ящиком – у забора, а то и на опушке леса.
Любитель чтения чужих газет, не найдя ничего интересного в содержании, по всей видимости, тут же выбрасывал их.
Но кто же он?
Секреты вечными не бывают.
Рано или поздно все равно раскроются.
Раскрылся и этот маленький секрет.
Глянул как-то в окно, чтобы узнать, не принесли ли почту (почтовый ящик прибит к забору в полусотне метров от дома).
Смотрю, а на почтовом ящике ворона сидит.
Не просто сидит – газеты читает.

Вытащит из ящика газету, распотрошит клювом, посмотрит внимательно и, не найдя ничего интересного, выбросит.
И так газету за газетой.
Распотрошенную газету подхватывает ветер, и она, как перекати-поле, за снежной поземкой катится к опушке леса.
Вот так, попробуй догадайся.
Что пробудило интерес вороны к духовной пище?
Только не содержание.
Даже вороне надоело бы изо дня в день читать статьи о нашей чернухе.
Все куда проще.
На помойку вместе с бытовыми отходами соседи выкидывают бумагу из-под масла, жира, рыбы.
Ковыряясь в ней, ворона таким образом пополняет нехватку в организме жиров, белков.
В пургу все заметается снегом.
А из почтового ящика даже в снегопад соблазнительно торчит бумага.
И хотя каждый раз, потроша корреспонденцию, ничего интересного в ней не находит (речь идет не о духовном содержании), занятия своего ворона не бросает.
А вдруг?..

МУЗЫКАЛЬНЫЕ СТОЛБЫ

Моя усадьба – не больше гектара.
А сколько столбов на ней понатыкано!
Слева от дома – линия электропередачи.
Справа – телеграфная линия.
В центре – радио по столбам бежит.
И никуда от этих чертовых столбов не денешься – вся жизнь деревни на них держится.
А для меня не столбы – боль головная.
Пернатые же обитатели усадьбы, наверное, считают по-другому.
И уж если столбы действительно боль, то благодаря им это не простая боль, а музыкальная.
Сейчас у дятлов сплошные гулянья.
С воздушными пируэтами.
С музыкальными играми.
А что может быть музыкальней столба?
Да ничего!
Сядет острокрылый кавалер на ЛЭПовский столб, хвостом покрепче упрется и такую искрометную дробь выдаст, что по алюминиевым проводам в обе стороны музыкальный звон побежит.
Загудят глухо провода, как тайга в непогоду, мысли разные навевая.

А соперник тоже не лыком шит.
Он тут же телеграфный столб оседлает.
А на нем чего только не навешено – от
медных проводов до стальной катанки.
Сотрясает музыкальная дробь округу.
Сверкают провода златом-серебром.
Чем не оркестр?
Чем не светомузыка?
Вот что значит исполнитель-профессионал!

У КАЖДОГО СВОИ ЗАБАВЫ

Перед носом машины в кювет спикировал
ястреб.
Растрепанный. Пыльный.
В топорщащейся рыжей накидке.
Весь в заботах.
Не до себя – прокормить бы прожорливое
потомство!
Вот и забыл про инстинкт самосохранения.
Так спешил, что чуть с машиной не столкнулся.
Проехал еще немного, – новый инцидент.
Через всю дорогу цепочка куличков-
пуховичков растянулась.
Пищит мамаша, крыльями машет –
поторапливает потомство: «Скорее,

скорее, видите, какое страшилище на вас надвигается...»
Хоть и выбоин перед машиной не было, а пришлось тормозить.
Что поделаешь – непредвиденная дорожная ситуация.
Нужно дать время, чтобы легкомысленная мамаша смогла увести своих чад в безопасное место.
Подальше от того же ястреба.
В отличие от ястреба, у куличков другая забота – остаться бы живыми в это неспокойное время.
А корм в каждой луже можно найти.
И как бы подчеркивая бренность жизни, где-то вдруг рядом закуковала кукушка.

ВОДОПОЙ

За два месяца солнце так иссушило огород, что земля превратилась в пыль. Картофель, едва выпустив ростки, так и не дав завязи, зачах.
Чтобы как-то сохранить крайние рядки, протянул к огороду шланг от водопровода.
Хоть тонкой струйкой – польется вода из него.
Смотришь, за ночь ростки и получат

необходимую влагу.
А утром передвину шланг еще подальше.
…Настало утро.
Я – к своему шлангу.
А там – очередь.
Стайка воробьев воду пьет.
Ну что ж, подожду, время есть.
Но воробьев тут же сменили синички.
А потом пара поползней головой вниз скатилась с вершинки березки и тоже – на водопой.
Такая карусель, что своей очереди не дождешься.
Жильцы, вы, конечно, нужные, важные: жучков и червяков ловите и вредителей уничтожаете…
Но потревожить вас придется.
Ведь у меня тоже работа.
Так что, будьте добры, подождите.
Кто вам в такую жару еще водопой устроит?

НАЕЗДНИК

Весною с другом убирали огород: сучья, ботву, листву прошлогоднюю.
Смотрю, друг лопату бросает.

На лице – изумление.
– Сколько живу, а такого еще не видел. Надо же – оса в коконе!
А я-то считал, что оса – насекомое коллективное, – и протягивает мне ладонь.
На ней – половинка кокона и оса.
Вернее, то, что он принял за осу.
– Тоже мне знаток!
– Ну, ведь и не бабочка, – обиженно оправдывается друг, – ты посмотри, какое у нее жало!
– Не жало, а яйцевод, – поправляю его, – и не оса это, а наездник. Хотя ты прав, выйти из кокона должна была бабочка. Обыкновенная капустница. Должна была – но собой пожертвовала. Мама этого красавца, – показываю пальцем на наездника, – еще летом отыскала гусеницу бабочки и ухитрилась с помощью своего «жала», как ты назвал яйцевод, отложить яичко прямо в тело гусеницы.
Гусеница еще долго ела, пила, жила обыкновенной и привычной жизнью, но была обречена.
...Она еще успела выткать кокон.
Окуклиться.
На этом все.

Дальше как индивид она просто перестала существовать.
Дальше – только биологический корм.
Корм для личинки наездника.
Прожорливой личинки, которая за зиму сожрала своего хозяина – и тело, и внутренности. Только оболочку кокона оставила.
Для себя оставила.
Как дом.
В котором и жила-поживала.
Время выжидала, чтобы превратиться в такого вот красавца.
Я мягко ударил по тыльной стороне его ладони.
Насекомое подпрыгнуло, расправило крылья и улетело…
Счастливого пути тебе, наездник!

ДО И ПОСЛЕ...

Грязно-зеленые листья лопуха.
Грязно-зеленый пульсирующий ком под листьями.
Холодные, сдвинутые назад глазки.
Жаба…
Огромный длинноногий комар после

неудачной попытки приземлиться на моем носу круто пикирует на лопух.
Еще бы, после такого шлепка можно только удивляться, как он вообще управление не потерял…
Жаба напрягается.
Открывает рот.
Язык вываливается набок.
Жилки на коже пульсируют все чаще и чаще.
Ну, вот и все…
Еще мгновение – и отлетался кровосос.
Но иногда мгновения затягиваются
Превращаются в вечность.
Пусть даже если вечность и величиной с комариную жизнь.
Но пока царствует в мире вечность, ситуация может меняться, как в цветном калейдоскопе.
И для охотника.
И для его жертвы.
Она как бы делит мир на две части: до того и после того.
Я это чувствую всеми клеточками своего тела.
Призывно в воздухе цокают вальдшнепы.
За сопкой догорает краешек солнца.
Все так же дребезжит, как плохо вставленное стекло, комар, пытаясь в очередной раз приземлиться на лопух.

Но мгновение, затянувшееся мгновение, в очередной раз поделило мир: до того и после того.
И поделило не в пользу жабы.
Для нее «до того» уже нет – она – по другую сторону мгновения.
Пустые глазки ее стали бесцветнее.
Выпавший кончик языка сосулькой застыл в уголке рта.
Коротким, замороженным прыжком жаба открывает дверь в вечность.
Крапивные и мятные прутики раздвигаются, вздрагивают…
Из зелени показывается приплюснутая голова с красным раздвоенным языком в раскрытой пасти.
Жабий прыжок завершается.
Змеиная пасть захлопывается.
…В воздухе висит острый мятный запах от потревоженных уползающим гадом растений.
Но это уже не для жабы…

РАЗ КАПУСТА, ДВА КАПУСТА…

Какой-то час назад собирали капусту
на берегу моря, а теперь собираем ее в
прибрежном лесу.
Только на этот раз капуста особая.
К морю никакого отношения не имеющая.
Грибная капуста.
На небольшой возвышенности под сенью
растрескавшейся ели, в окружении редкого
брусничника, огромный, с футбольный мяч,
ком.
Восковые чешуйки-лепестки на этом чуде
природы кучерявятся от самой ножки до
вершины.
Гриб светится каким-то неживым светом.
Только что прошло небольшое стадо коров.
И одна из буренок это чудо природы
зацепила копытом.
Теперь гриб-баран – это еще одно из
названий экзотического гриба – полулежит
сиротливо на боку.
Гриб занесен в Красную книгу.
Рвать его нельзя…
Но он уже фактически сорван какой-то
буренкой.
Не пропадать же добру.

За свое поразительное сходство с огородной капустой в народе этот гриб так и называют: грибная капуста.
Есть и научное название у студенистого создания: «спарассис кучерявый».
Нам повезло.
Данный гриб – редкость не только на Крильоне, но и на всем Сахалине.
Говорят, он очень вкусен, когда приготовлен вместе с лапшой.
Но кто с собой в тайгу берет лапшу?
Попробуем приготовить по-походному.
Может быть, получится не очень вкусно, но событие в памяти обязательно останется.
Редко кому на Сахалине приходилось лакомиться «спарассисом кучерявым».
Будет, что вспомнить.

ДО СВАДЬБЫ ОТРАСТЕТ

Прямо на тропке, проходящей через кустарник, два контрастных кусочка шерсти.
Белесый шарик заячьего хвоста и рыжий клочок от шубы лисицы.
Может быть, совсем недавно на этой тропке пересеклись пути двух самых

распространенных в нашей тайге обитателей – лисицы и зайца.
Встреча, финал которой редко бывает счастливым.
На этот раз или лиса не рассчитала бросок, или зайчишка успел с маневром.
Да видно, как встретились, так и разошлись.
Только цветок – так называют заячий хвост – остался лисице на память.
А сам косой, освобождаясь от цепкой хватки, ударом задних ног вырвал клок лисьей шерсти.
Зачем лисе заячий цветок?
Съесть – не съешь…
На нем не то, что мяса, даже кровеносных сосудов нет.
Просто голый кусок шерсти, который сполз с заячьих хвостовых позвонков безболезненно.
Да и зайцу память о встрече со своей смертью ни к чему.
Так и остались два куска разноцветной шерсти лежать на тропинке, порождая у лесных посетителей массу домыслов, в том числе и у меня.
А что касается заячьего хвоста, он до свадьбы отрастет.

До нее ведь далеко.
Свадьба обычно у зайцев в марте бывает.
Так что время есть.

ЧЕРТОПОЛОХ

Когда во дворе корову держал, двор всегда чистым был.
К осени рогатая все до последней травинки съедала.
Лучше всякой газонокосилки.
А голый двор для пернатых обитателей совсем интереса не представлял.
То ли дело сейчас.
Коровы нет.
Некому с буйством трав бороться.
Чертополох выше человеческого роста вымахал.
Мелкому зверьку, птице затеряться в дворовых джунглях можно запросто.
И сразу во дворе разные птицы появились.
Воробьи, которых целое десятилетие не видел.
Крикливые суетливые сойки.
А больше всего прилетело синиц.
Чертополох, видно, для них лакомство.
Повиснут вниз головой на колючей и в то

же время пушистой головке растения и раскачиваются туда-сюда.
Из ватного содержания головки терпеливо извлекают мелкие, как песчинки, семечки.
Я хотел сначала чертополох выкосить.
Куда ни пойдешь – колючки за одежду цепляются.
И не только за одежду.
Длина колючки чуть ли не в половину иголки.
А увидел увлеченных трапезой синиц – и стало этот репей жалко.
Не оставлять же красивых птичек без обеда.
А сам уж при передвижении по двору буду осторожнее…

ВСЕ НА КРУГИ СВОЯ

Когда-то кусты смородины на моем участке были такими плодоносящими, что я собирал с них несколько ведер ягод.
Но старость есть старость.
И человек ей подвластен, и растения.
Пришлось для омоложения вырезать кусты почти что под ноль.
Чтоб сорт сохранить.
А вырезанные ветки на пустырь вывез.

Туда, куда вывозил выполотую траву, ботву, листья.
Только кусты начали заново плодоносить – нашествие грызунов.
За зиму эта нечисть выгрызла все что можно.
После схода снежного покрова кусты выглядели, как скелеты.
Пришлось и их отправлять на пустырь.
Расстроился, конечно.
И вдруг смотрю – на пустыре молоденькие кустики смородины растут.
Да такие ладненькие, пышные.
И дошло до меня, что это не что иное, как счастливо укоренившиеся ветки, вывезенные мной сюда после омоложения смородины.
То есть мой сорт.
Который так менять не хотелось.
Вот и вернул кустики с выселок опять на участок.
Они и прижились замечательно, и урожай хороший дают.
Как говорят, все вернулось на круги своя.

ГЛАВНОЕ – КОНЕЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Пышными шапками расцвела в палисадниках калина бульдонеж.
Забила своей неземной красотой все древесное и растительное разноцветье.
Раскачиваются снежные шапки на ветру, соблазняют неземной красотой.
Прохожий люд заставляют останавливаться в изумлении.
Вот, – думаю, – всяким букашкам-таракашкам пофартило. Нектару пей, не хочу.
Но что-то пчелы и шмели не спешат садиться на это великолепие.
И даже редкие мухи, сделав полукруг, нехотя приземляются не в белоснежное буйство цветов, а к серединке поближе.
Туда, где цветочки мелкие и невзрачные.
Что насекомым до раскраски?
Стерильна и бесплодна белая кипень цветка.
Она – для обмана.
Для того, чтобы внимание насекомых-опылителей привлечь.
Чтоб потом насекомые обратили внимание и на мелкие, невзрачные цветочки в центре соцветия.

На них и воспроизводство держится, в них и нектар.
Вот и пускается калина на путь обольщения, как женщина, привлекающая кавалеров с помощью косметики.
И неизвестно, кто у кого перенял хитрость: как соблазнять, как привлекать…
Да это и неважно.
Главное – конечный результат.

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО

Под бетонным козырьком здания сельской администрации парочка деревенских ласточек свила гнездо.
Люлькообразное сооружение из глины, перьев, сухой травы и другой всякой всячины так вписалось в нехитрую архитектуру подъезда, что не портило внешнего вида.
Даже наоборот, придавало какой-то шарм.
А дискомфорт, связанный с жизнедеятельностью обитателей гнезда, в виде небольших белых пятен на бетонном полу с лихвой компенсировался тихой радостью, которую дарили обитатели гнезда

многочисленным посетителям здания.
Даже у самого угрюмого человека хоть на миг, но возникала на лице улыбка при виде копошащихся чуть ли не на расстоянии вытянутой руки беззащитных и доверчивых птичек.
Ходоки оживлялись, вступали в разговоры даже с совсем незнакомыми посетителями, проявляя несвойственную нашему времени общительность.
И тем самым получали заряд бодрости на весь рабочий день.
Трехметровая высота козырька защищала гнездо от любопытных мальчишек, которые постоянно крутились среди зевак.
И пока в гнезде находились птенцы, зеваки у гнезда не переводились.
А потом, когда птенцы поднялись на крыло, интерес к гнезду утих.
На него перестали обращать внимание.
Вскоре гнездо исчезло.
А когда, так никто и не заметил.
Может, у уборщицы кончилось терпение.
Может, у мальчишек взял верх азарт любопытства над благоразумием.
И они его разобрали по частям.
На предмет исследования.

Все может быть…
Только сразу исчезли улыбки на лицах посетителей, как и исчезли обиженные ласточки.
Исчезли неизвестно куда.
Наверное, туда, где к ним относятся терпимее и лучше.

ХОДОКИ

Стоит прилететь грачам, и природа сразу оживает.
И солнце ярче светит, и проталин среди снега больше становится.
Только не было у нас грачей.
А почему – не знаю.
И вдруг в конце мая, когда снег остался только на самых высоких вершинах сопок, в центре поселка появился самый настоящий грач.
Сначала издалека я принял его за ворону.
Он был такой же иссиня-черный.
Но при ближнем знакомстве птица оказалась и стройнее, и элегантней «сахалинских красавиц».
И нос был прямее и тоньше.

Самый настоящий, грачиный.
И щеки белесые, словно пудрой присыпанные.
Грач сразу облюбовал рощу с высокими деревьями на перекрестке главных дорог.
Я окрестил его ходоком.
Грачи обычно живут колониями, а тут один…
Наверняка, какое-то важное поручение своей колонии выполняет.
Может, новые места обитания присматривает.
Может, еще что-то.
Одним словом, ходок.
Птица оказалась компанейской.
Ее можно было увидеть и с воронами на помойке, и вместе с курами у курятника, и даже петух, огромный, злобный, был сравнительно терпим к экзотическому пришельцу.
За короткий период грач успел перезнакомиться со всем орнитологическим «бомондом».
И хотя большую часть времени он бродил по земле, выискивая червячков, насекомых, как подобает грачу, он часами высиживал на вершине самого высокого тополя.
Видно, приценивался к новой обстановке.

Гнезда вить пришелец не стал.
Было уже поздно.
На дворе гуляло лето.
Но это, по-видимому, и не входило в его намерения.
Грач так же неожиданно исчез, как и появился.
И если это действительно был ходок и наши края ему понравились, весной он обязательно появится.
И не один.
Появится, чтобы принести весну на крыльях.

ВСПЯТЬ

Три десятка лет назад на этой сопке рос рукотворный сосновый бор.
Здесь уже собирали грибы.
Появились первые кустики земляники, посеянные крылатыми лесоводами.
Но беспечный человек бросил окурок.
Маленький окурок на большой сопке.
И вот соснового бора нет.
Нет грибов.
Нет ягод.
Нет пахучей сосновой подстилки, в которой ноги приятно утопали по щиколотку.

Только густая поросль березняка и ольшанника среди тонких обугленных пенечков.
Который год я бываю на этой сопке.
И каждый раз возникает чувство досады.
Настолько несоизмеримы эти величины: какой-то окурок и прекрасный сосновый бор.
Окурок, помноженный на человеческую беспечность, вопреки здравому смыслу, оказался сильнее, весомее громадного бора.
В этом году среди чащобы березовых прутиков заметил малюсенькую елочку.
Первую и пока единственную.
Нелегко укорениться занесенному ветром семечку среди сухого разнотравья и бамбука!
Заметил и обрадовался: процесс пошел.
В природе всегда на место малоценного лиственного леса приходит более ценный хвойный.
Но на это требуются иногда столетия.
Если, конечно, за это время опять в молодом бору не появится какой-нибудь беспечный человек и не повернет вспять процесс эволюции.

ПОЛЯРНОЕ СИЯНИЕ

Конец октября на Сахалине – время непогоды. Вот и на этот раз очередной циклон, отметившись ураганными ветрами и ливнями в Приморье, неожиданно нагрянул на остров.
Южный пришелец успел укротить свой нрав, растерять силушку у соседей, но по-прежнему остался щедрым на осадки.
В считанные часы поднял уровень воды в реках, затопил огороды, проверил на прочность дома и крыши.
Вдобавок незваный гость лишил островитян и удовольствия лицезреть редкое для наших широт явление – полярное сияние.
Только что солнце выбросило в сторону земли гигантское облако заряженных частиц, превосходящее по размерам Землю.
А это значит: благодаря взаимодействию солнечного ветра с магнитным полем сахалинцы могли бы увидеть редкую и зрелищную картину на ночном небе.
Светящие сполохи доступны даже невооруженному глазу.
Открывай окно и любуйся полярным чудом…
И вдруг ни с того ни с сего какой-то циклон.

Циклон, которого хватило, чтобы закрыть облаками все небо.
И, естественно, все на нем происходящее.
Все, чего так напряженно ждали.
Когда теперь увидишь чудо-явление полярных широт?
Опять надежда только на солнце.
Что-то часто стало «возмущаться» оно.
Так что, может, и доживем до очередного всплеска солнечного ветра.
А значит, и до полярного сияния, его сопровождающего.
Уж очень хочется посмотреть на эту картину своими глазами.

НЕ ХВАТАЛО ТОЛЬКО ПИНГВИНОВ

В самый конец зимы на Анивское побережье Сахалина обрушился циклон из Монголии.
С ураганными ветрами.
С осадками.
С огромными запасами тепла.
В результате бокового давления ледяных полей друг на друга циклон досрочно взломал ледяное покрытие залива.
А обломки согнал в одно место.

Напротив поселка Рыбацкое.
Мелководные участки дна и прибрежная полоса залива оказались забитыми льдинами и ледяной крошкой на высоту трехэтажного здания.
Громадные ледяные глыбы на солнце слепили глаза, сверкая и переливаясь голубыми сполохами.
Таких торосов не видели даже старожилы.
На радость детворе эти громады, подмытые волнами, периодически рушатся в воду, сотрясая воздух пушечным грохотом.
Распугивают немногочисленных чаек.
Пейзаж мало чем отличался от антарктического.
Не хватало только пингвинов.
Но при хорошем воображении за них могли бы сойти и напуганные чайки.
Было бы желание.

КОГДА НЕ СХОДЯТСЯ ИНТЕРЕСЫ

Только окюветили дорогу перед зданием лесхоза – в новоявленном водоеме сразу появились обитатели – ондатры.
Их присутствие выдавали сильные завихрения на воде.

При клиновидной форме тела, напоминающей утюг, трудно блюсти маскировку.
Хотя к чему маскировка ондатре в воде?
Ей не надо выслеживать водных обитателей в поисках корма.
Ондатра – животное растительноядное.
Не надо спасаться бегством вплавь от врагов.
При опасности она может просто нырнуть.
Нырнув же, находиться под водой без воздуха добрый десяток минут.
А выйдет на берег после этого – будто и в воде не была.
Шкурка как была сухой и блестящей, такой и остается.
Она у ондатры плотная и водонепроницаемая.
Да еще покрывается пузырьками воздуха, не пропускающими воду…
А когда кюветы основательно поросли рогозами и ирисом, обитателей в канаве значительно прибавилось.
Ондатр даже обилие машин на дороге не пугало.
Для них самое главное – корма.
А беспокоящий фактор – дело второстепенное.
Хотя не раз кто-нибудь из молодых обитателей канавы по неосторожности попадал под машину.

Одна из таких неудачниц под осень целый день пролежала на асфальтированной площадке недалеко от входа в здание, поблескивая широким «рыбьим» хвостом, засиженным мухами, пока тушку с высоты не приметил коршун, лениво кружащийся в заоблачных далях.

…Жили бы ондатры в канаве и по сей день, если бы их активная деятельность не вступила в противоречие с деятельностью человека – человек старался спустить лишнюю влагу, чтобы дорожное полотно просыхало и не разбивалось.

Ондатры же старались влагу удержать.

Завалы из растительных остатков, сделанные ими, препятствовали сходу воды.

А норы под дорожным полотном способствовали его размыванию.

Вот и пришло очередное время ремонта и отсыпки дороги.

С углублением и расширением канав.

Вода в них перестала задерживаться.

Рогоз и ирис усохли.

А ондатры так же незаметно, как и появились, ушли.

Слишком разошлись интересы человека и зверя.

ЗАБЫВАЯ ПРО СВЯТОСТЬ

Вся жизнь человека от рождения до смерти так или иначе связана с природой. Все религии, праздники, обряды завязаны на ней.
В канун Нового года ставим рождественскую елку.
В Вербное воскресенье – пучок вербы.
На Троицу дом украшаем веточками березы.
И каждый из этих обычаев подчеркивает единение человека с природой.
Вот жаль только, что в наши фатальные времена из этих таинственных и священных ритуалов стала начисто выпадать святость.
И при проведении обрядов этих все больше и больше людей заботятся не об очищении души, а об извлечении вульгарной прибыли.
В начале января прошедшего года только за два дня я встретил в Южно-Сахалинске полдесятка машин с новогодними елками, направляющимися в сторону свалки.
На некоторых еще предновогодние снежинки не успели растаять.
Так и простояли невостребованными они все новогодние праздники где-то в ангаре или складе.
И это не просто елочки, а елки.

Вершины поверженных лесных великанов, которым жить бы да жить.…
Вот-вот расцветет верба. Принарядится перед Вербным воскресеньем.
Первой весной запахнет.
Таинственным пробуждением живой природы.
И птицы будут щебетать как-то веселее, как-то по-особенному.
Славить своего творца, своего создателя…
А на следующий день после Вербного воскресенья от цветущих верб на обочине дорог останутся… только скелеты.
И опять в сторону свалки зачастят грузовички с нераспроданным пушистым товаром.
И все потому, что опять же, чтобы славить Бога, дельцы от богоугодных дел ради максимальной выгоды и прибыли наготовят товара с запасом.
Чтобы было чем славить Бога!
Вот только нужна ли ему такая «слава»?
Хорошо хоть березок в окрестностях сел и городов много.
После пожаров полувековой давности.
Куда ни глянь – пустыри, поросшие березовым мелколесьем.
Поэтому березовые порубки не так заметны.
Не так бросаются в глаза на зеленую Троицу.

Вряд ли мы получим нужное удовлетворение от таких празднеств.
Ведь праздники придумывались нашими предками для исцеления душ наших, нашего тела. Чтобы подчеркнуть единение наше с природой.
А что мы делаем?
Что уж тут говорить о святости

ЖЕЛТЫЙ СНЕГ

Несколько лет назад случился со мной казус. После тяжелой недели решил как следует выспаться.
Проснулся, когда солнце стояло высоко в небе. По привычке выглянул в окошко: что там сегодня с погодой?
А у гаража желтая машина стоит.
– Гости приехали, а я до сих пор дрыхну, – так и обожгло меня.
И остатки сна как рукой сняло.
Только тревога оказалась ложной.
Спросонья свою машину не узнал.
Хотя как узнать ее, если цвет у машины переменился?
Всего лишь за ночь желтый снег перекрасил машину «белая ночь» в цвет яичного желтка.

А на следующий день прочитал в газете,
что даже в далекой Охе благодаря снегу
пожелтела вся округа.
Удивление, охватившее обывателей ,
нисколько не удивило метеорологов.
Для них это привычное явление.
Эка невидаль – желтый снег?
Порою с неба падают и черви, и рыба, и
другая живность.
А что касается снега, то он бывает не только
желтым, но и красным, черным.
Все зависит от того, откуда его надуло.
На этот раз надуло прямо из Поднебесной, из
далекого Китая.
Пыльная буря в одном из районов Китая,
некогда пострадавшего от массовой вырубки
леса, подняла мелкие частицы желтого песка
на пятикилометровую высоту, откуда песок
раскидало ветром на гигантское расстояние,
вплоть до Сахалина.
Вряд ли кто из нас из этого явления сделал
выводы.
А вот китайцы сделали.
Пыльные бури и наводнения, сотрясающие
страну в последние годы, заставили их по-
другому взглянуть на проблему окружающей
среды.

Ведь подобные катаклизмы возникают,
в основном, от глобальных изменений в природе, в том числе, и от вырубки лесов.
Вот и наложили они мораторий на вырубку своего леса.
Хотя их экономике ежегодно требуется двадцать миллионов кубометров.
А почему бы и не наложить, если проблему можно легко решить за счет соседей?
За счет нас.
Вот и идут лесные караваны от Иркутска до Приморья в Поднебесную.

БЫЛО БЫ ЖЕЛАНИЕ

Как-то мой друг, моряк с борта одного из «Нефтегазов», обслуживающих «Моликпак», на самодельный крючок поймал с десяток белокорых палтусов.
И это рядом с платформой!
Позвонил он мне: хочешь свежей рыбы – приезжай, улов в холодильник не влезает.
В разгаре была лососевая путина. Горбуши, кеты – ешь, не хочу. Но разве можно сравнить их с белокорым палтусом, во рту тающим?
В мешок вместилось только две рыбины.

Одна их них зашкаливала за шестнадцать килограммов.
Это надо же – больше пуда!
И вот еду я по автостраде.
Мешок с рыбой в кузове.
Рыбьи хвосты из мешка торчат.
Естественно, тормознули у поста ГИБДД.
Неописуемая радость!
Браконьера поймали!
Только недолго радовались постовые:
рыбины были плоские, с глазами навыкат
– к анивской ихтиофауне явно никакого отношения не имеющие.
Пришлось им с большим сожалением меня отпустить – уж больно аппетитно выглядела рыбка.
Она и на вкус оказалась – объедение.
И нефтью не пахла, хотя банка, где палтусы обитали, с платформой нефтяной рядом.
С которой сотни тысяч баррелей нефти добывают.
Сомнения о съедобности рыбы, всю дорогу душу точившие, сразу же исчезли, как только сковородка оказалась на столе.
И если этот случай – не исключение, то получается, что два трудно совместимых дела – и рыбку есть, и нефтью пользоваться –

все же можно объединить.
Места в море всем хватит.
Было бы желание!

ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ

Вчера еще луг был серым, невзрачным.
А сегодня, после теплого ночного дождя, его не узнать.
Изумрудный травяной ковер прикрыл и замызганные кюветы вдоль дорог, и берега ручейков, заваленные сухим высокотравьем, и кочковатую коросту парящей низины.
Нарядным стал луг.
Праздничным.
А как еще прикажете красавицу-весну встречать?
И лишь гигантские черные пятна среди луга, как следы посадок фантастических летающих тарелок, омрачали эйфорию пробуждающей природы.
Эти пятна не вписывались в веселое весеннее буйство.
На них не залетали бабочки.
На них не садились птицы.
Даже дождевые черви, и те не пересекали

роковую границу.
Мертвое безжизненное пространство отпугивало буквально всех от мала до велика.
Долго ломал голову над этим чудом природы.
Знакомых и друзей расспрашивал.
Может, кто-то слышал чего-то?
Может, кто-то видел чего-то?
Может, это дело рук пришельцев?
Но все оказалось сугубо банальным и земным.
Характерной чертой нашего разгульного времени.
Прошлый год был урожайным на рыбу.
В поисках сбыта улова тяжелогруженные «КАМазы» сновали туда и обратно по редким дорогам от одного портового города к другому.
Но рыбообрабатывающие предприятия были перегружены, и «камазисты» все чаще получали отказ.
Во время марш-бросков рыба варилась и портилась.
Вот и разгружали ее «камазисты» на лугах вдоль дорог подальше от любопытных глаз.
Хозяева порченный груз все равно не примут.
Ударная доза азота от разлагающейся рыбы буквально выжигала почву, оставляя на

много лет гигантские безжизненные пятна. И лишь по микроскопическим косточкам на пятнах можно было догадаться о трагических событиях.
Пройдет не один год, прежде чем на обугленных пятнах появится первая травка. Но, увы, к этому времени появятся и новые пятна.
Своими природными богатствами мы еще не научились распоряжаться разумно.

ПРИЗРАК РЫСИ

Тот, кто когда-то хоть раз слышал голос рыси, никогда не спутает его с чьим-то другим. Вот и технорук одного из лесозаготовительных предприятий, уловив ухом причудливо переплетающиеся «мяу» и «р-р-р», сразу понял, что оказался на участке самой большой лесной кошки.
Встретиться один на один с пятнистой хозяйкой этих мест – удовольствие не из безопасных – ведь вес рыси может достигать трех пудов.
А ее когти по остроте не уступают кинжалу. Ретироваться в таком случае – самое

разумное решение…
Только как это сделать?
Если здесь, в верховьях реки Заветинка,
у самой «крыши» Камышового хребта,
запланирована вырубка леса.
И ему надо обустраивать лесосеку.
Последний раз рысь наши селяне видели лет сорок назад.
И то в виде чучела.
Чучела, которое изготовил местный лесник из добытой лесной кошки в верховьях реки Кулики.
Тоже в предгорьях Камышового хребта, только на противоположном склоне его.
Теперь урочище Кулики уже не то, что прежде.
Поредели его леса.
И биоразнообразия поубавилось.
Не то, что рыси – соболюшке в этих местах с пропитанием порой туго приходится.
А на Заветинку человек совсем недавно пришел.
Здесь и краснокнижная кабарга в изобилии, и зайца с рябчиком не счесть, и бисерными дорожками грызунов снежное полотно густо выткано.
Да и нога человека в этих местах почти не ступала.

Но повырубят тайгу-кормилицу, как в урочище Кулики, и исчезнет все это богатство как по мановению волшебной палочки.
А по проложенным дорогам человек с ружьем зачастит.
И рыси придется искать новое убежище.
Только найдет ли она его?

ЦЕОЛИТЫ

Впервые о цеолитах я услышал десяток лет назад.
Дорожники начали разрабатывать карьер у дороги.
Уж очень хорош камушек в нем для отсыпки.
А им вдруг запрещают – отсыпать цеолитом дорогу равносильно отсыпать ее золотом.
Не так много таких месторождений в России.
А камень этот нужен буквально везде: и при очистке углеводородов нефти, и как катализатор, и для очистки газов, и для осушки их.
Для создания глубокого вакуума.
Для извлечения радиоактивных элементов.
И прочее, прочее…
А тут, оказывается, богатые выходы цеолита

в наших окрестностях.
И зашевелились предприниматели.
Десятки гектаров лиственницы снесли, освобождая камень от растительного покрова.
Дорогами, как рвами, сопки поизрезали.
От такого надругательства над природой у меня сердце кровью обливалось.
Но ничего сделать не мог.
Все шло по закону.
В руках у каждого лесобилет на порубку.
Но, на беду бизнесменов, камень очень крепким оказался, а пласты – падающими.
Без шаровых мельниц и новейшей карьерной техники при добыче цеолита не обойтись.
Да еще рынок сбыта не отработан.
Откуда такие астрономические деньги у новоявленных бизнесменов?
А некоторые уже успели контракты заключить, которые надо выполнять.
… Смотрю на сопку недалеко от дома, а она «худеет» буквально на глазах.
И ельничек с нее местами сполз.
А на обочине асфальтированной дороги какие-то кучи из сероватого камня появились.
Когда разобрался – вывел на чистую воду воришек.

Не в силах разрабатывать камень в карьере, они стали его у меня из лесфонда таскать.
Склон сопки оказался сыпучим, в виде мелких камешков и чешуек.
Его ни взрывать, ни долбить не надо.
Знай только, черпай цеолит экскаватором.
Вот и дочерпались…
Правда, не наказал за самовольство: на жалость взяли.
Показали документы из научного института: сколько детей с его помощью было от белокровия вылечено.
Показали документы: сколько фильтров еще нужно на водозаборы области поставить.
Вот и сжалился.
Но вето на беззаконие наложил.
А в этом году новый всплеск интереса к цеолиту.
Прошел по телевидению сюжет, как японские врачи с помощью его рак излечивают.
И что они закупили уже для этих целей крупную партию цеолита в Турции.
А у нас горы его под носом.
И опять начали долбить камни тут и там отчаянные изыскатели.
Вот и друг мой приехал, у которого проблемы со здоровьем.

Наковыряли сумку чешуек-камешков.
Может, действительно, камень лечебный.
А если и не лечебный – все равно лекарство, раз веру у больного на выздоровление поддерживает.
… А камешек, действительно, золотым становится.
До двухсот рублей за пятьдесят граммов приходится платить за него в областном центре.
А в нищем селе горы камня проглядывают тут и там.
Да что там горы – жилы его разрезают даже русла рек.

ОГОНЬ ЕЩЕ НАДО НАЙТИ

От летчика-наблюдателя приняли сообщение: в одном из кварталов лесничества обнаружены дымоточки.
А как их найти на месте – решать уже тебе, лесничий.
Только попробуй отыщи кусочек тлеющего торфа среди бескрайней болотной мари…
Это равносильно тому, что иголку в стоге сена искать.

Ни дорог, ни просек, ни других примет человеческой деятельности.
Даже подходящего дерева рядом нет, на которое можно было бы влезть и оглядеться.
Тут может выручить только смекалка.
Как бы ни был удален лесной уголок, на котором произошло загорание, как бы ни был скрыт он, лесные обитатели в нем обязательно водятся.
А значит, есть своя «транспортная сеть».
Для того чтобы общаться между собой, охотиться, добывать пропитание.
Ходить на водопой.
То есть звериные тропы.
А все эти тропы начинаются, естественно, от воды.
Долго мы искали такую тропку-дорожку и отыскали в конце концов.
Рядом с берегом полувысохшей речушки с бесхитростным названием Вторая.
Ее успели обустроить грибники или ягодники.
Они и завалы поразобрали, и кочки повыбили, и торфяную почву, поросшую местами сфагнумом, утрамбовали.
Одним словом, не тропка, а настоящая палочка-выручалочка.
По ней можно двигаться без помех.

Только изредка корявый куст багульника зацепится за полу куртки, чтобы попытаться сдержать передвижение.
Но это такая мелочь, на которую в подобной ситуации не принято обращать внимание.
Главное – двигаться побыстрее вперед и выйти к злополучным «дымкам».
…И вышли все-таки!
Тропка привела к чадящему горельнику.
А вернее, горельник сам вышел к тропке.
Огонь не сумел преодолеть крошечного минерализованного барьера и встал.
Встал, сердито крутясь торфяными «самокрутками» под кореньями корявых лиственниц.
Видно, вышел на этот рубеж к вечеру, когда сила его поослабла.
В полуденную жару ситуация развивалась бы по другому сценарию.
Но нам другая ситуация ни к чему.
С этой бы справиться.

ТРОПКА

Обочина нашей тропки – как витрина магазина «Дары природы».
Куртинки крошечного кустарника брусники сменяют сочные стебли морошки с еще не дозревшей ягодой.
Мягкую подстилку мха сфагнума тонкими нитями-стеблями прошила клюква.
Среди густого багульника – на высоких сухих пригорках – сочные заросли ландыша и костяники.
И в это сказочно богатое лесное царство пришел потребитель всего живого – огонь.
Я срываю с приземистого кустика можжевельника несколько синеватых ягод.
Терпкий вяжущий вкус сводит скулы, от него немеет язык.
Лучшего бактерицидного средства в тайге не найти.
Веточки на можжевельнике слегка примяты – кто-то на этот «клондайк» уже до меня обратил внимание.
А вот на тропе и «визитная карточка» этого незнакомца.
И как роспись на ней – отпечаток внушительных размеров когтистой лапы.

Медведь побывал здесь за считанные часы перед нами.
В разгар рунного хода лосося по доброй воле медведи водоемов не покидают.
Видно, доконали паразиты, которых много в сырой рыбе.
А можжевеловые ягоды – лучшее средство избавиться от них.
Конечно, могла у медведя быть и другая причина посещения этих мест.
Медведи – лакомки ужасные.
Решил полакомиться спелой ягодой, а тут такая досада – лесной пожар.
Прямо под ногами на тропе с десяток сухих груздей.
В другое время сгреб бы это богатство в сумку и соседние куртинки леса, чудом затерявшиеся в болотном царстве, облазил бы.
Но сегодня не до этого.
Сегодня нужно от огня это богатство спасать.
И нам, благодаря найденной тропе, сделать это будет намного легче, чем нашим предшественникам, которые «воевали» в этих местах с огнем «втемную».
Они добирались до «головы» пожара по его кромке, по багульнику, болотному разнотравью.

Переход занимал несколько часов.
А нам подфартило.
У нас своя тропа.
К тому же, и вода рядом…

ОГЛАВЛЕНИЕ

1.Лес суеты не любит (повесть) .....стр. 4
2.Мама арМия! (повесть) .....стр. 64
3.На ручье Тигровом (повесть).....стр. 122
4. За пером жар-птицы (повесть) .....стр. 151
5. В царстве орлана-белохвоста (повесть) .....стр. 181
6. Фимка (повесть).....стр. 248
7. Рассказы и истории .....стр. 276
Операция «Шок и трепет» .....стр. 276
Как общалась кошка с котом .....стр. 279
Миха.....стр. 282
Кордон-стан.....стр. 286
В больнице .....стр. 290
Кот-аристократ .....стр. 294
Живая валюта .....стр. 301
Собачьи истории .....стр. 303
Клоповка и медведь.....стр. 312
Дом и сливовый сад .....стр. 315
Актеры покинули сцену .....стр. 317
Что в имени твоем .....стр. 320
8. Стежки- дорожки (рассказы) .....стр. 331
Елочки.....стр. 331
Доверчивая синичка .....стр. 333
Многодетная мамаша.....стр. 335
На скошенном лугу стр.337

Когда царя птиц застают врасплох.....стр. 339
И никакой конкуренции .....стр. 340
А могла бы стать визитной карточкой ....стр. 342
Прощальный концерт .....стр. 345
Лакомки .....стр. 347
Предписание пришлось отменить .....стр. 348
Конфуз .....стр. 350
Крохаль приносит удачу .....стр. 353
И одной тайной в лесу стало меньше .....стр. 355
Ночницы.....стр. 357
Сушка шиповника .....стр. 358
Когда надо поработать косой .....стр. 360
Солнечная забава.....стр. 361
Городской супермен .....стр. 363
В мутных потоках .....стр. 364
Птица секретарь .....стр. 365
Грамотная ворона .....стр. 367
Музыкальные столбы .....стр. 370
У каждого свои забавы.....стр. 371
Водопой .....стр. 372
Наездник .....стр. 373
До и после .....стр. 375
Раз капуста, два капуста .....стр. 378
До свадьбы отрастет.....стр. 379
Чертополох .....стр. 381
Все на круги своя .....стр. 382
Главное – конечный результат .....стр. 384

Ласточкино гнездо .....стр. 385
Ходоки .....стр. 387
Вспять .....стр. 389
Полярное сияние .....стр. 391
Не хватало только пингвинов .....стр. 392
Когда не сходятся интересы.....стр. 393
Забывая про святость .....стр. 396
Желтый снег .....стр. 398
Было бы желание .....стр. 400
Летающие тарелки .....стр. 402
Призрак рыси .....стр. 404
Цеолиты .....стр. 406
Огонь еще надо найти.....стр. 409
Тропка .....стр. 412